

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

(к 70-летию депортации немецкого населения СССР)

Оренбург 2013

Правительство Оренбургской области
Научно-исследовательский институт истории и этнографии
Южного Урала
Оренбургского государственного университета
Оренбургская городская общественная организация немцев
«Квеллен» («Истоки»)

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

(к 70-летию депортации немецкого населения СССР)

*Материалы Межрегиональной
научно-практической конференции*

Оренбург 2013

УДК 94(470.56)"1917/1991"

ББК 63.3(235.55)

Н50

Н50 Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы (к 70-летию депортации немецкого населения СССР). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – 230 с.

ISBN 978-5-4417-0247-8

В сборнике объединены материалы межрегиональной научно-практической конференции «Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы (к 70-летию депортации немецкого населения СССР)», которая состоялась в г. Оренбурге 29 апреля 2011 года.

В представленных материалах рассматривается положение немецкого населения Южного Урала в предвоенные годы, экономическое, социальное, политическое и культурное положение немецкого населения в местах депортации, анализируется практика осуществления на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны политики трудовой мобилизации и установления режима спецпоселения как продолжения политики государства в отношении советских немцев. В сборнике представлены отдельные биографические данные и обширный фотоматериал, иллюстрирующий жизнь немецкого населения Оренбургской области в предвоенный, военный и послевоенный периоды.

Книга адресована широкому кругу читателей, ученых и специалистов, интересующихся историей российских немцев, а также этнополитическими процессами в Южно-Уральском регионе.

УДК 94(470.56)"1917/1991"

ББК 63.3(235.55)

ISBN 978-5-4417-0247-8

© Коллектив авторов, 2013

© ООО ИПК «Университет», 2013

НЕМЦЫ ОРЕНБУРЖЬЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Оренбургская область – один из многонациональных регионов России. Сегодня здесь в традиционном добрососедстве проживают представители 126 национальностей.

За столетия совместной жизни между народами Оренбуржья сложились уникальное взаимопонимание, уважение друг к другу и, что чрезвычайно важно, веротерпимость. Все это предопределило в качестве одного из приоритетных направлений в деятельности региональной власти национальную политику, отвечающую интересам и потребностям всех этнических групп, проживающих в регионе.

Мы стремимся решать национальные проблемы с учетом истории, традиций, образа жизни, культуры народов Оренбуржья. В этих целях у нас разработана и осуществляется ведомственная целевая программа реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области, которая финансируется за счет областного бюджета.

Немцы Оренбуржья занимают особое место в полинациональной палитре Южно-Уральского региона. Их заселение носило волнообразный характер. Первые 14 семей, прибывшие из Саратова, объединились в колонию, положили начало переселенческому процессу в 1777 году. Затем массовое заселение Оренбуржья отмечается в 1890, 1892, 1901 годах.

Немецкие переселенцы внесли большой вклад в освоение края. Они несли на новые земли высокую культуру земледелия, новые ремесла, современную технологию переработки сельскохозяйственной продукции. С Украины колонисты везли семенной материал, элитные породы скота, сельскохозяйственный инвентарь. Это имело большое значение для дальнейшего экономического развития Оренбургского края, улучшало землепользование на новых землях.

В 30-е годы XX века здесь был создан и просуществовал вплоть до 1938 г. Кичкасский немецкий подрайон, а затем и район. Здесь были прекрасные хозяйства, колхозы и совхозы. Сотни сельских тружеников из числа немцев являлись передовиками производства, были награждены правительственными наградами.

В годы Великой Отечественной войны все трудоспособное немецкое население было направлено в ряды трудовой армии и внесло огромный вклад в победу над фашизмом. Этому непростому периоду истории немецкого населения нашего региона и посвящена наша сегодняшняя конференция.

Многие имена оренбуржцев немецкой национальности навсегда вписаны в историю нашего края. Среди них строители и нефтяники, доярки и механизаторы, учителя и работники культуры. Говоря об этом, конечно же, нельзя умолчать о губернаторах Иване Андреевиче Рейнсдорпе, Петре Кирилловиче Эссене, Федоре Федоровиче фон Таубе, которые внесли большой вклад в становление и развитие оренбургской губернии. Ныне область возглавляет Юрий Александрович Берг.

В постсоветские годы из 48 тыс. оренбургских немцев на свою историческую родину выехало 45 тыс. человек. Но, как показала перепись населения 2002 г., благодаря притоку в регион немцев из стран Центральной Азии – Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, численность немецкого населения в области составляет более 18 тыс. человек. По этому показателю Оренбуржье занимает первое место в Приволжском Федеральном округе и десятое в целом по России.

В Оренбуржье созданы и активно действуют 118 национально-культурных общественных объединений. В их числе 11 немецких общественных организаций, которые активно действуют в городах и районах нашей области. В прошлом году была создана Оренбургская городская общественная организация немцев «Квеллен» («Истоки»), которая активно включилась в работу по объединению немцев города Оренбурга, удовлетворению их этнокультурных запросов. Эта организация является одним из организаторов нашей сегодняшней конференции.

В Оренбуржье вошло в традицию проведение ежегодных мероприятий оренбургских немцев: областных праздников немецкой культуры, праздников «чествование труidarмейцев», летних лингвистических лагерей для молодежи, календарных праздников: Пасхи, Дня Благодарения, Рождества, Дня Святого Валентина и других.

Сегодня в Оренбуржье уделяется большое внимание сохранению этнокультуры немецкого населения. В клубной системе области на протяжении многих лет работают самодеятельные немецкие творческие коллективы. Гордостью Переволоцкого и Красногвардейского районов являются Кубанский, Кичкасский и Подольский музеи не-

мецкой культуры и быта, носящие звание «Народного». В 11 районных и городских библиотеках области созданы фонды литературы на немецком языке. Так, только в центральной библиотеке Переволоцкого района хранится около 300 изданий на немецком языке.

В сентябре 2008 г. при участии чрезвычайного и полномочного посла Германии в России Вальтера Юргена Шмидта состоялось торжественное открытие немецкого подворья, расположенного в культурном комплексе «Национальная деревня» г.Оренбурга. Здесь располагаются этнографический музей культуры и быта немцев Оренбуржья. В немецком подворье каждый оренбуржец может познакомиться с богатой культурой немецкого народа.

В Оренбуржье регулярно проходят научно-практические конференции, по итогам которых издаются сборники материалов. За постсоветские годы издано около 10 книг по этнической истории и духовной культуре оренбургских немцев. Особого внимания заслуживают сборники, составленные на основе архивных документов «Из истории оренбургских немцев» и «История немцев Оренбуржья в документах». Одна из них, была удостоена диплома IV Общероссийского конкурса «Университетская книга» в номинации «Лучшее историко-биографическое, краеведческое издание».

В этом сборнике, представлены материалы межрегиональной научно-практической конференции «Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы», приуроченной к 70-летию депортации немецкого населения СССР. Уверен, что этот сборник, как и предыдущие издания, также найдет своего заинтересованного читателя.

Бугай Н.Ф. (Москва)

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ В СССР: ДЕСПОТИЗМ ВЛАСТИ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ*

Реальность нашей действительности в 1990-е – начале XXI века такова, что появилась возможность заполнить пробелы истории, обратиться к ранее неизученным её аспектам, восстановить во многом историческую справедливость, касается ли это истории самого функционировавшего режима власти, или составных частей государства, или различных по своей численности народов. В полной мере такое заключение относится и к рассматриваемой теме, внимание к которой со стороны исследователей все более возрастает¹.

Начиная со второй половины 1980-х годов дали оценку всем этим деяниям истории. Появились исследования как обобщающего характера, выполненные в масштабе всей страны², так и посвященные специально этническим общностям России, подвергшимся репрессиям, и базирующиеся не на эмоции, личных переживаниях, а на богатой документальной основе. Среди них и этническая общность советские (российские) немцы³.

По данным статистики на начало 1939 года в Союзе ССР насчитывалось 1427222 гражданина немецкой национальности, из них в Украинской ССР – 392458 человек, Краснодарском крае – 34287 человек, Орджоникидзевском крае – 45689 человек⁴.

По данным созданного в марте 1944 года в структуре НКВД Союза ССР Отдела спецпоселений, начиная с середины 1930-х годов и до конца 1940-х годов (в 1949 году был произведен переучет спецпоселенцев), на территории СССР среди претерпевших принудительное переселение было около 3,5 млн. человек. В числе их значились 1024722 гражданина немецкой национальности (“советские немцы”), около 640 тыс. чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, 92 тыс. калмыков, 692 тыс. бывших кулаков, в число которых входили в преобладающем количестве представители русской национальности, 194 тыс. крымских татар, около 40 тыс. греков, армян и болгар из Крыма, а также около 30 тыс. греков из районов Черноморского побережья

* Научный проект выполнен в Центре «Историческая наука России» при помощи гранта в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие». Направление №4. «Становление гражданского общества в России»

Грузии (особенно Абхазской АССР) и Краснодарского края, около 100 тыс. турок, курдов, хемшин из Месхетии, более 400 тыс. поляков, граждан Украины и Белоруссии, 12 тыс. финнов, 172 тыс. корейцев, 8 тыс. китайцев, 8 тыс. иранцев и представителей других народов⁵.

В 2011 году минуло 70 лет с тех пор, когда депортировалась самая значительная группа советских немцев с территории автономии немцев Поволжья и других административных областей, республик, краев в столь отдаленные места. В связи с этим в статье главное внимание уделено вопросу о депортации, трудовой занятости, реабилитации именно российских немцев. Конечно, надо всегда помнить, что этой «гнусной» по своему содержанию политикой были охвачены в 1930-е – 1950-е годы и другие этнические общности в советском государстве.

Боевая сплоченность и дружба многонационального личного состава войск проявлялась в ходе всей войны, на всех участках громадного советско-германского фронта.

Внутриательной силой, как отмечалось, являлось также и партизанское движение, в котором принимали самое активное участие представители многих этнических общностей, подвергшихся репрессиям. Однако параллельно присутствовал и симптом недоверия этническим меньшинствам. В этом направлении продолжалась и «нормотворческая» работа. 20 июля 1937 года в качестве приложения к протоколу заседания Политбюро ВКП(б) появилась записка Сталина (П 51/324), в которой предписывалось «всех немцев на наших военных, полувенных и химических заводах, на электростанциях и строительствах, во всех областях арестовать». Затем последовал приказ наркома Н. Ежова по всем органам НКВД СССР арестовать работающих немцев (на артиллерийских, снарядных, винтовочно-пулеметных, пороховых и т.п. заводах), выселить часть арестованных за границу. На основе предписания (П 60/91) от 10 апреля 1938 года проводилась тут же «чистка» военных заводов Тульской области и железной дороги⁶. К началу осени 1938 года задача была уже выполнена.

В самый разгар репрессивных воздействий на граждан Дальнего Востока, 24 июня 1938 года, была принята Директива Наркомобороны СССР за № 200/ш. Основное ее требование сводилось к тому, чтобы немедленно были изгнаны из сферы обороны не только корейцы, но также поляки, немцы, румыны, латыши, эстонцы и представители других этнических общностей.

Вскоре после издания директивы 200/ш (по очень неполным сведениям: без данных по Киевскому и Забайкальскому округам, по

Тихоокеанскому флоту и Дальневосточной флотилии) особыми отделами было выявлено около 13 тыс. подлежащих увольнению «националов», четыре тысячи из них уволено, две тысячи из числа уволенных арестовано. Средние данные замнаркома обороны Е.А. Щаденко (1940 г.), сведенные О.Ф. Сувенировым: всего по директиве 200/ш было уволено 4138 человек комначполитсостава, из них позднее восстановлено в армии 1919, осталось уволенными 2219 человек⁷.

Некоторое время спустя последовала изданная Наркоматом обороны СССР директива «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году», предусматривавшая отказ от призыва «социально-опасных призывников». Конечно, она распространялась на многие этнические общности.

23 июня 1940 года Л. Берия подписал приказ о переселении 5-10 июля из Мурманска и Мурманской области «граждан инациональностей» (терминология введена НКВД СССР). К этому контингенту были причислены: финны, шведы, норвежцы (2540 семей, или 6973 человека, их переселили в Карело-Финскую АССР); китайцы, немцы, поляки, греки, корейцы и др. (675 семей, или 1743 человек были депортированы в Алтайский край)⁸.

Как «неблагонадежный» элемент немцы были превентивно наказаны и депортировались из Москвы, Московской и Ростовской обл., АССР немцев Поволжья. Их переселение осуществлялось на основе постановлений и приказов ГКО и НКВД СССР, постановлений под грифом «совершенно секретно» Государственного Комитета Обороны (№ ГКО-636сс от 6 сентября 1941 года), «О переселении немцев из г. Москвы и Московской области и Ростовской области» (6 сентября 1941 года), приказа народного комиссара внутренних дел СССР «О мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из гор. Москвы и Московской области» (№ 001237 от 8 сентября 1941 года) и других.

В первую очередь «защищалась» от немцев Москва. «Меня выслали вместе с отцом и дедом из Москвы в Оренбург, – вспоминал почетный председатель Региональной НКА Московской области Э.Ф. Вилль, – выселять немцев из Москвы было труднее, чем из Поволжья. Были такие немцы, которых просто боялись депортировать. Кренкель – известный полярник или академики – Бах и Тамм. Известный ученый Отто Шмидт – тоже немец. А у композитора Шнитке – отец был евреем, а мать немкой – его тоже не тронули. В Москве немцев надо было отлавливать»⁹.

Данные о советских немцах были обобщены в сообщении в НКВД СССР начальника УНКВД по г. Москве и Московской обла-

сти М.И. Журавлева об окончании переселения лиц немецкой национальности из районов области (№ 1/692 от 15 сентября 1941 года), в докладной записке в НКВД СССР о результатах операции по переселению немцев из Москвы и районов Московской области (20 сентября 1941 года), подготовленной заместителем наркома НКВД СССР Б.З. Кобуловым, в списке станций погрузки и разгрузки немцев, депортированных из Москвы и Московской области (2 октября 1941 года) и других.

Итоговые сведения о депортированных немцах содержатся в справке 2-го управления НКВД СССР от 18 сентября 1941 года, подготовленной капитаном госбезопасности Агекином. В документе указано, что из Москвы и Московской области подлежали переселению 11576 граждан немецкой национальности¹⁰. Уже на 21 октября 1941-го по данным справки отдела спецпереселений НКВД СССР о переселении граждан немецкой национальности из Москвы и Московской области было переселено 8640 немцев¹¹. Они направлялись на станцию Нуринская Карагандинской области, а также на ст. Разъезд №96 Сыр-Дарьинской области. Сюда предполагалось направить 8284 немца. Кроме того, после названного числа немцев и сроков отправки еще оставались 356 немцев, они, отмечалось в справке от 2 октября 1941 года, «будут погружены дополнительно».

Юридической основой для проведения депортации служили: постановление СНК СССР от 2 марта 1940 года о выселении «неблагонадежных элементов», секретное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 мая 1941 года, «Положение о порядке применения ссылки на поселение для некоторой категории преступников» (1941 г.).

22 июня 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР предписывалось военным властям на территориях, «объявленных на военном положении, принимать решения о выселении лиц, признанных социально опасными». Под эту категорию попадали и советские немцы.

Вопросы депортации советских немцев за последние годы получили основательное освещение¹². Однако это не означает, что все они были решены на практике, и особенно это относится к реабилитации российских немцев.

Немцы, подлежавшие депортации в начале 1940-х годов, были расселены в Азербайджанской ССР – 23133 человек, Грузинской ССР – 20527, в Армянской ССР – 433 человека¹³. На оперативном учете НКВД как антисоветские и сомнительные элементы состояли 1842

советских немца, проживавшие в республиках Закавказья. По этой категории было принято решение «всех их арестовать, а остальную часть немецкого населения 46533 человека переселить в Казахскую ССР». Эта мера реализовывалась на основании постановления Государственного Комитета Обороны. С 15 по 30 октября 1941 года фактически из Грузинской ССР переселялись 23580 человек, Азербайджанской ССР – 22741, Армянской ССР – 212 человек. Руководство переселением возлагалось на НКВД СССР.

На территории Крымской АССР насчитывалось 51299 немцев, что составляло 4,6% от общей численности населения в республике. Они были эвакуированы в Орджоникидзевский (Ставропольский) край, 3 тыс. человек – в Ростовскую область¹⁴. Всего подлежали переселению из Краснодарского края 34287 человек, из Орджоникидзевского края – 95489 (по другим источникам – 99900), в это число вошли и 50 тыс. немцев из Крымской АССР.

Проводилось также массовое переселение граждан немецкой национальности из других областей и республик: Запорожской области – 15985 семей – 53566 человек; Ворошиловградской области – 3608 семей – 12807 человек; Сталинской области – 16246 семей – 36205 человек; Харьковской – 1500 человек; Одесской – 1800 семей – 6000 человек; Днепропетровской – 1000 семей – 3200 человек; из Крымской АССР – 2233 человека. Все были направлены в Актюбинскую область Казахской ССР, Новосибирскую и другие области Сибири.

446800 граждан немецкой национальности в принудительном порядке следовали в отдаленные места из автономии немцев Поволжья. Многие из них попали также в Казахстан. Начиная с сентября 1940 года в Сибирь и Казахстан были отправлены 188 железнодорожных эшелонов, перевозивших 438,7 тыс. немцев, в том числе из АССР немцев Поволжья – 365,7 тыс. человек, Саратовской области – 46,7 тыс. человек, из Сталинградской – 26,3 тыс. немцев.

По данным архива отдела спецпоселений НКВД СССР в 1941 – первой половине 1942 года были доставлены на Восток «по государственному заданию» 856340 немцев (560112 взрослых). А всего в Новосибирской и Омской областях, Красноярском крае и Казахской ССР было расселено на принудительной основе 786279 немцев.

Для этнических общностей, имевших свои государственные образования, депортация обернулась еще и ликвидацией республик, национальных районов и сельсоветов. 6 сентября 1941 года Совнаркомом СССР и ЦК ВКП(б) было принято специальное постановление

ние о ликвидации национально-государственного образования – АССР немцев Поволжья, а 7 сентября 1941 года последовал аналогичный Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административном устройстве территории бывшей Республики немцев Поволжья». В соответствии с положениями Указа территория республики была разделена между Саратовской и Сталинградской областями РСФСР.

В числе выселенцев оказались и так называемый контингент населения – «фольксдойче» (2833 человека – советские граждане немецкой национальности), оказавшиеся на оккупированной немцами территории, и «немецкие пособники» (примерно 2092 человека).

7 января 1944 года НКВД СССР дает указание об их выселении. В мае – августе 1944 года были депортированы 5915 человек, из них 2826, находившиеся в Украине – Киевской, Винницкой, Днепропетровской, Одесской и Николаевской областях¹⁵.

В 1942–1945 годах по специальному указанию в срочном порядке были демобилизованы все военнослужащие немецкой национальности – 33516 человек (33255) (1609 офицеров, 4922 сержанта, 27724 – рядовых). Значительная часть их направлялась в «трудовую армию», рабочие колонны и батальоны. Из числившихся на начало октября 1945 года на спецпоселении 2230500 человек немцев было 687300.

Подводя итоги переселений в первой половине 1940-х годов, комиссары НКВД СССР Б.З. Кобулов и А.И. Серов докладывали Л. Берии 22 апреля 1944 года о том, что за период с 17 по 20 апреля 1941 года из Крыма было эвакуировано 180 тыс. человек. Были высланы 52 тыс. немцев¹⁶.

В первой половине 1950-х годов, когда фактически уже все «наказанные» народы находились на режиме спецпереселенцев, статистика по гражданам немецкой национальности представлялась в обобщающем виде, и не было четких указаний о немцах, депортированных несколькими этапами в 1941 году из Крыма. В то же время данные по немцам-переселенцам в Казахской ССР следующие: всего на территории республики было 288993 советских немца, высланных по «государственному заданию». Проживали в Акмолинской области – 42703 человек, в Актюбинской – 12780, Алма-Атинской – 5079, Восточно-Казахстанской – 14715, Гурьевской – 1532, Джамбульской – 8807, Западно-Казахстанской – 728, Карагандинской – 52882, Кзыл-Ординской – 1897, Кокчетавской – 30171, Кустанайской – 30903, Павлодарской – 24741, Северо-Казахстанской – 17135, Семипалатинской – 20737, Талды-Курганской – 6728, Южно-Казахстанской – 10707 человек.

Положение немцев, депортированных с территории южных регионов Союза ССР в Казахскую ССР, было тяжелым. Местные органы власти уделяли мало внимания их обустройству и жизнеобеспечению. При этом трудно проводились меры по возмещению взамен оставленного ими в Крыму имущества, сданного скота, зернофуража и т.д. Начальник Отдела спецпереселений НКВД СССР И.В. Иванов в обращении в Наркомзем СССР по поводу трудоустройства немецких переселенцев в Казахской ССР в октябре 1941 г. писал: «Более двух тысяч немцев, прибывших из Крымской АССР в Джамбульскую область Казахской ССР, не имеют необходимых документов на оставшиеся у них на местах скот, зерно и т.д. Земельные органы как районов выселения, так и районов вселения не принимают необходимых мер по скорейшему урегулированию этого вопроса». В этом обращении содержалась также просьба: «дать четкие указания земельным органам, потребовать от них ответственности за это дело и немедленно устранить все недостатки по хозяйственному и трудовому устройству немцев-колхозников»¹⁷.

Как отмечал начальник Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР В. Воликов в отчете «Итоги переселения за 1939–1951 гг. и задачи на ближайшие годы» (о дополнительных материалах по итогам переселения) от 9 августа 1952 года, к концу Великой Отечественной войны возникла необходимость заселения опустошенных в результате войны районов Крыма, в том числе и тех, где проживали немцы. За 1944–1945 годы было переселено в Крымскую область 17040 семей; в 1945–1950 годах – 6055 семей (26728 человек), из них трудоспособных – 14 876, закрепилось 5089 семей (84%).

По состоянию на 1 января 1951 года в Крымской области числилось в колхозах 49600 дворов, из которых 7 тыс. семей переселилось в 1944–1945 годах и 5089 семей – в 1950–1951 годах, что составляло более 25% к наличию сельскохозяйственного населения. До 1955 года планировалось переселить в Крымскую область 10000 семей. Таким образом, складывалась судьба колхозов в Крыму, где ранее проживали немцы и представители других подвергшихся репрессиям этнических общностей¹⁸. Аналогичным образом развивались процессы заселения территорий и в других регионах страны, включая и Автономию немцев Поволжья, которые в принудительном порядке покинули советские немцы.

Война 1941–1945 годов, проводимая государственная национальная политика в стране советов создали парадоксальное состоя-

ние: с одной стороны, её граждане – строители социалистического общества – оказались репрессированными по различным, зачастую надуманным, причинам, а с другой – они же с оружием в руках, совершая поистине героические подвиги, выступали защитниками этой страны, ставшей для них Отечеством.

Необыкновенный порыв народов в годы войны – непременно победить врага – привлекает со всех точек зрения внимание многих исследователей, проявляется стремление ответить на вопрос: так что же лежало в основе этой победы, какая сила двигала народами в достижении общей победы в этой ожесточенной схватке?

Послевоенное поколение с душевной добротой отзывалось о советских немцах, проживавших в различных областях, краях и национальных округах Советского Союза. В качестве примера можно привести отношение к немцам, проживавшим в Краснодарском крае. Уже в первый день войны – 22 июня 1941 года – Президиумом Верховного Совета СССР был оглашен Указ «О военном положении». Им же создавалась юридическая основа для действия органов военной власти по очищению районов от элементов, признанных «социально-опасными». На основе его все немцы, трудившиеся в колхозах Краснодарского края, были выселены в принудительном порядке. Об этом сожалели как руководители хозяйств, так и местное население, которое длительное время проживало совместно с немцами.

Более недели спустя (4 июля 1941 года) на местах получили и другую директиву – проявлять при выселении опасных лиц осторожность и не выселять нетрудоспособных граждан в возрасте старше 60 лет. Конечно, некоторое время спустя эта директива будет выглядеть несколько кощунственно, так как при принудительном выселении, как правило, возрастные рамки не учитывались. Практика того периода такого положения не знала...

Известны только подступы к исследованию такой важной проблемы, как участие российских немцев непосредственно на фронтах войны в сражениях с фашизмом¹⁹. К этой стороне проблемы даже в 1980–1990-е годы как-то не было принято обращаться. В то же время советские немцы мужественно и отчаянно сражались на фронтах войны. Среди российских немцев пока не выявлены имена героев, затерявшихся в том числе и под русскими фамилиями.

К началу Великой Отечественной войны на действительной службе в Красной Армии находились десятки тысяч солдат и офицеров – немцев по национальности, уроженцев Автономной Республи-

ки немцев Поволжья²⁰, немецких национальных районов Сибири, Украины, Крыма и Кавказа.

Они были и среди тех, кто принял на себя первый удар германского фашизма в июне 1941 года. В героической обороне Брестской крепости защищали страну командир 125-го стрелкового полка Александр Эмильевич Дулькейт, Николай Кюнч, Генрих Киллинг, Эдуард Милляр, Эдуард Дамм, лейтенанты Кролл и Шмидт, военный врач Вебер.

Приказ о переводе советских немцев для дальнейшего прохождения службы в тыловые части, как в последующем и о демобилизации из рядов Красной Армии²¹, больно отозвался в сердцах тех, кто сражался вместе с представителями других народов против фашизма. Имена сотен из них названы в книге «Они сражались за Родину» (М., 2005).

Сражались на разных фронтах войны и в партизанских отрядах: Леопольд Шульц, Михаил Дистергефт, Матвей Карий, Адольф Берш, Эммануэл Бейгель, Теодор Бергвальд, Петер Эйсфельд, Фридрих Трайт, Петер Гольц, Игохан Короб, Альберт Хас и многие другие.

30 июня 1941 года на местах появляется директива №002367 об отзыве военнослужащих, не внушающих доверия; приказ, появившийся в июле 1941 года, директива Наркома обороны СССР №35105 о снятии военнослужащих немцев рядового состава с ответственных должностей, директива Наркома обороны СССР о массовом изъятии немцев из боевых частей и подразделений, расцененная в советской историографии как «приказ Сталина». Как известно, после была начата и депортация немцев с территории Республики немцев Поволжья.

Меры по извлечению немцев вступали в силу. Например, постановлением РККА №152 от 3 апреля 1942 года были изъяты из действующей армии военнослужащие финской национальности и переведены в рабочие колонны НКВД СССР, известные как трудармии. Затем они будут пополнены 9104 депортированными финнами на основании приказа НКВД СССР №274 и направлены в рабочие батальоны в Восточной и Западной Сибири²².

В группе спецпоселенцев было инвалидов-участников войны и награжденных орденами и медалями: немцев – 15160 и 14960, крымских татар – 5700 и 2120, калмыков – 1900 и 14960, чеченцев – 2880 и 4455, ингушей – 1085 и 11869, карачаевцев – 702 и 631, балкарцев – 221 и 142²³.

Следует заметить, что и среди офицеров, командовавших воинскими соединениями, имелось немало тех, кто понимал нелепость

принятого решения о принудительной демобилизации представителей репрессированных народов из рядов Красной Армии. Директива об увольнении их в запас не выполнялась по несколько месяцев²⁴.

По данным учета спецпереселенцев, проведенного НКВД СССР в 1949 году, численность ранее служивших в Красной Армии советских немцев составила по категориям:

выселенные: офицеры – 1609 человек, сержанты – 4282, рядовой состав – 27724, всего – 33615 человек²⁵;

репатриированные: офицеры – 1092 человека, сержанты – 2828, рядовой состав – 18747, всего – 22667 человек;

мобилизованные: офицеры – 326 человек, сержанты – 907, рядовой состав – 4444, всего – 5677 человек;

местные: офицеры – 119 человек, сержанты – 301, рядовой состав – 2057, всего – 2477;

другие (прочие): офицеры – 32, сержанты – 33, рядовой состав – 143, всего – 208 человек.

Таким образом, всего по 5 категориям – 64644 гражданина немецкой национальности²⁶.

Однако этот фактор мало учитывался в советской действительности. Со стороны руководителей партии и государства было проявлено полное пренебрежение им. У руководства советского государства на сей счет были свои соображения и планы. Функционировавший режим власти не скрывал своего отношения к отдельным народам, одновременно проявляя им недоверие. Все это не могло не оказать пагубное влияние на ситуации в сфере межнациональных отношений, на позиции этнических общностей, в том числе и советских немцев, по вектору взаимодействия народов и власти.

В то же время те граждане, кто принимал непосредственное участие в сражениях с фашизмом, заслуживают признания и уважения. Они мужественно сражались в боях за Брест (особенно прославили себя чеченцы), в Сталинградской битве, в боях за Крым, Москву, на Курской дуге, в освобождения городов Украины, Белоруссии, Молдавии.

Советские немцы – это не только спецпереселенцы, это еще и ученые, посвятившие свою жизнь военному делу, изобретению новых видов вооружения, трудармейцы, которые поистине ковали победу над фашизмом, оставаясь в глубоком тылу в невероятных условиях существования. Однако и там они воспринимали реалии времени, выпавшие на их долю. Немцы, рассматриваемые как «опасный спецкон-

тингент», были разбросаны по всей стране. Этим самым как бы решалась одна из главных политических задач – потенциальная пятая колонна была изолирована от остального общества и спрятана глубоко в глухомань.

Уже 7 октября 1942 года Государственный Комитет Оборона СССР постановил мобилизовать всех немцев-мужчин в возрасте 15-55 лет включительно и всех женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет (кроме беременных и имеющих детей в возрасте до 3-х лет). Таким образом, все трудоспособное немецкое население Союза ССР было мобилизовано. Всего этот контингент составил более 300 тыс. человек. Только в одной Пермской области в трудовых колоннах находилось около 40 тыс. советских немцев, занятых и на лесоповале, и на строительстве завода «Урал», и на Широкомстрое, и на стройке Камской ГЭС²⁷.

Вывод очевиден. Советские немцы одновременно и защищали на фронтах войны свою страну, и вносили огромный вклад в создание фактически новой экономической базы Советского Союза, участвуя активно в трудовых колоннах и батальонах, в закрытых научных лабораториях, работавших под неусыпным глазом НКВД. Конечно, это было не по своей доброй воле, но тем не менее.

Советские немцы проявляли героизм на трудовом фронте, оставаясь патриотами своего Отечества. Как известно, к началу войны 1941–1945 годов в Союзе ССР проживало около 1,4 млн. граждан немецкой национальности. Как предвоенные годы, так и война и, последующее время по различным причинам разбросали немецкий этнос по всей стране, сокращая неумолимо его численность из-за нанесенного огромного ущерба генофонду советских немцев, материальному благосостоянию и духовному развитию народа.

Начиная со второй половины 1980-х годов как советскому, так и зарубежному читателю стало возможно более детально и глубоко разобраться в той обстановке, в содержании тех процессов, которые переживали народы Союза ССР начиная с 1920-х годов, попытаться ответить на вопрос, так что же это было.

Историки и архивисты России в последние годы внесли немало нового и ранее неизвестного в изучение проблем истории советских немцев в 1920–1980-е годы. Уже опубликованы сборники документов²⁸, в которых в той или иной степени затрагивались и вопросы

жизнеобустройства немецкого общества в СССР, а также монографии и статьи²⁹ по особо слабо изученным аспектам темы, в частности депортации советских немцев в 1930–1940-е годы.

Однако до сих пор не подвергался обстоятельному изучению вопрос о роли и месте советских немцев в системе формирования и использования производительных сил в 1930–1940-е годы, организации из граждан немецкой национальности трудовых армий, рабочих колонн и батальонов.

Советским немцам пришлось преодолеть трудности периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, когда одни из них с оружием в руках сражались на фронтах войны, а другие по превентивному обвинению, мобилизации составляли производительную силу в глубоком тылу. На счету немцев и огромный вклад в развитие экономического сектора государства в этот период. Именно представителей советских немцев было больше всего в трудовых колоннах и батальонах, создаваемых для работы на сложных участках строительства объектов, лесозаготовках, добыче угля в ходе войны. Здесь трудились, по приблизительным данным, более 300 тыс. граждан немецкой национальности³⁰.

В неимоверно сложных условиях, находясь в трудовых колоннах и батальонах, советские немцы работали на строительстве заводов и фабрик, лесоповалах, стройках транспортных коммуникаций от Дальнего Востока и до Урала, участвуя в создании условий для обеспечения победы на фронтах.

Всего же по данным НКВД Союза ССР только из немцев-спецпереселенцев использовались на различных работах 213755 семей (695955 человек), из них мужчин – 100764, женщин – 267157, детей до 16 лет – 328084, трудоспособных – 296694; мобилизованных немцев было занято 113341 человек, мужчин – 61259, женщин – 59082³¹.

Проблема «выжить» становилась мерилом любого из представителей немецкого народа – мужчины, женщины в возрасте от 16 до 55 лет, а фактически всех, кому судьба уготовила участь быть зачисленным в рабочий батальон или колонну. При максимальном напряжении нервов, в условиях практически подневольного труда, отсутствия минимального в организации жизнеобустройства – нехватки продовольствия, медикаментов, одежды, обуви – немцы, как и другие (корейцы, ингерманландцы, венгры), должны были выжить.

Численность трудмобилизованных немцев возрастала за счет прибывавших немцев-репатриантов. Так, в мае 1945 года среди воз-

вращавшихся 700 тыс. репатриантов немцы составляли 207602 человека. Они также направлялись в трудовые лагеря. Ими были пополнены контингенты немцев в Коми АССР (до 12 тыс. человек), в Свердловской области, в Таджикской ССР, в Молотовской области (до 12 тыс. человек), в Красноярском крае.

Особую роль в производственной сфере играли немцы на Дальнем Востоке. По переписи 1939 года в Приморском крае (в том числе в Уссурийской области) числились 1911 немцев, в Хабаровском крае (в том числе Амурской, Камчатской, Нижне-Амурской, Сахалинской и Еврейской автономной областях) – 5896 человек. Приморский край обязан был направить в «трудармию» 586 граждан немецкой национальности. Хабаровский – 2096 человек. Они направлялись в основном в Селимджанский – Урмийский районы, где использовались на добыче золота и лесозаготовках³².

Наряду с этим трудмобилизованные на Дальний Восток прибывали по указанию НКВД СССР (постановление ГКО №3857 от 2 августа и №3960 от 19 августа), из Казахстана 2300 человек направлялись на строительство объекта №500, 8500 – в угольную промышленность (рудоуправление, золотодобыча, лесное хозяйство, добыча редких металлов, ремонт сельхозмашин и т.д.). Из Хабаровского края были мобилизованы из местных немцев 1712 человек (мужчин – 1272, женщин – 440)³³.

В 1946 году численность немцев на Дальнем Востоке возросла. Их прибыло в Хабаровский край 18420 человек, на Сахалин – 1220 человек. Этот контингент был занят в объединениях «Приморскзолото», «Райчихауголь», «Сахалинуголь», «Хабаровсклес», «Главцветметзолото» (9001 чел.)

В системе «Дальстроя» немецкие батальоны насчитывали 581 человека. Всего же в этой системе трудилось 21898 спецпереселенцев всех национальностей³⁴.

Ликвидация рабочих колонн, батальонов заняла продолжительное время. В декабре 1942 года были освобождены из рабочих колонн только инвалиды и больные немцы. С. Круглов предписывал «строго соблюдать направление их (немцев. – *Н.Б.*) к местам расселения»³⁵. По этой причине из 118 тыс. немцев, находившихся уже в 1942 году в рабочих колоннах и батальонах на стройках при лагерях НКВД, освобождению подлежали 3800 инвалидов-немцев. Освобождение остальных мобилизованных немцев производилось уже в следующем десятилетии.

Под статус «трудмобилизованные» попадали и немцы, проживавшие в Оренбургской (Чкаловской – с 26 декабря 1938 года) обла-

сти. По переписи населения 1939 года в области проживали 18594 гражданина немецкой национальности.

В Чкаловской области зоны «мобилизованных немцев» размещались в Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке и с. Домбаровка Домбаровского района с численностью контингента 4743 человека (1 января 1944 года)³⁶. На начало 1949 года в Чкаловской области насчитывалось 11879 немцев-спецпоселенцев³⁷, а всего на Урале в это время их насчитывалось 155196 человек³⁸.

Главный урок истории трудмобилизаций в Союзе ССР в 1920–1940-е годы сводится к тому, что принудительный труд приносил мало пользы в укреплении связей между народами, он оставался трудом без творческого, созидательного начала. Он вел к разрыву семей, потере связи мобилизованных с местом проживания, вызывал негативное отношение к государству, общественному строю, утрате авторитета власти.

В условиях тоталитарного режима этот дешевый труд рассматривался как единственная возможность латания дыр в экономике. Одновременно мало кто заботился о мобилизованных на трудовой фронт.

Еще до XX съезда партии (февраль 1956 года) после смерти И. Сталина последовало ослабление режима спецпоселений, хотя при этом меры по реабилитации групп населения, принадлежавших к разным национальностям, осуществлялись только лишь частично (казаки и др.). Так, уже в 1953 году были пересмотрены партийные постановления о выселении из Грузии около 11 тыс. «враждебных элементов», якобы связанных с мингрело-националистической группой. Они возвращались из пунктов высылки в Грузию. 5 июля 1954 года были сняты ограничения с детей карачаевцев, чеченцев и ингушей в возрасте до 16 лет, а в следующем году эта же мера распространилась и на членов КПСС из числа карачаевцев и представителей других народов.

В соответствии с постановлениями ЦК КПСС от 8 октября и 24 ноября 1955 года были сняты с учета спецпоселения и освобождены из-под административного надзора органов МВД СССР 740335 человек, в том числе 695216 немцев и членов их семей, а также женщин русской, украинской и других национальностей, выселенных вместе с их мужьями крымско-татарской, чеченской, ингушской и других национальностей – 10143 человека, участников Великой Отечественной войны и лиц, награжденных орденами и медалями Советского Союза – 18752 человека и некоторые другие категории.

В Российской Федерации проживает 597 тыс. граждан немецкой национальности, что составляет 0,4% от всего населения России. Наибольшее число немцев проживает в Алтайском крае (79 тыс. человек), Омской области (76 тыс.), Новосибирской области (47 тыс.), Красноярском крае (36 тыс.), Кемеровской области (36 тыс.), Челябинской области (28 тыс.), Свердловской области (23 тыс.), Краснодарском крае (18 тыс.), Оренбургской области (18 тыс.), Волгоградской области (17 тыс.), Тюменской области (16 тыс.), Саратовской области (12 тыс.), Томской области (13 тыс.), Самарской области (10 тыс. человек). Немцы проживают также в образованных двух немецких национальных районах – Азовском (Омская область) и Немцком (Алтайский край).

Правительствами Российской Федерации и ФРГ летом 1992 года была принята программа поэтапного восстановления государственности российских немцев, на которую в 1993 году из российского бюджета выделялись 5,4 млрд. рублей, а на обустройство новых немецких поселений в России намечалось выделить в 1994 году 39,1 млрд. рублей. Однако эмиграция в Германию была расценена многими немцами как единственная альтернатива несостоявшемуся воссозданию Немецкой Республики в Поволжье.

Помощь российским немцам со стороны Российской Федерации осуществляется путем реализации президентской Федеральной целевой программы «Развитие социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997–2006 годы».

В предыдущие годы из федерального бюджета Российской Федерации на мероприятия Программы было выделено: в 2002 году 76,6 млн. рублей; в 2003 году – 70,6 млн. рублей; в 2004 году – 116,1 млн. рублей. В 2005 году было предусмотрено 151,6 млн. рублей.

В рамках Программы финансировались различные мероприятия в сфере капитального строительства жилья, объектов социально-культурного назначения (школ, детских дошкольных учреждений, российско-немецких домов, центров встреч российских немцев и т.д.), их текущего ремонта, в сфере культуры, образования, развития языка, истории российских немцев и многое другое.

В соответствии с распоряжением правительства Российской Федерации от 7 июля 2005 года №938-р функции госзаказчика Программы в полном объеме (и капитальное строительство, и текущий ремонт, и типовое проектирование, и мероприятия в области культуры, образования, развития языка и т.д.) закреплены за Минрегионом России.

Надо отметить, что благодаря организованности этнической общности на местах проводился большой объем работы по возрождению немцев на территории России. Это просматривается на примере разных областей. Так, НКА немцев Волгоградской области только в 2005 году были проведены культурно-массовые мероприятия: участие в организации и проведении ежегодного фестиваля национальных культур «Сарептские встречи» совместно с Государственным историко-этнографическим музеем-заповедником «Старая Сарепта»; траурная церемония, посвященная 64-й годовщине со дня депортации российских немцев; традиционные немецкие праздники “Oktoberfest”, “Weinnacht”; День памяти жертв незаконных политических репрессий; мероприятия, посвященные Дням немецкой культуры в Волгоградской области. Эти мероприятия начиная с конца 1990-х годов проводили и НКА других административных центров страны. НКА немцев Коми Республики впервые в 1999 году организовала лагерь для российских немцев «Rinderland».

Была организована работа и по скорректированной целевой программе на период 2007–2011 годов.

С российской стороны за период с 1996 по 2006 год было выделено более 1,1 млрд. рублей, с германской стороны – более 500 млн. евро, в том числе из бюджета Федерального министерства внутренних дел ФРГ около 480 млн. евро, из бюджета Федерального министерства иностранных дел ФРГ – около 20 млн. евро. Реализованные мероприятия внесли вклад в обеспечение для российских немцев возможности сохранения и дальнейшего развития их этнической и культурной самобытности, возможности остаться в регионах их проживания и активно участвовать в дальнейшем развитии своей страны.

Правительством Российской Федерации был утвержден проект Федеральной целевой программы «Социально-экономическое и этнокультурное развитие российских немцев на 2008–2012 годы», на реализацию которой в 2008–2012 годах из федерального бюджета предусматривалось выделение 2,14 млрд. рублей, в т.ч. более 50 млн. рублей ежегодно – на мероприятия этнокультурного характера.

Безусловно, для России в плане реализации мер политики межнациональных отношений остается одной из приоритетных задача объединения усилий этнических общностей вокруг идей сохранения целостности государственности, консолидации этнических общностей, воспитания культуры межнационального общения. Это крупный по-

литический вопрос, имеющий целый комплекс составляющих, которыми и определяется национальная политика.

В современных условиях этническим общностям России, включая и российских немцев, необходима адаптация к новым условиям хозяйствования, к новым, протекающим мучительно реформам в сфере экономики и общества. Тем не менее эта задача и должна составлять основную стратегию развития государства и непосредственно немецкого российского сообщества.

Какие бы не составлялись заключения на сей счет, не предлагались «модели», однако для этнических общностей России будет трудным продвижение вперед, пока на территории страны не будут ликвидированы все имеющиеся противоречия, в первую очередь – в сфере межнациональных отношений на Северном Кавказе, а также на территории других регионов страны. Правда, на территории других регионов они менее значительны по своему охвату и направленности и поддаются правовому урегулированию.

Применительно к Европе член Европейской комиссии Питер Мандельсон, курирующий вопросы торговли в ВТО, верно заметил, что «мы все в одной лодке и идем одним трудным курсом»³⁹. Это заключение в полной мере можно экстраполировать на этнические общности России. Они также находятся в одной лодке, несмотря на неодинаковый уровень социального положения и этнокультурного развития пред ними стоит один общий вопрос – как быть дальше?

Очевидно, потребуется в первую очередь избежать существования многочисленных разногласий, упорядочить деятельность институтов гражданского общества, которые играют заметную роль в связке органов государственной власти Российской Федерации непосредственно с обществом.

Это в полной мере можно экстраполировать на этнические общности России. Они также находятся в одной лодке, несмотря на неодинаковый уровень социального положения и этнокультурного развития, пред ними стоит один общий вопрос: как быть дальше?

Российские немцы активно проявляют себя в общественной деятельности национально-культурного характера. Созданы и работают Федеральная национально-культурная автономия российских немцев, Ассоциация общественных объединений «Международный союз немецкой культуры» (председатель Г.Г. Мартенс), Общероссийская ассоциация общественных объединений российских немцев «Содружество» («Гемайншафт») (председатель совета И.И. Беккер), Фе-

деральный Координационный совет общественного движения российских немцев (сопредседатели В.Ф. Баумгертнер и И.И. Беккер), Межрегиональная общественная организация «Немецкое молодежное объединение», Государственно-общественный фонд «Российские немцы» (председатель правления А.В. Рейдер), Общественная академия наук российских немцев (президент А.И. Эрлих), а также другие организации как общероссийского, так и регионального уровня.

Анализ имеющейся литературы о российских немцах позволяет сделать вывод о заметном продвижении в изучении проблемы в целом. Главное в этой работе – не допустить топтания на одном и том же месте, вводить новые направления исследования проблемы в целом. По-нашему мнению, необходима разработка приоритетных направлений, соответствующих вызовам времени. В числе их значатся такие, как взаимодействие российских немцев с другими этническими общностями в регионах проживания, адаптация и интеграция в новый российский многонациональный социум, связь с соотечественниками, вопросы территории проживания немцев, основы формирования самосознания и национального сознания немцев, роль международного законодательства в защите интересов российских немцев, восприятие немецкой общности другими народами России, интегральная компетентность российских немцев и др.

Последняя обозначенная проблема имеет свою глубокую историю и представляет с научной точки зрения непосредственный интерес, так как она переводит изучение проблемы непосредственно в плоскость изучения форм прямого общения между народами, а не рассматривает эти вопросы на официальном государственном уровне, хотя они также регулируются государством. И тем не менее по своему содержанию и направленности имеет ценное значение.

Хотя проблема постепенно переходит из вербальной в практическую плоскость, тем не менее время от времени она с новой силой возникает (российские немцы, казаки, крымские татары и др.). Анализ литературы показывает, что внимание авторов в основном сосредоточивалось на анализе процессов депортации, реабилитации репрессированных граждан, жертв политических репрессий, состоянии разработки темы в российской и зарубежной историографии. В большей мере исследовался вопрос, например, о применении производительных сил спецпереселенцев в годы военного времени, в послевоенный период. Эта тема нуждается в дальнейшей разработке и по-прежнему остается весьма актуальной. Было бы целесообразным провести обоб-

щающие исследования о роли и месте этнических общностей, и в первую очередь российских немцев, в развитии экономического сектора государства и его сельскохозяйственной сферы, вклада немцев в развитие культур народов России.

Примечания:

¹ 50-летие Великой победы над фашизмом: история и современность. Смоленск, 1995; Немцы Сибири: история и современность / Отв. ред. С.А. Рублевская, Т.В. Савранина, Н.А. Томилов. Омск, 1995. Ч.1. (Л.П. Белковец, Материалы о спецпереселенцах-немцах в архиве Управления внутренних дел Новосибирской области; Н.Э. Вашкау. Участие российских немцев в трудармии в годы Великой Отечественной войны; Е.Э. Казаков. Сибирский тыл в Великой Отечественной Войне: мобилизованные немцы; В.П. Мотревич, Е.А. Шефер. Немецкая трудовая армия в Свердловской области в 1940-е годы; Ф.К. Надь. Трагедия советских немцев; Н.И. Наумова. О снятии со спецучета немцев в Томской области (1955–1956 гг.); А.А. Обгольц. Основные принципы самосохранения российских немцев); Немцы Сибири: история и современность / Отв. ред. С.А. Рублевская, Т.В. Савранина, Н.А. Томилов. – Омск, 1995. Ч. 2 (Н.А. Хвостов. К вопросу о депортации немцев в Сибирь и участии трудармейцев в помощи фронту в 1941–1945 гг.; Т.В. Чебыкина. Депортация немецкого населения в Новосибирскую область; Г.М. Патрушева, Е.Ю. Смирнова. Некоторые аспекты этнической ситуации у немцев Кемеровской области; В.А. Певцова, И.Н. Суслов. Немецкий национальный вопрос в общественной жизни России и др.); Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). - М., 1998; Ибрагимов М.М. Власть и общество в годы Великой Отечественной войны. - М., 1998; Сидоренко В.П. Войска НКВД на Кавказе в 1941–1945 гг.: исторический аспект. - СПб., 2000; Мальшева Е.М. Испытание. Социум и власть: проблемы взаимодействия в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. - Майкоп, 2000; Герман А.А., Курочкин А.Н. Немцы в СССР в «Трудовой Армии» (1941–1945). - М.: Готика, 2000; Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941–1945 гг. - М.: Ветеран Москвы, 2002; Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948 гг. - М., 2004 (под ред. В.В. Марьина); Аникеев А.А. и др. Проблемы битвы за Кавказ в исторической литературе // Научная мысль Кавказа. - №1. - 2003. - С. 73–86; Война и общество. 1941–1945. Кн. 1, Кн. 2. - М., 2004 (под ред. акад. Г.Н. Севостьянова); Кричко Е.Ф. Северо-Западный Кавказ в годы Великой Отечественной войны: проблемы историографии и источниковедения. - М., 2004; Скворцова И.В. Народы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне (Анализ социально-экономических проблем и межнациональных отношений). Автореф. канд. дисс. - Краснодар, 2004, Война и общество. В 2-х кн. - М., 2004; Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития. Историко-политологическое исследование. Второе издание. - Владикавказ, 2004; Безугольный А.Ю. Народы Кавказа в Вооруженных силах СССР в годы Великой Отечественной войны. - Ставрополь, 2005; Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. - М.: Новый хронограф, 2005 и др.

² Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2-х кн. 2-е изд. - М., 1990; Реабилитация: политические процессы 30–50-х годов. - М.: «Политиздат», 1991; Борин А. Закон и совесть: за кулисами известных событий. - М., «Политиздат», 1991; Осмыслить культ Сталина. - М., 1991; Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. - М., 1991; Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. - М.: «Республика», 1992; Неизвестная Россия. 20 век. Т. 1–4. - М.: «Историческое наследие», 1992–1993; Нармин О.Н. Репрессии против командного, политического и начальствующего состава Красной Армии в 1937–1941 гг. Дис... к.и.н. - М., 1993; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922. Казань, 1995; Стецовский Ю.И. История советских репрессий: В 2-х т. - М.: «Знак-СП», 1997; Бакунин А.В. История советского тоталитаризма. В 2-х кн. - Екате-

ринбург, 1997; Национальная политика России: история и современность /Под ред. В.А. Михайлова. - М.: «Русский мир», 1997; *Стецовский Ю.И.* История советских репрессий. Т. 2. М., 1997; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах (20–60-е годы). - М.: «Инсан», 1998; *Хунагов А.С.* Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополья (20–50-е годы). - Майкоп, 1998; *Петров Н.В., Скоркин К.В.* Кто руководил НКВД. 1934–1941. Справочник. - М., 1999; *Сидоренко В.П.* Войска НКВД на Кавказе в 1941–1945 гг.: исторический аспект. Автореф. дисс... д.и.н. – СПб., 2000; *Ткаченко А.А.* История депортаций народов России // Российский демографический журнал. - 2002. - №1. - С. 58–65; *Чувев С.* Северный Кавказ. 1941–1945. Война в тылу // Обозреватель. - 2002. - №2; *Шнайдер В.Г.* К вопросу о причинах депортации северокавказских народов (1943–1944 гг.) // Национальная политика советского государства; он же: Социокультурные основания акта депортации ряда народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. // Вестник Армавирского института социально-образования (филиала) МГСУ. - 2003. - №1; *Яковлев А.Н.* Сумерки. - М., 2003; *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении. 1941–1955 гг. Историко-правовое исследование. - Новосибирск, 2003; *Коробейников С.В.* Дела Кремля. Прошлое и настоящее. - М., 2004; *Бердинских В.* Спецпоселенцы. Политическая ссылка Советской России. - М., 2005; *Белозеров В.А.* Этническая карта Северного Кавказа. - М., 2005; *Смыслов О.С.* Проклятые легионы. Изменники Родины на службе Гитлера. - М., 2006; *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия. 1918–1945 годы. - М., 2007; *Мильбах В.С.* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия. (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938. - СПб., 2007; *Бердинских И.В.* Спецпереселенцы в начале Великой Отечественной войны // Вопросы истории. - №4. - 2007; *Андросов А.А.* Трагедия народов: коллаборационизм и этнические депортации в исторической литературе // Историография сталинизма / Ред. Н.А. Самония. - М., РОССПЭН, 2007; *Пыхалов И.* За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? - М.: «Язуза-Пресс», 2008; *Синицын Ф.Л.* Политические настроения депортированных народов СССР 1939–1956 гг. // Вопросы истории. - 2010. - №1. - С. 50–71, и др.

³ *Де Йонг Л.* Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне. - М., 1958; *Исаков К.* 1941: другие немцы. Была ли в Поволжье “пятая колонна”? // Новое время. - №17. - М., 1990; *Кичихин А.Н.* Советские немцы: откуда, куда, почему? // Военно-исторический журнал. - №8. - 1990; *Лайгер М.* История советских немцев в годы Великой Отечественной войны и первого послевоенного десятилетия (на материалах Казахстана) // Советские немцы: история и современность. - М., 1990; *Шепталин А.А.* Немцы в Удмуртии. Историко-демографические очерки. - Ижевск, 1993; *Бугай Н.Ф.* 40-е годы: депортированные и мобилизованные немцы на Дальнем Востоке // Проблемы Дальнего Востока. - 1993. - №2; *Фукс В.* Рокочные дороги поволжских немцев (1763 – 1993). - Красноярск, 1993; *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. - Саратов, 1994; *Герберт В.Э.* Мечта и грешная земля. - Пермь, 1994; *Савченко И.А., Дубинин С.И.* Российские немцы в Самарском крае. - Самара, 1994; Немецкий российский этнос: вехи истории. - М., 1994; *Пасат В.И.* Депортация народов с территории Молдавии. - М., 1995; Российские немцы на Дону, Кавказе, Волге. - М., 1995; *Малиновский А.* Немцы в России и на Алтае. - Барнаул: «Алтай», 1995; *Щербакова И.Л.* Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. - М., 1995; *Krisenherd Kaukasus. – Baden-Baden, 1995; Ерина Е.И.* Очерки истории культуры немецкой автономии на Волге. - Саратов, 1995; *Ремпель П.Б.* Депортация немцев с Европейской части СССР и трудовая армия по «совершенно секретно» документам НКВД СССР. 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории языка и современного положение. - М., 1996; *Deportation. Sondersiedlung. Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941–1956. - Köln, 1996; Lebens – und Konfliktraum Kaukasien. Edmon Barkau, 1996; Немцы в Республике Коми (страницы истории репрессивной политики). - Сыктывкар, 1998; Немцы и развитие образования в России. - СПб., 1998; Немцы в России: Петербургские немцы. - СПб., 1999; *Бруль В.* Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, ла-*

тышей в Сибирь (1935–1965 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. - М., 1999; *Чернова Т.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной литературы) // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. - М., 1999; *Дизендорф В.* Прощальный взлет. Судьбы российских немцев и наше национальное движение. - М., 1997; *Гонов А.М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа. 20–90-е годы XX века. - Ростов-на-Дону, 1998; *Кичихин А.* Как депортировались российские немцы // Народы России: проблемы депортации и реабилитации. - Майкоп, 1998; Миграционные процессы среди российских немцев. Исторический аспект. - М., 1998; Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. - М., 1999; *Кириллов В.* Советские немцы в Тагиллаге // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. - М., 1999; *Бугай Н.Ф.* Автономия немцев Поволжья: проблемы де структурирования и социальной натурализации // Репрессии против советских немцев. Наказанный народ. - М., 1999; *Шадт А.А.* Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1945 гг.). - Новосибирск, 2000; *Бугай Н.Ф.* Злая память // Родина. - 2000. - №1–2; Книга для учителя. История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. - М., 2002; *Обердверфер Л.И.* Депортированные немцы в Западной Сибири (1941–1944 гг.). Действительность и правовой статус // Сибирь в XVII – XX веках. Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения. 1999–2000. - Новосибирск, 2000; *Ефимова М.А.* Немцы и русский Север. Сб. статей. - М., 2003; *Белюсов С.С.* Миграции немецкого населения в Калмыкии в 1990-е годы XX – начале XXI вв. // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. - Ростов-на-Дону, 2008, и др.

⁴ Там же. Л. 1–3.

⁵ Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. Документы, факты, комментарии. - М., 1994. - С. 169; *Бугай Н.Ф.* Социальная натурализация и этническая мобилизация (опыт российских корейцев). - М., 1998. - С. 111, и др.

⁶ См. АП РФ. Ф. 3, оп. 58. Д. 255. Л. 21; *Охотин Н., Рогинский А.* Указ соч.

⁷ *Сувениров О.Ф.* Трагедия РККА, 1937–1938. - М., 1998. - С. 311. См. также: *Охотин Н., Рогинский А.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 // Репрессии против российских немцев. Материалы научной конференции. Москва, ноябрь 1998. - М., 1999 // <http://www.bronexod.com/forum/lofiversion/index.php?t9527.html>

⁸ *Смирнова Т.М.* Многонациональная Ленинградская область. Краткий исторический очерк // http://www.alternativy.ru/old/magazine/htm/01_1/lenobl.htm

⁹ См.: *Бугай Н.Ф.* Депортация национальных меньшинств из Москвы и Московской области в 1930–1940-е годы // Москва многонациональная: истоки, эволюция, проблемы современности. - М., 2007. - С. 312–313.

¹⁰ Там же. Ф. – Р. 9401, оп. 2, д. 935, л. 5.

¹¹ ГАРФ. Ф. – Р. 9479, оп. 1, д. 925, л. 33–34 и др. Там же. Д. 83, л. 39 – 43 и др.

¹² *Чернова Т.В.* Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения СССР. - М., 1993.

¹³ ГАРФ. Ф. – Р. 5446, оп. 30, д. 29, л. 23.

¹⁴ См.: Там же. Ф. – Р. 9479, оп. 1, д. 284, л. 83, 205; д. 925, л. 33–34.

¹⁵ *Земсков В.Н.* Спецпоселенцы в СССР. - С. 115.

¹⁶ ГАРФ. Ф. – Р. 9479, оп.1, д. 284, л. 1.

¹⁷ ГАРФ. Ф. – Р. 9479, оп. 1, д. 84, л. 62. Машинопись.

¹⁸ ГАРФ. Ф. А. – 327, оп. 1, д. 90, л. 43.

¹⁹ См. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. - М, 2005; Виль Э. Создатель легендарной «Катюши» // Нойес лебен, апрель, 2005.- № 4 (5945). - С. 12.; Герой России Ганус Феодосий Григорьевич // Культура немцев России. - М., 2007. - № 2. - С. 17–19; *Ауман В.А.* Российские немцы – Герои Советского Союза // Культура немцев России. - М., 2007. - №1. - С. 28–29; *Бугай Н.Ф., Гонов А.М.* Война, общество, политика: народы СССР в 1941–1945 годы // Исторические

записки. - М., 2007. - № 10 (128) и др.

²⁰ Автономия советских немцев (поселились на Волге по велению Екатерины II в 1775 г.) была оформлена по указанию В.И. Ленина 19 октября 1918 года. После ряда изменений в 1924 г. получила статус автономной республики, а в 1936 г. напрямую входила в состав РСФСР. Делилась на 22 кантона. Кроме столицы – города Энгельса – имелись еще города: Вальцер, Зельман, Маркштадт. Экономика ориентировалась на аграрное производство. По переписи 1938 года в республике проживало 560 тысяч человек, 65,4% составляли немцы.

²¹ «Изъятие военнослужащих-немцев из РККА проходило в течение всей войны. Условно его можно разделить на три периода.

Первый период продолжался с 30 июня по 7 сентября. В это время изъятие немцев происходило на основании директивы №002367 от 30 июня 1941 года. Директивой предписывалось убрать военнослужащих, «не внушающих доверия» (высказывавших пораженческие настроения, недовольство советской властью, желание сдаться в плен). Директива не носила строго немецкой направленности, однако многие командиры огульно зачисляли немцев в число неблагонадежных и стремились от них избавиться «на всякий случай».

Второй период – с 8 сентября и до конца 1941 года. Он характеризовался массовым изъятием немцев из Красной армии. Основанием для этого стала директива Наркома обороны №35105 «секретно» от 8 сентября 1941 года. В памяти немцев-фронтовиков эта директива осталась как «приказ Сталина». Директивой предписывалось изъять немцев из боевых частей и подразделений и направить их в строительные батальоны. Оставлять отдельных военнослужащих-немцев в боевых частях и подразделениях имел право только Народный Комиссариат Обороны. И только на основании «мотивированного ходатайства» командиров.

Изъятие военнослужащих-немцев происходило внезапно, без каких бы ни было объяснений. Естественно, что оно воспринималось ими как величайшая несправедливость и наносило им серьезную моральную травму...

Третий период изъятия немцев из РККА – с января 1942 по май 1945 года. Он был по своей продолжительности самым длительным и вялотекущим по сравнению с двумя первыми. Сказывался наступивший с осени 1942 года перелом в военных действиях. Изъятие носило локальный характер, и в отличие от первых двух некоторое число военнослужащих-немцев, хоть и небольшое, все же оставалось на фронте до конца войны...» (См. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. Учебное пособие. - М., 2005).

²² Репрессированный народ ждет реабилитации // Набат Северо-запада. - 24 июля 1992. - № 57 (154).

²³ ГАРФ. Ф. – Р. 9479, оп. 1, д. 896, л. 67.

²⁴ ЦАМО. Ф. 144, оп. 13, д. 13189, л. 66.

²⁵ Представителей советских немцев можно было увидеть во многих военных училищах накануне войны. Они с прилежанием осваивали мудрости военной науки. В РККА существовали немецкие формирования: Энгельсская стрелковая дивизия, 96-й стрелковый полк, 31-й Белореченский кавалерийский полк. Много немцев было среди выпускников пехотной школы и артиллерийских курсов в Саратове.

²⁶ См.: Репрессированные народы России: чеченцы и ингуши. - М., 1994. - С. 171.

²⁷ См. Масалкина Л.В. Судьба советских немцев в годы Великой Отечественной войны (по воспоминаниям очевидцев) // Материалы конференции «И помнит мир спасенный... Урал в годы Великой Отечественной войны». <http://www.Auditorium.ru>

²⁸ Депортация народов в СССР. 1930–1950-е годы. Ч. 1. - М., 1994; История российских немцев в документах. Ч. 1, 2. - М., 1993, 1995; Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942). - М., 1995; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин». - М., 1999; Реабилитация народов России. - М., 2000, и др.

²⁹ Киколенко О.А. Российские немцы: история формирования национальной общности и проблемы постсоветского периода. - М., 1994; Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге.

- М., 1995; *Бугай Н.Ф.* Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». - М., 1995; *Герман А.А.* История Республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах. - М., 1996; Народы России: проблемы депортации и реабилитации. - Майкоп, 1997; *Бугай Н.Ф.*, *Гонов А.М.* Кавказ: народы в эшелонах. - М., 1998; *Герман А.А.*, *Курочкин А.Н.* Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941–1945 гг.). - М., 2000, и др.

³⁰ См. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны...» 1940-е годы. Сборник документов. - М., 2000. - С. 11.

³¹ ГАРФ. Ф. Р. – 9479, оп. 1, д. 257, л. 107.

³² Там же. Ф. Р. – 9479, оп. 1, д. 110, л. 129.

³³ Там же. Д. 256, л. 100.

³⁴ Там же. Д. 579, л. 285.

³⁵ Там же. Ф. Р. – 9401, оп. 12, д. 12, л. 129; д. 112, л. 89.

³⁶ *Маламуд Г.Я.* Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940 – начале 1950-х гг.: Дис... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 1998. - С.83; см. также: *Кириллов В.М.*, *Маламуд Г.Я.* Исследования по истории репрессий российских немцев // http://www.rusdeutsch.ru/?tagil=2&put=tagil/Book/1_1.htm

³⁷ Там же. - С. 93, 94.

³⁸ Там же. - С. 83.

³⁹ *Мандельсон П.* Общая задача // Ведомости, 21 июля, 2008. - С. 2.

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ГБУ «ЦДНИОО» О НЕМЕЦКОМ НАСЕЛЕНИИ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Российские немцы на протяжении последних двух столетий дважды оказывались заложниками российско-германских противоречий, переходивших из сферы дипломатических переговоров в вооруженное противостояние. В связи с этим представляют определенный интерес документальные источники о положении немецкого населения, проживавшего в различных регионах России.

В Центре документации новейшей истории Оренбургской области сведения о немецком населении можно найти в ряде фондов, хронологически охватывающих предвоенный период – в фондах Оренбургского окружного и областного комитетов партии, комитетов партии районов, где компактно проживало немецкое население. Значительное количество документов сосредоточено в фонде обкома ВКП (б) – КПСС. Наличие комплекса документов именно в этом фонде позволяет понять, как функционировал выработанный правительством страны механизм управления национальными процессами в регионе, населенном национальными меньшинствами.

Архивные документы дают возможность на примере немцев Оренбуржья получить представление о претворении в жизнь политического правительственного курса по отношению к немецкому российскому этносу в период, предшествовавший Второй мировой войне.

Из документов архива следует, что курс советского правительства по отношению к немецким колонистам заключался, прежде всего, в разрушении меннонитской общины, имеющей многовековые традиции, особенно среди немцев, проживающих в иноэтнической и иноконфессиональной среде, когда община стала одним из проявлений религиозной специфики немцев. Общины были центром общественной и духовной жизни. Хотя церковная и братская общины меннонитов во многом отличались друг от друга, даже конфликтовали, они следили за религиозным воспитанием и моральными устоями своих соотечественников.

Не менее значимым для новой власти, чем разрушение общины, было вовлечение колонистов в систему коллективного хозяйство-

вания. Документы фондов ЦДНИОО содержат информацию о темпах коллективизации в районах с немецким населением, сведения о раскулаченных.

Значительную группу документов представляют директивы центральных партийных органов партийным комитетам. Заметную роль в формировании политики в отношении немецкого населения страны советов на протяжении всего предвоенного десятилетия сыграло постановление Секретариата ЦК ВКП (б) от 12 апреля 1929 г. «Об итогах хозяйственного и культурного строительства в немецких колониях».¹ В документе отмечался бурный рост активности кулачества и духовенства, повсеместное отсутствие кадров для работы среди немецкого населения. Постановление обязывало окружные и районные комитеты партии организовать выдвижение на руководящую советскую работу немцев из местного населения. К концу 1930г. предлагалось перевести всю работу в колониях и делопроизводство в немецких сельсоветах на немецкий язык.² Появление этого важного документа было обусловлено сложившейся ситуацией, когда эмиграционное движение немецких колонистов под влиянием экономических и политических мероприятий Советской власти с одной стороны, агитации и пропаганды заезжих пропагандистов с другой стороны, приняло массовый характер. К тому же, многие переселенцы не намерены были навсегда поселиться в России. Ставилась задача составить здесь капитал и с ним уехать за границу.

Эмиграционные процессы среди немецкого населения беспокоили власть, потому что они объективно вели к экономическому спаду, к снижению темпов заготовок сельхозпродукции. Секретариат ЦК ВКП (б) в своем Постановлении «Об эмиграционном движении среди немецких крестьян из СССР» от 16 октября 1929 г. поручил фракции ЦИК обеспечить выезд в Оренбургский и Славгородский (Сибирь) округа правительственной комиссии для обследования положения в немецких колониях на местах.³

Интересную и довольно значительную группу документов об оренбургских немцах представляют сводки под грифом «Совершенно секретно», составленные специально созданной комиссией по работе среди немецкого населения и докладные записки Оренбургского окружного отдела ОГПУ. Члены комиссии в плановом порядке обследовали переселенческие колонии, проводили собрания на заданные партийными и советскими органами темы: о необходимости коллективизации, об эмиграции в Америку и ущербе, наносимом ею как

немецким хозяйствам, так и хозяйству страны в целом, о религии и школе, о необходимости перестройки системы образования в колониях.⁴ Обращают на себя внимание обстоятельность этих документов и доброжелательный настрой комиссии по отношению к немецкому населению. Это и понятно: уезжали крепкие хозяева, разрушалась традиционная хозяйственная система достаточно высокого уровня. В этих справках и сводках даны сведения о конкретных колониях, поселках, хуторах Покровского и Сорочинского районов. Работники ОГПУ очень бдительно относились ко всему, что было связано с коллективизацией и вызванным ею настроениями немецкого населения. Это объяснялось в частности ожидавшейся весной 1930 г. новой волной эмигрантского движения: к этому времени в оренбургских колониях появились и стали распространяться письма от немцев из Сибири и Украины, которые расценивались ОГПУ как организующие и руководящие на фоне сравнительной пассивности оренбургских немцев, вызванной оперативными мерами партийных и советских органов в отношении потенциальных эмигрантов.

Следует отметить, что отложившийся в фондах архива комплекс информационных и аналитических материалов по результатам многочисленных обследований, главным образом меннонитских колоний, значителен не только по своему объему, но и бесспорно является очень ценным источником по изучению уклада жизни оренбургских немцев. Ценность этих документов в их многоплановости. Некоторые содержат практически историю колоний с момента их образования, называют первых переселенцев, основателей колоний, дают представления о системе приоритетов и ценностей немецкого этноса. В аналитических обзорах довольно подробно описывается географическое положение обследуемых колоний, топонимика районов проживания немцев, приводятся сведения о численности населения колоний в разные моменты их истории, месте прежнего проживания переселенцев-колонистов, сведения о грамотности населения, об имущественном положении жителей колоний, о промышленных предприятиях, состоянии народного образования, здравоохранения. Документы отражают своеобразие социально-экономической жизни немецких поселений, обычаи, традиции.

Как правило, значительны по объему информации об общественных организациях: партийных, комсомольских, детских пионерских, профсоюзных, т.к. именно через общественные организации предполагалось внедрение нового, советского мышления, изменение

уклада жизни немцев-колонистов, подробно характеризуются кооперативные объединения и организации.

В демографической структуре России немцы отличались высокой рождаемостью, и численность немецкого населения динамично увеличивалась, основная масса их проживала в колонистских поселениях. В фонде Оренбургского окружкома ВКП (б) хранятся справки об образовании немецких колоний в Покровском районе, подробный анализ состояния и перспектив хозяйственного и культурного строительства немецких колоний статистический материал о численности немецкого населения в колониях. В документах приводится группировка немецких хозяйств в 1926 – 1930 гг. по посевам, количеству скота, налогообложению; проанализированы корни и последствия эмиграции оренбургских немцев как ответной меры против насильственной коллективизации, вмешательства в вековые устои немецкой семьи и общины, в культурные и религиозные традиции немецкого населения края. Кроме того, в документах приведены данные по коллективизации немецких хозяйств Покровского района: на конец февраля 1930г. насильственной коллективизации здесь подверглись 98% немецких хозяйств, что свидетельствует о форсированном характере этого процесса. Документы позволяют проследить, как изменялся весь строй жизни российских немцев в условиях социалистического строительства, какую материальную и духовную катастрофу пережили жители колоний в период коллективизации и раскулачивания.

Многочисленные документы свидетельствуют, что народ, самосознание которого на протяжении веков формировалось на архаичных патриархальных устоях с сильной приверженностью религиозным верованиям, противился принятию советских нововведений, как в области экономики, так и в идеологии.

По протоколам заседаний бюро Покровского и других районов, где проживали немцы, можно проследить процессы подбора и обучения кадров для работы в немецких колониях, МТС, органах власти⁵.

Значительное число документов ЦДНИОО касается немецких школ. Российских немцев характеризовал высокий уровень грамотности. Дети городских немцев, как правило, не только обучались в гимназиях и частных школах, но и получали среднее и высшее профессиональное образование в коммерческих училищах, семинариях, университетах России и Германии. По удельному весу лиц, получив-

ших образование выше начального (в церковно-приходских школах), немцы занимали первое место среди народов Российской империи (по переписи населения 1897 г. – 4,6% при 1,11% по России) ⁶. И хотя грамотность немецкого населения по сравнению с другими народами была выше, сильна была тенденция ограничения образования первой, элементарной стадией, т.к. следующий этап порождал свободомыслие, подрывающее религию. Система меннонитского образования была тесно связана с религией. Каждая колония имела воскресную школу, где детей обучали с 4 – 5 лет. Главной чертой образовательной политики была конфессиональная направленность обучения. Изучение Закона Божьего, письмо, чтение, пение – все было религиозно по содержанию. Школьные советы возглавлялись проповедниками. Здания школ часто использовались как молитвенные дома. Немецкие национальные школы входили в единую общеобразовательную систему страны и находились на государственном обеспечении, но немцы боялись русификации и советизации населения и в первую очередь школы. Резкий поворот в школьной политике, насильственная советизация немецкой традиционной школы были одной из причин эмиграции оренбургских немцев в Америку в конце 20-х годов. Постепенно преподавание в немецких школах переводилось на немецкий язык. Попытки найти и соблюсти пропорцию в преподавании языков привели к принятию известного Постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 13 марта 1938г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». К 1940-м годам национальные школы были практически ликвидированы. ⁷

Среди документов о немецком населении выделяется группа материалов об организации, обустройстве и деятельности немецкого подрайона и немецкого подрайкома ВКП (б) в составе Покровского района (1930-1938 гг.), процесс создания которых был, безусловно, ускорен эмигрантским движением. Это протоколы заседания бюро Покровского РК ВКП (б), документы о хозяйственно-политическом состоянии подрайона, его нуждах, связях с районом, о колхозном строительстве, о настроениях немцев в связи с сельхозкампаниями, о землеустройстве в колониях, многочисленных обследованиях колоний, о темпах коллективизации, о беспорядках в колониях в связи с раскулачиванием и др. ⁸

В документах окружкома, райкомов партии содержится обширный статистический материал о посевных площадях в колониях, о поголовье скота, инвентаре, количестве сельхозмашин. Есть сведения о

культурно-просветительской работе среди немецкого населения округа, о влиянии религиозных объединений меннонитов и баптистов, о роли проповедников в образовании молодежи и других сторонах жизни оренбургских немцев в предвоенное десятилетие.

Примечания:

- ¹ Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений.1922 –1939. Архивные документы. Комментарии. М., 2009. С. 637 – 639.
- ² Центр документации новейшей истории Оренбургской области. (Далее – ЦДННОО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 54 – 55.
- ³ Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений.1922 – 1939. Архивные документы. Комментарии. М., 2009. С. 645.
- ⁴ ЦДННОО. Ф. 4. Оп.1. Д. 201.
- ⁵ Там же. Ф.4. Оп. 2. Д. 33. Л. 22; Д.180. Л. 81,100 –116.
- ⁶ Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений 1922 – 1939 гг. Архивные документы, комментарии М., 2009. С. 7.
- ⁷ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 391. Л.94 – 96.
- ⁸ Там же. Ф.4. Оп. 1. Д. 283, Л.6 – 14; Оп. 2. Д. 33, 34, 109, 178, 180.

НЕМЕЦКИЕ КОЛХОЗЫ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1930-Х ГГ. (ПО ДОКУМЕНТАМ ГБУ «ЦДНННО»)

На основе документов государственного бюджетного учреждения «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (ГБУ «ЦДНННО») подготовлено несколько значимых работ о немцах Оренбуржья, в т.ч. такие известные как: Из истории оренбургских немцев: сборник документов (1817 - 1974 гг.) (Оренбург; Москва, 2000); История немцев Оренбуржья в документах (Оренбург, 2006); статьи в очерках - Этнокультурная мозаика Оренбуржья (научные статьи, очерки, статистика) (с. 97-104. Оренбург, 2003) и Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки (с. 159-162. Оренбург, 2007). Однако тема продолжает быть актуальной.

В 1937-1938 гг. немецкие хозяйства располагались в Кичкасском, Люксембургском, Буртинском, а также Сакмарском, Соль-Илецком, Переволоцком, Александровском районах. О некоторых из них пойдет речь. В архивном фонде Оренбургского областного комитета КПСС имеется документ «Стенограмма совещания при Оренбургском обкоме ВКП(б) с секретарями райкомов ВКП(б) национальных районов по вопросам массово-политической работы. 7-14 февраля 1937 г.». Подлинник документа включает 72 листа машинописного текста, где зафиксированы достаточно большие по объему выступления секретарей районов. Подобные совещания носили достаточно регулярный характер и были примечательны тем, что руководители районов рассказывали не только о массово-политической работе, но и производственных вопросах, давали оценку деятельности коллективных хозяйств. Далее мы приводим некоторые выдержки из указанного документа. При этом по возможности сохранена языковая особенность текста. И предоставляем право читателю судить о состоянии и проводимой работе в немецких колхозах самостоятельно.

Из выступления А.Я. Новикова, первого секретаря Кичкасского райкома ВКП(б): «У нас из 29 колхозов 23 колхоза немецких примерно 60 % населения района – немцы. Когда я стал работать в районе мне товарищи давали такую характеристику политического состояния колхозов, что большое количество колхозов настроены, как бы саботажнически, к мероприятиям партии и правительства, имеется такая попытка дезорганизовать дисциплину – невыходы на работу,

невыполнение государственных обязательств и т.д. В особенности в колхозах «Икра», «Клара Цеткин», и что особенно характерно – такая замкнутость немцев, не хотят разговаривать – проводим собрания – слушают, а разговаривать не хотят – молчание такое проявляется. Что немцы уклоняются от обсуждения таких вопросов, как вопросы политической жизни страны, международное положение и имели место настроения прямой, открытой поддержки фашиствующих элементов в этих же колхозах «Искра» и т.д. И из этих фактов делался такой вывод партийной организацией, что, стало быть, немцы – народ консервативный, что с ними ничего не выйдет – молчат, не идут на мероприятия партии и правительства, отмалчиваются. Это распространенное мнение было и в самой партийной организации района... и вот для того, чтобы сделать перелом в немецких колхозах мы взяли один колхоз, который не отличался тем, что был передовым колхозом, а такой обыкновенный колхоз – «Ударный» и начали там вести работу. Интересное собрание было в колхозе «Ударный» по вопросу Конституции. По поводу принятия Конституции мы организовали демонстрацию, митинг немцев. Надо сказать, что далеко не все участвовали, но во всяком случае молодежь поголовно вся участвовала и часть взрослых колхозников участвовала в этой демонстрации. При обсуждении проекта Конституции некоторые колхозники очень характерно выступали. Например, Фрезе Елена – мать красноармейца в своем высказывании благодарит правительство, что сын ее служит в красной армии, получает хорошее образование, воспитание. Она довольна, что в Конституции записано – «кто не работает, тот не есть». Она дальше благодарит, что дается возможность учиться, что даются равные права всем национальностям. Вот эту сторону, что даются равные права всем национальностям – она особенно подчеркивается. «Служба в красной армии, защита советского союза – является честью гражданина и в этом отношении немецкая молодежь имеет очень большие достижения потому, что находясь под религиозным дурманом они считали, что не только за ружье не должны браться, но ненавидели того человека, который служил в армии, брал оружие, издевались над ним. Наша молодежь сейчас смотрит иначе и в этом отношении имеется большое достижение...»¹.

Из выступления Ф.М. Аплеснева, первого секретаря ВКП(б) Люксембургского района: «В Люксембургском районе 3 национальных сельских совета: Люксембургский, Подольский и Богомазовский – 14 колхозов. Немецкого населения 3500 человек, что составляет про-

центров 26-27 к населению в районе... Эти 14 колхозов представляют собой 15 населенных пунктов. Коммунисты имеются только в 6-ти пунктах, разбросанные по Подольской территориальной кандидатской группе и парторганизации. Комсомольские организации имеются в 4 колхозах и в 4 колхозах плюс к этому имеются комсомольцы одиночки. Всего комсомольцев из немецкой молодежи 44 человека... Каждый колхоз располагает небольшими группами (в 3-5 ч.) беспартийного актива за счет стахановцев и из учительства. Это я говорю за исключением депутатов, членов сельсоветов. В поселках имеются прекраснейшие клубы, в 3 колхозах имеются избы читальни, а во всех населенных пунктах имеются красные уголки. Это – наши силы, это та материальная база, которой мы располагаем. Собраний, бесед по докладу т. Сталина и новой Конституции по этим немецким колхозам (14-ти) было проведено 48, докладов, бесед о международном положении, по решениям партийных органов и правительства – 46. Поставлено спектаклей – 65, музыкальных выступлений – 41, а кинопостановок за 13 месяцев по 14 колхозам дано только 23. Организовано 2 ячейки союза воинствующих безбожников, но эти ячейки по существу не работают. Сейчас создали оргбюро в районе, приобрели необходимый материал рублей на 500 и таким образом работу начинаем снова, но до сих пор по существу не работали»².

Относительно политических настроений Ф.М. Аплеснев отметил: «Что можно сказать о настроениях колхозников при изучении новой Конституции? Важно отметить, что политическая активность и интерес проявлен огромный. Это говорят и агитаторы, которые ездили и самому приходилось видеть, что на каждом собрании найдутся десятки вопросов со стороны колхозников. Правда, выступлений бывает меньше. Второй недостаток в разъяснении этого документа заключается в том, что у нас очень мало ведут партийную пропаганду коммунисты первичных организаций а, главным образом, она строится за счет выездов людей из нашего районного центра.

В последние два месяца райком неплохо поставил учет этих политических настроений, которые проявляются в связи с этим документом. Мы их обобщаем в райкоме, на совещании агитаторов о них рассказываем, что дает возможность лучше ориентировать партийную организацию и принимать необходимые меры. Например, приняли такие меры, что начали подбирать для посылки в немецкие колхозы наиболее подготовленных агитаторов, пропагандистов. В Богомазвском сельсовете с его 4-мя колхозами не было ни одного коммуниста –

мы сняли одного работника из райактива и послали туда на избу читальню. Дальше мы, изучая эти настроения, приняли, например, такие конкретные меры: когда в колхозе «Гофман» родители запретили детям вступать в комсомол, секретарь райкома ездил на квартиры и там вел подготовительную и разъяснительную работу, создал в 5 человек... В немецких колхозах у нас более благополучно с хлебом обстоит, чем в других колхозах нашего района. Из той государственной помощи, которую мы получили, у нас в среднем на трудодень приходится 400–800 грамм. Нам продсуды дали 12 тыс. пудов, вывезена нами полностью. Эта ссуда была распределена, согласно первого указания обкома партии, на трудодни первого квартала, а сейчас, в связи с новым указанием, мы ее раздали на трудодни 3 и 4-го кварталов всю, за исключением колхозов, где у нас не было никаких собственных ресурсов, и где мы создали небольшие фонды кассы взаимопомощи из 5-6 центнеров. В русских колхозах мы сейчас положение с хлебом подтянули. Указание обкома о доведении трактористам до 2 килограмм мы выполнили, наиболее отстающие колхозы получили от 200 до 600 грамм.

Настроение колхозников к посевной. Зарегистрированы такие факты, что буквально как только получили ссуду, создали председателей колхозов, затем начали проводить колхозные собрания и на второй, третий день звонят, что в колхозе, где до сего времени из бригады выходило 2-3 человека на работу, сейчас небывалая вещь – пошли на снегозадержание. Таким образом, факты повышения производственной активности есть. Не так давно, Петр Григорьевич, была ваша телеграмма, что у нас только 2 процента снегозадержания, а сейчас до 35-40 процентов дотягиваем.

С ремонтом сбруи не совсем благополучно обстоит дело – тут нужно не только запутывание сбруи, а приобретение некоторого количества сырья кож, воровины, кошмы и т.д. До сих пор у нас этими вещами не торговали, а готовую сбрую не покупают колхозы, потому что денег нет. Оборот сельпо в 4-м квартале очень резко снизился. В таком же духе идет работа и сейчас. У нас райпотребсоюза очень плохо работает и плохо поворачивается с товарами»³.

Интересно, что в информационной сводке заведующего отделом руководящих партийных органов Оренбургского обкома ВКП(б) И.Г. Карякина по Люксембургскому району на 16 сентября 1938 г. сообщалось: «...секретарь Люксембургского райкома ВКП(б) т. Аплеснев информационной запиской ставит вопрос о пересмотре поста-

новлений, вынесенных в 1935 г. пор вопросу привилегий немецким колхозам. Немецкие колхозы отнесены к колхозам с развитым животноводством и разрешено колхозникам иметь 2-5 коровы, а в остальных колхозах района по одной. Наличие обобщественного стада в колхозах по району одинаково и немецкие колхозы ни чем не выделяются, однако они выделены от колхозов с русским населением. На почве этого имеется недовольство русских колхозников привилегиями немецким колхозам. Наличие такого положения также тормозит ликвидацию фактов нарушения устава сельхозартели (в части 2-х и 3-х коровных хозяйств)»⁴.

Из выступления К.А. Рыбина, первого секретаря Сакмарского района «У нас в Сакмарском районе 4 немецких колхоза, очень небольших, имеющих по одной производственной бригаде. Парторганизации непосредственно при колхозах нет. Всего коммунистов из немцев 2 человека – один из них работает председателем сельского совета, и второй – его жена работает избачем в этом же сельсовете. Таким образом, кадры, которыми мы располагаем в деле проведения массовой политической работы – это исключительно беспартийный актив, который находится в большинстве своем на колхозном производстве.

Хозяйственное состояние этих колхозов по сравнению с русскими колхозами гораздо выше, хотя бы суя по вопросам подготовки к весеннему севу, по тому, как сейчас колхозники-немцы живут – можно заявить, что они живут гораздо крепче целого ряда русских колхозов. Мы имеем такое положение, что все немецкие колхозники имеют коров, овец, очень много свиней. Из 4-х немецких колхозов только 3 хозяйства не имеют коров в колхозе Роза Люксембург и то только потому, что в 1934-1935 гг. эти хозяйства уезжали из колхоза. Один из них – холостой человек, который не хочет приобретать корову, а 2 хозяйства – не имеют коров. Все остальные хозяйства имеют коров и даже некоторые по две.

Показатели подготовки к весеннему севу по немецким колхозам мы оцениваем, как удовлетворительные. Состояние тягла, рабочего скота в немецких колхозах вполне удовлетворительное. Политическое настроение в немецких колхозах не плохое. Но вот на фоне этих неплохих настроений немецких колхозников, есть отдельные проявления крайне тревожного положения. Например, в колхозе Ротфельд колхозник-кузнец откровенно заявляет, что он не верит, что пишут в наших газетах на счет того, что фашиствующие мятежники в

Испании терпят поражение. Это все для того, чтобы себя подбодрить, а на самом деле фашизм в Испании победит также, как он победил в Германии. И нет никакого сомнения, говорит он, что он и дальше распространит свое влияние... Нужно будет обратить особое внимание на такое обстоятельство – наличие неграмотных среди немецких колхозников. В колхозе Роза Люксембург 13 человек неграмотных, в Ротфельд – 7 человек, причем преимущественно женщины. На протяжении последних двух месяцев мы заслушивали, решали вопрос о ликвидации неграмотности и малограмотности в немецких колхозах. Сейчас, на протяжении последнего месяца в колхозе Моргенрейд проведено уже четыре занятия. Я не считаю здесь малограмотных, которых тоже насчитывается порядочное количество. Таким образом, это обстоятельство заставляет нас подумать на счет того, чтобы принять тут более реальные меры...»⁵.

Из выступления И.К. Гербутович, первого секретаря Буртинского района «У нас в районе немецких колхозов 6 и один смешанный. 5 немецких колхозов обслуживаются одним сельсоветом а остальные два колхоза входят в русский сельсовет... Комсомольская организация из 7 колхозов существует только в трех. Всего 36 человек комсомольцев. Каково хозяйственное положение этих колхозов? В хозяйственном отношении они живут очень крепко. Уже тот факт, что в этом году они полностью выполнили все обязательства перед государством и обеспечили себя семенами. Безкоровных у них нет совершенно. Есть такие хозяйства, которые имеют по 2–3 коровы сейчас. Так что в хозяйственном отношении они живут крепко и в смысле выполнения обязательств перед государством. Так что проявлений антигосударственных, кулацких тенденций у нас не было. Сейчас у них положение гораздо улучшилось, в связи с организацией МТС, которая охватывает эти немецкие колхозы... На счет антирелигиозной работы. Немцы в Буртинском районе не менониты, так что они не были заражены контрреволюционной лихорадкой, антирелигиозную работу почти не ведем. В одном колхозе Карла Маркса – там старики собираются все же к одному и начинают устраивать моления.

С культурной работой там у нас дело обстоит очень плохо. Мы имеем всего одну хату читальню при этом сельсовете. Сейчас наметили обязательно построить клуб. Мы договорились с этими колхозами, чтобы клуб обязательно построить. При этом клубе будут развертывать и библиотеку. А в остальных колхозах только красные уголки, довольно неудачно устроенные и оборудованные»⁶.

Из выступления И.М. Макарова, второго секретаря Соль-Илецкого райкома ВКП(б) «В Соль-Илецком районе из 27 колхозов, имеющих в районе, 4 колхоза имеем немецких. Они расположены на территории 3 сельсоветов, но не сплошные сельсоветы. В одном сельсовете 1 колхоз, во втором тоже и в одном имеется два колхоза. По количеству хозяйств. Во всех этих четырех немецких колхозах имеется 257 хозяйств. Количество их в колхозах различное. В одном колхозе – 30 хозяйств, в другом – 71, в третьем – 55 хозяйств и в четвертом 101 хозяйство. Вот такие размеры немецких колхозов... Что мы имеем в части культпросветработы в этих четырех колхозах? В колхозе Карл Либкнехт имеется клуб на 150 мест. Ащебутак имеет клуб на 100 человек, колхоз (название не указано) на 120 человек. Что эти клубы из себя представляют? Они культурно оборудованы, правда, не совсем дооборудованы, но главный недостаток – топливо. Холодно. В клубы немцы колхозники собираются очень охотно, особенно когда проводим изучение Сталинской Конституции, доклада т. Сталина и митинги и собрания, связанные с процессом контрреволюционной троцкистско-зиновьевской банды. Проработка последних решений показала, что тяга немцев в клубы очень большая. В трех колхозах имеются избы-читальни, но не везде есть избачи. В одном колхозе есть избач – не хороший, но и не плохой, а в другом колхозе избачем работает демобилизованный красноармеец, которого надо учить. Он подает надежды, но ему нужно оказать помощь. В третьем колхозе избача совершенно нет. В отношении хозяйственно-политических кампаний вокруг той помощи, которую мы получили. Мы получили пролонгацию хлебопоставок, натуроплаты, получили семенную ссуду 12600, получили 1 тыс. продовольственной ссуды и вокруг этой помощи государства мы развернули политическую работу в части подготовку к весеннему севу и надо сказать, что в немецких колхозах в основном уже закончено триерование семян. В отношении сельскохозяйственного инвентаря. В этом деле у нас есть недоделки. Но немецкие колхозы взяли на себя обязательство к 15 числу закончить весь ремонт сельскохозяйственного инвентаря.

О подготовке к весеннему севу. Я лично сам был в немецких колхозах и у меня сложилась такая картина, что к весеннему севу колхозы хорошо готовятся, а особенно после выдачи продовольственной ссуды, а мы ее выдавали от 200 грамм до 400 на трудодень. В немецких колхозах получили на трудодень 900 грамм и по 400 грамм продовольственной ссуды. Если взять Ащебутак, то они получили по 1,5

килограмма, продсуды мы им не дали. Колхоз Фриденталь получил 1200 грамм, мы дали по 250 грамм продсуды на трудодень. Серп и Молот получил 1480 грамм на трудодень»⁷.

Из выступления А.В. Алексеева, первого секретаря Павловского райкома ВКП(б) «В Павловском районе имеется два немецких колхоза. В одном 45 хозяйств, в другом – 36 хозяйств. Но если взять по хозяйственной мощности – это колхозы не плохие. При каждом колхозе имеются все виды животноводческих товарных ферм с приличным поголовьем. Посевная площадь тоже небольшая. Все колхозники имеют корову в личном пользовании, большинство колхозников имеют овец, свиней. При распределении доходов они получили очень мало. Колхоз «Карл Либкнехт» получил 450 грамм на трудодень из доходов 1936 года, а другой колхоз получил до 700 грамм. Но в связи с тем, что у них были прошлогодние фонды и плюс к этому помощь от государства, то сейчас они примерно доходят до 1,8-2 килограмм на трудодень. Фуражем эти колхозы обеспечены полностью. Конечно, грубыми кормами: соломой, мякиной и т.д.»⁸.

На страницах одной публикации, естественно, не возможно полностью привести содержание документов. Однако это повод для исследователей вновь и вновь обращаться к архивным документам с целью их более детального изучения.

Примечания:

¹ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 145. Л. 1-3, 6.

² ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 145. Л. 9.

³ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 145. Л. 10, 13.

⁴ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 474. Л. 78.

⁵ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 145. Л. 14, 15.

⁶ ЦДННОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 145. Л. 18-20.

⁷ Ф. 371. Оп. 2. Д. 145. Л. 23, 24, 26.

⁸ Ф. 371. Оп. 2. Д. 145. Л. 27.

РЕАКЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОГО РАЙОНА НА ПРОЦЕССЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Период сплошной коллективизации в самом ее начале характеризовался откровенно насильственным и грубым сносом крестьян в колхозы, практически полным обобществлением их имущества вплоть до мелкого скота и домашней утвари, попыткой в качестве основной формы коллективного объединения создавать коммуны. Основными руководящими документами по данному этапу коллективизации были решения ноябрьского (1929 г.) пленума ЦК ВКП(б), постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Следствием такой политики стало всё возрастающее сопротивление крестьян насилию¹.

В Оренбуржье жестокая коллективизация привела к буквальному бегству немцев в Москву с намерением эмигрировать. По данным Оренбургского окружного комитета партии, на 1 декабря 1929 г. в Оренбургском округе проживало 14151 человек немецкого населения. Всего же в первый год начала массовой эмиграции из Оренбургского округа выехало в Москву 1347 человек или 217 хозяйств². «Эмиграционное движение среди немецкого населения в округе началось в августе и приняло широкие размеры в октябре» 1929 г. Немецкие поселенцы «видевшие невозможность дальнейшего роста своего хозяйства в советских условиях» стремились в связи «с социалистическим наступлением в деревни оказать ему сопротивление путем переселения своей хозяйственной деятельности из условий советских в условия капиталистической системы»³, пугала их также перспектива преследования «религиозного культа меннонитской деревни», также были притеснения немецкого населения в области «культурных запросов» и «хозяйственных нужд»⁴.

Эмиграционные процессы среди немецкого населения беспокоили власть, поскольку они вели к экономическому спаду, к снижению темпов заготовок сельхозпродукции. В докладе председателя Средне-Волжского крайисполкома Президиуму ВЦИК приводятся данные: «Общая посевная площадь в немецких колониях сократилась со 10400,3 дес. (1928-1929 годы) до 9707,41 дес. (1929-1930 годы), или на 7 %. Общее поголовье скота также имеет снижение с 9206 голов

(1928-1929 годы) до 4993 на 1 марта 1930 года, т.е. почти на 50 %; если в 1928-1929 годах имелось инвентаря 4355 машин, то на 1 марта 1930 года количество уменьшилось до 3618». Основные причины такой ситуации были в эмиграционных настроениях немецкого населения. «...Эмиграционное настроение и до сих пор не изжито, оно задерживает восстановление сельского хозяйства, тормозит коллективизацию, ставит под угрозу полное выполнение плана, мешает всякой культурной работе немецких колоний», - отмечается в резолюции первой конференции немецкого подрайона. Вина за увеличение числа эмигрантов возлагалась на кулака. В резолюции по текущему моменту этой же конференции отмечалось, что «в наших немецких условиях кулак ведет свою контрреволюционную агитацию за эмиграцию, кулак хочет задержать коллективизацию». И далее – «...бешеная агитация кулака за эмиграцию может подорвать еще больше экономическое состояние немецкого подрайона»⁵. И как следствие шли процессы раскулачивания зажиточных крестьян с последующей их высылкой. На заседании президиума немецкого подрайона с учетом бюро партколлектива и Кичкасской ячейки от 4 мая 1930 года обсуждался вопрос «Разбор и рассмотрение материалов кулацких хозяйств» под председательством Унгера. Этот документ следует привести дословно: «Слушали: Материал на Кооп Франца Ивановича колхоза Алисово Степановского сельсовета Уранского подрайона. До сих пор не раскулачен, но характеризуется как зажиточный. Постановили: Хозяйство Кооп характеризовать не как зажиточное, а как кулацкое, восстановление в избирательных правах неправильно, ибо он эксплуатировал чужой труд и подлежит раскулачиванию по II категории с высылкой из края». На этом заседании было рассмотрено свыше двадцати аналогичных «дел». Местные партийные деятели считали, что эмиграционный психоз был вызван лишь специально организованной работой группы антисоветских агитаторов. «Эмиграционное движение усилилось исключительно под влиянием агитации проповедников, кулаков и подкулачников, которые используют всякие небылицы, чтобы усилить это движение с тем, чтобы противодействовать осуществлению мероприятий партии и власти по переустройству деревни на основе коллективизации и индустриализации»⁶.

Из докладной записки окружного комитета ВКП(б) в ЦК ВКП(б) о прекращении эмиграционного движения среди немцев Оренбургского округа: «Волна эмиграции в последнее время особенно усилилась потому, что из Москвы получается ряд частных теле-

грамм о том, что выезд в Америку разрешен. Большое влияние оказывают московские немецкие газеты «Московское обозрение» и «Центральная газета», сообщающие о том, что Советское правительство разрешило эмиграцию⁷. А поскольку такого разрешения не было и невозможно было допустить, чтобы подданные страны прекрасного социализма бежали в другие государства, власти пытались любыми средствами остановить эмиграцию.

Для снижения эмиграционных потоков власти вынуждены были предпринимать меры по удовлетворению запросов немецкого населения, снижающие темпы эмиграции. Оренбургским окружкомом, в попытке остановить выезд людей за пределы границы была создана и направлена в немецкий район специальная комиссия для этой цели. В октябре было послано еще 2 комиссии и 24 человека из окружного актива, знающих немецкий язык или бытовые условия немцев с целью проведения массовой агитационной работы среди бедняцко-среднеяцких масс и принятия необходимых мер с целью проведения массовой агитационной работы⁸. В результате комиссией было решено, к примеру, повысить агротехническое и культурно-просветительское обслуживание немецких колхозов, создать для немецких колхозов тракторную колонну, повысить нормы кредитования немецких колхозов, усилить завоз промтоваров в немецкие колонии, направлять немцев для учебы в сельскохозяйственный институт, на курсы трактористов, переводить делопроизводство на немецкий язык, усилить медицинское обслуживание и т. д. и т. п. В немецком районе шла работа по ликвидации неграмотности. Требовались кадры учителей. Рабочий факультет г. Оренбурга от 10 августа 1930 г. сообщал: «Вашему округу выделено 3 места для колхозников-немцев (мужчина - 1, женщины - 2)». В одном письме Округного ОНО от 7 июля 1930 г. вносилось предложение о возможности открытия в с. Претория «немецкого педтехникума с 1-го по 2-й курсы в 90 человек оба...». В другом письме сообщалось: «Вам предоставляются места в немецком педагогическом институте, который имеет следующие отделения: историко-экономическое, немецкого языка и литературы... В институт принимаются лица, свободно владеющие немецким языком». Велась переподготовка кадров. «На центральные курсы учителей немцев, организуемых в г. Маркштадте при педтехникуме, Вашему району предоставлено одно место»⁹.

Собрание курсантов совместно с активом Преторийского сельсовета и колхозов в количестве 150 человек и общее собрание граждан

колоний Камышевки и Черно-Озерное 3 марта 1930 года слушали доклад тов. Циммерман об эмиграции и добавление тов. Гасслера. Постановили: «Мы требуем принятия самых решительных мер по разъяснению вредности эмиграции и предотвращения таковой, особенно в связи с приближением весны... Однако необходимо указать, что эмиграционное настроение еще далеко не изжито, что этим вопросом необходимо со всей серьезностью заняться в самое ближайшее время»¹⁰. «Местные партийцы, специально посланные задержать, в некоторых случаях насильно заставили оставаться на месте, но немецкое упорство довольно трудно переломить, нужен был наглядный урок, чтобы прийти в состояние равновесия, чтобы созданное агитаторами за эмиграцию настроение изменить. Вот почему основная масса немецкого населения сейчас горячо протестует против эмиграции, рассматривая ее, как кулацкую вылазку против партии и соввласти»¹¹.

Некоторые колонисты возвращались обратно. Однако на их месте уже поселились русские граждане, скупившие имущество, инвентарь, скот. Покровский райисполком принимает популистское решение об отчуждении домов, земель и т.п. у русских граждан к немцам, что приветствуется в немецких колониях. «В отношении возврата русским денег не возражаем выплатить сейчас по силе возможности. Часть кредитов истребовать от государства и выплату произвести за вычетом сумм использованных русскими нашего топлива, урожая, домашней утвари и т. п.»¹².

Собрание русских граждан, проживающих в колонии Николаевка, поселившихся здесь в момент эмиграции немцев (присутствовало 19 человек), также не возражало против мероприятий РИКа, но в постановлении констатировало: «Просим также войти в наше теперь создавшееся положение. Мы вынуждены выселиться в условиях возвращения нам немцами: заплаченных нами денег за постройки и т.п. При случае, когда у немцев нет денег на возврат, просим уплатить за них через кредиты, которые отпустить им за государственный счет. В крайнем случае если РИК не сделает это теперь, то мы обречены оставаться без посевов. Нельзя ли выслать учебную бригаду для разрешения этих вопросов»¹³.

Проблемы ликвидации последствий эмиграции обсуждались на бюро Оренбургского окружкома ВКП(б), было намечено несколько десятков мероприятий, среди которых: поручить Окрпотребсоюзу усилить завоз в немколонии протомаров; подготовить к новому учебному году перевод школы в Претории на девятилетний срок обучения,

перестроив ее работу на обслуживание исключительно немецкого населения; создать при всех избах-читальнях немецкие библиотеки с количеством книг не менее пятисот в каждой.

Итак, по Оренбургской области, по всему Советскому Союзу, несмотря на отчаянное сопротивление, немецкое крестьянство было коллективизировано, причём во многих регионах коллективизация немецких хозяйств завершилась значительно раньше, чем коллективизация соседних русских, украинских и др. хозяйств. Очевидно, в этом не последнюю роль сыграла местная немецкая партийно-советская номенклатура. Среди немцев был слой людей, безоглядно принявших большевистский режим, фанатично служивших ему верой и правдой. Коллективизацию и раскулачивание в немецких сёлах проводили те же немцы-односельчане, а не кто-то со стороны. Свою малочисленность эти люди компенсировали недюжинным упорством и педантизмом в достижении цели, особой жестокостью и непреклонностью. Именно этим людям как раз и удалось немецкую деревню, ещё зимой 1929-1930 гг. бушевавшую массовыми протестами против коллективизации, к концу 1931 г. поставить на колени.

Примечания:

¹ Коллективизация в немецких селах / www.rusdeutsch.ru

² ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 17.

³ ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Л. 52-53.

⁴ ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Л. 52-53.

⁵ Мы – оренбуржцы. Историко-этнографические очерки / Под общ. Ред. В.В. Амелина. - Оренбург: ОАО «ИПК «Южный Урал», 2007. – С. 161.

⁶ ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 127. Л. 17.

⁷ ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 178. Л. 7-8.

⁸ ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

⁹ Этнокультурная мозаика Оренбуржья (научные статьи, очерки, статистика). – изд. 2, доп. – Оренбург: ИПК «Южный Урал», 2003. – с. 100.

¹⁰ ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 178.

¹¹ ЦДНПО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 201. Л. 17.

¹² Тюлюлюкин, Е.Ф. Эмиграция немцев из России в 1929-1930 гг. / Оренбургские немцы: этническая история и духовная культура. Оренбург, 1998 г. С. 43-45.

¹³ Там же.

Моргунов К.А. (Оренбург)

ТРУДОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Тема трудовой мобилизации немцев на Южном Урале стала подниматься относительно недавно. Только с конца 80-х годов, на фоне трансформационных процессов во всей исторической науке, с открытием доступа исследователей к ранее засекреченным архивным документам, ученые активно обратились к этой теме. Вопросы осуществления трудовой мобилизации немецкого населения на территории Южного Урала неоднократно затрагивали в ходе своих исследований Н.В. Бирбасова, Е.П. Турова и Н.П. Палецких, Г.Я. Маламуд, Г.А. Гончаров, А.В. Федорова, О.Я. Бахарева, Е.Ф. Тюлюлюкин, Ю.И. Шпинева и многие другие исследователи. Однако в силу обширности архивных материалов проблематика трудармии сохраняет определенный интерес и требует продолжения научного поиска. В настоящей статье мы постараемся, опираясь на предыдущие исследования, вновь обнаруженные архивные источники, а также на обширный статистический материал, содержащийся в сборниках документов, составителем которых является доктор исторических наук, профессор Н.Ф. Бугай, сделать некоторые обобщения и проследить процессы мобилизации и трудового использования немцев на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны.

Неудачи и поражения Красной Армии в период начала Великой Отечественной войны заставляли руководство страны делать очередные попытки поиска «врагов» и «вредителей». Обстановка нагнеталась, от местных органов НКВД требовали разоблачения «вредителей». Только за первую неделю, после начала войны органами НКВД в немецких колхозах за контрреволюционную деятельность было арестовано 9 человек. Основными обвинениями являлись «... проведение контрреволюционной агитации, направленной против мероприятий Партии и Правительства, колхозного строя, восхваления политики Гитлера, сопровождаемые угрозами расправы последнего с преданными советской властью людьми» (А.Ф. Рут, Е.И. Креккер, Е.И. Станчевич и др.)¹. По районам компактного проживания немецкого населения собиралась информация о проявле-

ниях антисоветизма. Так в докладной записке секретаря Переволоцкого райкома ВКП(б) В.В. Самсонова от 13 сентября 1941 г. сообщалось, что морально-политическое состояние немецкого населения «...в большинстве своем неустойчиво». Секретарь райкома отмечает, что «Чувствуется приподнятый дух в связи с тем, что фашисты заняли ряд наших городов... . Абсолютное большинство (немцев) имеет родственников в Германии, Америке. Значительное число семейств имеет в своем составе репрессированных, ... вполне понятно, что они готовы подняться при возможности против советской власти». Поддерживал это мнение и секретарь Белозерского райкома ВКП(б) И.Ф. Макариков, который в своем информационном письме в обком ВКП(б) в частности сообщал: «Мы полагаем, что из числа немцев абсолютное большинство если не является прямыми нацистами то, во всяком случае, сочувствует идеям нацизма»². Подобного рода материалы, в большом количестве собираемые с мест, служили делу формального оправдания начавшегося после принятия 28 августа 1941 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», процесса массовой депортации советских немцев. Судя по приведенным выше документам, немецкое население Чкаловской области вполне осознавало, что после переселения немцев из Поволжья, неизбежно настанет и их черед. В докладной записке секретаря Люксембургского райкома отмечается ухудшение настроения в немецких колхозах после принятия приказа и приводится следующее мнение: «Зачем нам работать, когда мы тут жить не будем, кто тут будет жить, пусть тот и молотит и убирает хлеб»³. Государственным Комитетом Обороны СССР действительно планировалось осуществить переселения всех немцев, в том числе и проживающих на Южном Урале, в срок с 20 сентября по 10 октября 1941 г.⁴. Однако немецкое население, проживающее на территории Южного Урала, не было подвергнуто депортации (не считая выселения из городов), но, тем не менее, не смогло избежать трудовой мобилизации.

В Чкаловской области по данным переписи населения 1939 г. проживало 18 594 граждан немецкой национальности⁵, из них 1381 в городах и 17213 в сельской местности. В Челябинской области постоянно проживало 6019 немцев и в Башкирской АССР было зарегистрировано 6030 немцев.

В поле. Жители немецкого с.Кубанка Чкаловской области

На току в немецком с.Кубанка Чкаловской области

В конце 1941 г. стали создаваться первые рабочие колонны из немцев, проживавших на территории Украины и бойцов, изъятых из Красной армии. После постановлений ГКО от 10 января 1942 г. «О порядке использования немцев-переселенцев призывного возраста от 17 до 50 лет» и от 14 февраля 1942 г. «О мобилизации немцев—мужчин призывного возраста от 17 до 50 лет, постоянно проживающих в областях, краях, автономных и союзных республиках», процесс мобилизации немецкого населения принял массовый характер.

В соответствии с последним постановлением ГКО все немцы-мужчины в возрасте от 17 до 50 лет, годные к физическому труду мобилизовывались в рабочие колонны на все время войны. Все мобилизованные немцы обязаны были явиться на сборные пункты в исправ-

ной зимней одежде с запасом белья, постельными принадлежностями, кружкой, ложкой и десятидневным запасом продовольствия. Перевозку мобилизованных к месту работ предписывалось завершить к 25 марта 1942 г.

В документах отдела спецпереселений НКВД СССР приводятся сведения, о том, что к моменту подготовки постановления ГКО от 14 февраля 1942 г. на территории Чкаловской области было учтено 2378 мужчин-немцев в возрасте от 17 до 50 лет (по другим данным на 1 марта 1942 г. немцев-мужчин в возрасте от 16 до 50 лет было 2963 человека). В Челябинской области насчитывалось 740 немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет (соответственно 923 мужчины в возрасте от 16 до 50 лет на 1 марта 1942 г.). В Башкирской АССР на учете состояло 527 немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет (однако, на 1 марта 1942 г., по данным НКВД, указывается уже 1250 человек в возрасте от 16 до 50 лет)⁶.

17 февраля 1942 г. Военным Советом Южно-Уральского военного округа был принят приказ о мобилизации немцев Чкаловской области в трудовую армию. Приказом предписывалось передать НКВД СССР всех мобилизованных немцев-мужчин в возрасте от 17 до 50 лет для использования их на строительстве железных дорог. Уже на следующий день, 18 февраля 1942 г. был издан аналогичный приказ Чкаловского областного военного комиссариата о мобилизации немцев-мужчин на строительство железных дорог⁷. Как показала дальнейшая практика использования труда мобилизованных немцев, большинство из них было направлено не на строительство железных дорог, а использованы в иных отраслях производства. Это говорит о том, что четкого представления об использовании мобилизованных немцев, во всяком случае на местах, первоначально не было.

Эти приказы не были опубликованы и мобилизованные немцы вызывались персональными повестками через военно-учетные столы и сельсоветы. После прохождения медицинской комиссии, немцам, зачисленным в рабочие колонны, запрещался выезд за пределы районов, у них изымались паспорта и военные билеты и взамен выдавались соответствующие квитанции и справки о зачислении в рабочие колонны. При этом оба приказа особо оговаривали требование предупредить каждого немца о том, что никакой одежды и обуви на месте работы они не получают. Мобилизацию предписывалось завершить к 1 марта 1942 г.

Следует отметить, что по обращению секретаря Чкаловского обкома ВКП(б) тов. Дубровского отсрочку от мобилизации до 1 июня

1942 г. получили 321 немец – трактористы, механики, слесари, токари и бригадиры тракторных отрядов МТС Чкаловской области, которые использовались во время весеннего сева. После завершения работ все они были переданы в распоряжение НКВД.

*Посевная в немецком селе Девка (1941 г.). Тракторист П.П. Кетлер с сыновьями Петром и Абрамом. Рядом стоит Г.И. Петерс (в 1941 репрессирован)**

К октябрю 1942 г. численность немецкого населения в Чкаловской области по данным областного управления НКВД снизилась до 16460 человек (по сообщениям секретарей райкомов ВКП(б) – 16847 человек)⁸. Эта цифра в целом подтверждает приведенные выше данные о мобилизации в Чкаловской области 2378 немцев по постановлению от 14 февраля 1942 г. В таблице 1 приведены данные о расселении к этому моменту немцев по районам и населенным пунктам области. Значительная часть немцев проживала в Люксембургском районе (3712 человек), а также в районах, в состав которых отошли немецкие селения после ликвидации Кичкасского национального района в сентябре 1938 г.: в Александровском (1222), Белоозерском (1533), Покровском (1374) и Переволоцком (1759). После принятия СНК СССР распоряжения от 30 октября 1941 г. «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные» исполкомом Чкаловского областного совета 12 ноября 1941 г. было принято решение о выселении немцев, проживавших ранее в городах

* В статье использованы фото из книги «Neu Samara am Tock (1890-2003). Warendorf, Deutschland, 2003 и сайтов: <http://www.neu-samara.de/>; http://www.shdanowka.de/index_rus.htm

и размещении их в различных населенных пунктах Кваркенского (1092 человека), Домбаровского (585) и Ново-Орского (390) районов.

В настоящее время еще не обобщены полные данные о количестве мобилизованных немцев по отдельным районам и населенным пунктам. Но по воспоминаниям очевидцев мы можем привести некоторые сведения. Только из 14 сел Переволоцкого района Чкаловской области в г.Коркино (Челябинская область) были направлены 432 немца. Еще 120 мужчин и подростков были направлены в г. Молотов. Позже, из этих же сел на предприятия г. Орска, Новотроицка, Оренбурга, были отправлены 310 женщин-немок. Из села Клубниково, расположенного в этом районе, были призваны 28 мужчин и 16 женщин. Село Кубанка проводило в трудармию 25 мужчин и 20 женщин⁹. Всего же только из Переволоцкого района было мобилизовано 862 человека¹⁰. Из села Хортица Александровского района было мобилизовано 115 немцев. Еще 120 человек были мобилизованы из совхоза «Дружба» Соль-Илецкого района¹¹. На немцев, не подлежащих мобилизации, был распространен режим спецкомендатуры, со всеми связанными с этим ограничениями передвижения и регулярной регистрацией в комендатуре.

Таблица 1 – Численность немецкого населения в Чкаловской области на октябрь 1942 г. (по сообщениям секретарей райкомов ВКП(б))¹²

Район, населенный пункт	Количество немецкого населения	По переписи 1939 г.	Район***	Количество немецкого населения	По переписи 1939 г.
1. Александровский	1222	1115	7. Люксембургский	3712	4112
к/х «Рот Октобр»	398		8. Покровский	1374	1597
к/х им Тельмана	316		9. Адамовский	722	57
к/х «Большевик»	508		10. Домбаровский	585	4
2. Белоозерский	1533	2013	11. Ново-Орский	390	10
к/х «Эрфольг»	424		12. Андреевский	3	3
к/х им. Буденного	473		13. Буранный	37	37
к/х «Прогресс»	369		14. Грачевский	17	17
к/х «Ударное»	267		15. Екатериновский	41	21
3. Буртинский*	1492		1765	16. Ивановский	18
к/х им. К. Маркса	101	17. Краснопартизанский		2	2
к/х им. К. Либкнехта	181	18. Курманаевский		5	5
к/х им. Р. Люксембург	437	19. Мустаевский		15	15

к/х им. К. Маркса	180		20. Ново-Сергиевский	32	45
к/х «Блюменталь»	201		21. Пономаревский	6	2
к/х «Новое хозяйство»	186		22. Сок-Кармалинский	4	4
к/х «Новая жизнь»	127		23. Свердловский	7	7
4. Переволоцкий	1759	2256	24. Саракташский	36	47
к/х «Красный Кичкасс»	207		25. Ташлинский	5	5
к/х «Коминтерн»	215		26. Тепловский	85	85
к/х «Ленинг-Вег»	173		27. Шарлыкский	5	210
к/х «Спартак»	154		28. Бугурусланский	64	64
к/х им. К. Либкнехта	172		29. Абдулинский	86	86
к/х «Эстер-Май»	234		30. Асекеевский	3	3
к/х им. К. Цеткен	182		31. Гавриловский	18	29
к/х «Рот Фронт»	212		32. Державинский	4	4
к/х «Эре»	210		33. Зиянчуринский	17	17
5. Сакмарский	602	948	34. Илекский	14	16
к/х им. К. Маркса	181		35. Краснохолмский	8	10
к/х «Рот-Фельд»	59		36. М.-Боклинский	13	13
к/х «Морген Рейд»	164		37. Ново-Покровский	67	24
к/х им. Р. Люксембург	154		38. Октябрьский	26	26
к/х «Коминьерн»	44		39. Павловский	393	393
6. Соль-Илецкий**	1017	1584	40. Секретерский	1	1
к/х им К. Либкнехта	361		41. Сорочинский	39	118
к/х «Ащебутак»	122		42. Тоцкий	10	10
к/х «Серп и молот»	97		43. Троицкий	4	15
к/х им. 9 января	72		44. Халиловский	33	33
к/х «Украина»	82		45. Бузулукский	107	107
к/х «Фриденталь»	89		46. Кувандыкский	122	122
г. Соль-Илецк	172		ИТОГО	16847	18594

* В других населенных пунктах – 79 человек;

** В с/х «Маяк», к/х им. Цвиллинга и кирпичном з-де НКПС – 22 человека;

*** Сведения о населенных пунктах отсутствуют.

В дополнение к указанным постановлениям 7 октября 1942 г. ГКО принял постановление «О дополнительной мобилизации немцев для народного хозяйства СССР», в соответствии с которым были мобилизованы в рабочие колонны все мужчины в возрасте от 15-16 и от 51-55 лет включительно. Этим же постановлением определялся порядок мобилизации также и женщин-немок, в возрасте от 16 до 45 лет включительно. Освобождались от мобилизации только женщины, беременные или имеющие детей в возрасте до 3-х лет. За неявку на призывные или сборные пункты предусматривалась уголовная ответственность. Мобилизованных немцев-мужчин направляли на предприятия треста «Челябуголь» и «Карагандауголь».

Женщин-немок предписывалось направить на предприятия Наркомнефти.

Справедливости ради изначально следует отметить, что мобилизованные немцы составляли лишь часть рабочей силы, мобилизованной на трудовой фронт в годы войны. Еще в ноябре 1941 г. только в Чкаловской области на строительстве заводов и железнодорожных линий трудились семь колон в состав которых входило около 7000 человек. К апрелю 1942 г. в Чкаловской области в составе рабочих колон числилось уже 26 743 человека. Большинство из этих колон было сформировано в западных районах Украины и Белоруссии, в Узбекистане, Таджикистане и Казахстане. Строительная рабочая колонна № 1553 была сформирована в г. Кутаиси. В колонне 1554, сформированной также в Кутаиси, преобладали грузины и азербайджанцы. Колонна № 303 организовывалась в Кабардино-Балкарии. Рабочая колонна № 631 формировалась в Уфе. В состав рабочей колонны при Управлении военно-строительных работ № 256 к началу 1942 г. входило: 463 красноармейца – русских по национальности, 160 – украинцев, 128 – татар, 41 – еврей, 37 – поляков, 36 – из мордвы, 33 – белоруса, 22 – чуваша, 15 – узбеков, 12 – чехов и еще 20 представителей других национальностей, в том числе один немец. Значительная часть мобилизованных в рабочие колонны были судимы, в том числе по статье 58 Уголовного Кодекса. Условия их содержания также были непростыми. Красноармейцы жили в необорудованных бараках и землянках, большинство не имело зимней одежды. Так в колонне № 256 на работы выходило лишь около 20 % личного состава. Остальные, из-за отсутствия одежды оставались в землянках¹³. В связи с этим, 5 февраля 1942 г. при рассмотрении вопроса «О состоянии рабочих колонн, находящихся на территории Чкаловской области» бюро обкома ВКП(б) обязало «...всех хозяйственных и партийных руководителей, имеющих в своем распоряжении рабочие колонны, в максимальной степени загрузить эти колонны работой и добиваться полного выполнения производственных норм»¹⁴. Для этого предписывалось обеспечить всех рабочих обувью, обмундированием и бельем, а также улучшить медицинское обслуживание и санитарное состояние жилищ.

Таким образом, условия работы и бытового содержания в строительных колоннах, рабочих эвакуированных предприятий и мобилизованных немцев были схожими. Однако главной отличительной чертой использования принудительного труда советских немцев являлось именно выделение их из общего массива советских граждан по признаку национальности,

принудительное переселение, а затем и трудовая мобилизация, при которой нормативы содержания мобилизованных немцев мало чем отличались от норм ГУЛАГа. Репрессивные меры, в основу которых был положен национальный признак, упреки в пособничестве фашизму помимо всего прочего стали тяжелым моральным ударом для советских немцев.

В соответствии с постановлением ГКО от 7 октября 1942 г. всего по Союзу на предприятия системы Наркомугля и Наркомнефти были мобилизованы 55200 немцев.

Из Чкаловской области по этому постановлению были мобилизованы еще 2200 человек, из них 1500 немцев были направлены на станцию Ишимбай и 700 человек на станцию Оренбург (несмотря на изменение названия города, название станции в документах употреблялось прежнее) в распоряжение треста «Чкаловуголь». В таблице 2 приведены данные о количестве немцев, подлежащих мобилизации по четырем районам Чкаловской области. В восьми немецких колхозах Буртинского района к октябрю 1942 г. оставалось 162 мужчины в возрасте от 15 до 55 лет (из них 97 специалистов, в том числе 46 трактористов), и 379 женщин в возрасте от 16 до 45 лет, из которых мобилизации подлежали 162 человека (21 – беременных и 196 женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет). Из 13 немецких колхозов Люксембургского района мобилизации подлежало 429 мужчин в возрасте от 15 до 55 лет (в том числе 138 специалистов: 81 тракторист, 17 комбайнеров, 16 бригадиров и 24 специалиста прочих специальностей), а также 660 женщин в возрасте от 16 до 45 лет. В этих селах оставалось после мобилизации всего 312 женщин (295 – имеющих грудных детей и 17 – беременных) и 97 мужчин не подлежащих мобилизации. Из четырех немецких колхозов Соль-Илецкого района было мобилизовано 133 мужчины и 165 женщин (остались работать в колхозах 176 женщин, 14 мужчин и 125 подростков младше 15 лет). Также из четырех колхозов Сакмарского района подлежало трудовой мобилизации 75 мужчин и 115 женщин. После проведения мобилизации в 48 хозяйствах остались лишь дети младше 15 лет или старики старше 55 лет, и еще 28 хозяйств остались совершенно без хозяев. При этом местные органы власти уверяли, что ущерб от этого абсолютно не будет, а из создавшегося положения можно выйти за счет перестановки людей¹⁵. Областное руководство беспокоилось, прежде всего, за выполнение плановых заданий немецкими колхозами старалось предотвратить уничтожение скота. На партийном совещании, которое состоялось 20 октября 1942 г., по этому поводу отмечалось: «Надо иметь в

виду, колхозы должны здравствовать и работать, никаких эксцесов, разбазаривания скота не должно быть. При наличии эвакуированных, которых вы знаете, можете их переселить... Остальную часть людей расставить так, чтобы производство вертелось...»¹⁶.

Женщины – основная тягловая сила.

Таблица 2 – Сведения о количестве немцев подлежащих мобилизации в отдельных районах Чкаловской области по постановлению от 7 октября 1942 г.¹⁷

Район / колхоз	Подлежит мобилизации		Остается в колхозе			Трудоспособное население другой национальности	
	мужчин	женщин	мужчин старше 55 лет	подростков до 15	женщин, имеющих детей до 3-х лет и беременных	мужчин	женщин
Бургинский район:							
1. Блюменталь	20	13	*	*	43	–	–
2. Новая жизнь	21	22	*	*	20	–	–
3. К. Либкнехта	14	1	*	*	22	–	–
4. Новое хозяйство	15	24	*	*	7	–	–
5. К. Маркса	22	25	*	*	26	–	–
6. Р. Люксембург	42	52	*	*	59	–	–
7. К. Маркса	17	15	*	*	25	4	27
8. 8-е Марта	5	5	*	*	6	*	*

Район / колхоз	Подлежит мобилизации		Остается в колхозе			Трудоспособное население другой национальности	
	мужчин	женщин	мужчин старше 55 лет	подростков до 15	женщин, имеющих детей до 3-х лет и беременных	мужчин	женщин
Сакмарский район:							
1. Р. Люксембург	18	29	*	18	10	–	–
2. К. Маркса	20	35	*	28	12	–	–
3. Моргенрейд	25	37	*	45	13	–	–
4. Родфельд	12	14	*	20	9	–	–
Люксембургский район:							
1. Р. Люксембург	57	53	*	*	37	–	–
2. Роте Фане	28	70	*	*	17	–	–
3. им. Буранного	30	31	*	*	28	–	–
4. Ленин Фельд	26	24	*	*	29	–	–
5. им. Тельяна	34	52	*	*	19	–	–
6. Рот Фронт	33	84	*	*	31	–	–
7. К. Маркса	28	52	*	*	29	–	–
8. Ф. Энгельса	42	41	*	*	22	–	–
9. им. НКВД	41	57	*	*	27	–	–
10. им. Дмитрова	38	71	*	*	23	–	–
11. К. Либкнехта	41	62	*	*	12	–	–
12. Ток	11	25	*	*	13	–	–
13. им. Чкалова	26	38	*	*	25	–	–
Соль-Илецкий район:							
1. Серп и молот	28	29	5	24	15	12	26
2. Фриденталь	24	50	–	34	24	20	40
3. Ащebutак	32	40	4	30	24	20	47
4. К. Либкнехта	49	46	5	47	25	25	45

* - нет сведений

Из Челябинской области по постановлению от 7 октября 1942 г. мобилизованы были 450 немцев, из них 250 направлены на станцию Орск и еще 200 на станцию Сергиево-Уфалейская. Из Башкирской

АССР были мобилизованы 475 немцев, которые все были направлены в Орск¹⁸.

Основная масса мобилизованных прибыла на территорию Южного Урала из других регионов страны. В соответствии с планом распределения рабочей силы по постановлению от 7 октября 1942 г. на предприятия, расположенные на территории Южного Урала были направлены: в распоряжение треста «Бугурусланнефть» из Красноярского края – 3000 немцев-мужчин в возрасте от 15-16 и от 51-55 лет, а также женщины в возрасте от 16 до 45 лет; в распоряжение треста «Ишимбайнефть» - 6000 человек, из них, как уже отмечалось, 1500 немцев из Чкаловской области и 4500 из Алтайского края; в распоряжение треста «Башнефтеразведка» были направлены 2000 немцев из Красноярского края; на Ишимбаевский машиностроительный завод им. Сталина были направлены 150 человек из Казахской ССР; на строительство Орского нефтезавода были направлены 1300 человек, из них, помимо 475 немцев из Башкирской АССР и 250 немцев из Челябинской области, на завод были направлены 225 человек из Свердловской, 150 из Куйбышевской, 100 из Молотовской, 100 из Тамбовской областей¹⁹. На Челябинский завод № 14 были направлены 400 немцев, переведенные туда из г.Гурьева Казахской ССР. Также из Казахстана 1500 немцев были переданы в распоряжение Бугурусланского газстроя и еще 1000 человек на Ишимбаевский газзавод. На лесозаготовки в Чкаловскую область были направлены 100 немцев из Тамбовской области и в Челябинскую область были направлены еще 150 человек²⁰. В феврале 1942 г. на стройплощадку будущего Челябинского металлургического комбината прибыло более 25 тысяч трудмобилизованных немцев. В распоряжение НКПС на строительство железной дороги Магнитогорск – Сара планировалось направить 5000 немцев из Казахстана и еще 2000 человек на строительство дороги Орск – Кандагач.

В Челябинской области мобилизованные немцы содержались в Челябинске, состоявшем из 16 стройотрядов и 5 отдельных колонн. На основной стройплощадке у поселка Першино (на окраине Челябинска) размещались стройотряды №№ 1, 13, 15, 16. Штрафной стройотряд № 13 располагался в Верхнем Уфалее. На станции Сатка находилась отдельная колонна № 4, а на станции Единовер – отдельная колонна № 1. У поселка Сулея (в районе Кыштыма) работала отдельная колонна № 5. Стройотряды № 4 и № 12 располагались соответственно в Потанино и Коркино. Остальные трудармейцы располагались в

районах населенных пунктов Багаряк, Каштак, Тургояк, Баландино, Нижнеуельский, Катав-Ивановск и Копейск. Стройотряд № 11 и колонна № 2 были командированы в г. Тавда Свердловской области.

В состав комбината «Челябуголь» входили тресты, включающие все шахты Челябинска, Копейска, Коркино, Еманжелинска, Бреда. Только в составе треста «Коркинуголь» в 1942 г. трудилось 3 160 немцев, а в 1943 г. их численность составляла уже 3 800 человек (3 300 мужчин и 500 женщин). На «Коркиншахстрое» в 1942 г. работало 900 немцев (в 1943 г. их численность увеличилась до 1080 мужчин и 580 женщин)²¹. В начале 1942 г. на предприятия треста «Челябуголь» были направлены 4000 немцев-мужчин из Новосибирской области. В декабре 1942 г. на станцию Еманжелинская в распоряжение «Челябшахтстроя» прибыли 5500 немцев из Казахстана, Таджикистана и Туркмении²². По приказу народного комиссара угольной промышленности СССР от 6 января 1943 г. в составе объединения «Челябуголь», как и в составе других комбинатов, образовывались управления и отделы по управлению спецотрядами из мобилизованных немцев²³.

Рабочие колонны немцев размещались также на территории исправительно-трудового лагеря «Бакалстрой», на ст. Бакал. План распределения мобилизованных немцев, подготовленный НКВД в январе 1942 г. предусматривал отправку для строительства Бакальского металлургического завода 30 000 человек из Казахской ССР. Эта же цифра закреплялась и в Приказе наркома внутренних дел СССР Л. Берия от 12 января 1942 г. «Об организации отрядов мобилизованных немцев при лагерях НКВД СССР». В марте на Бакалстрой были направлены 11 722 немца, мобилизованных согласно постановлению ГКО от 10 января 1942 г. Еще 14 752 человека отправились на строительство Бакальского комбината в апреле 1942 г. в соответствии с постановлением ГКО от 14 февраля 1942 г. Всего же на «Бакалстрое» в 1942 г. трудилось 26 470 немцев, а к концу 1942 г. численность трудмобилизованных в лагере Челябметалургстроя составляла уже 27 703 человека. На 1 января 1944 г. на строительстве работало 20 648 немцев, а к концу года их численность снова несколько увеличилась, составив 22 509 трудмобилизованных. На строительстве Челябметалургстроя НКВД немцы составляли 59,8 % от общей численности рабочих. Исследователь истории трудармии на Урале Г. Маламуд отмечает, в частности, что это был самый многочисленный контингент «мобилизованных немцев», от общего количества занятой рабочей силы на предприятиях²⁴.

В Башкирии контингент «мобилизованных немцев» был менее значителен. Основная их часть дислоцировалась в районах городов Ишимбай, Куганак, Стерлитамак, Туймазы и Уфа. К началу 1944 г. численность трудармейцев в Башкирской АССР составляла 5543 человек. В Чкаловской области трудмобилизованные немцы размещались в Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке и Домбаровке. Всего в ноябре-декабре 1942 г. в Чкаловскую область только на различные объекты Главнефтестроя прибыло 12 630 немцев. В г. Орск, на строительство № 2 ГНС были направлены 2 801 человек, в г. Бугуруслан, на строительство «Азнефтегазстроя» направлены 4 200 человек, и также 5 440 немцев трудились на строительстве «Бугурусланнефти». На строительстве «Чкаловуголь» в г. Соль-Илецке и Домбаровке первоначально были размещены 189 трудармейцев. В 1942–43 гг. на комбинате «Чкаловуголь» было задействовано 200 немцев-мужчин и 190 немки. По данным на 1 января 1944 г. численность контингента на специальных зонах при промышленных предприятиях в Чкаловской области составляла 4 743 человека.

Основную массу мобилизованных по постановлению от 7 октября 1942 г. составляли женщины-немки, которые были распределены по предприятиям нефтяной промышленности. В состав Башкирского нефтекомбината входили тресты «Уфимнефтезаводстрой», «Туймазынефть», «Башнефтегазстрой», «Ишимбайнефть», «Башнефтегазстрой», «Башнефтеразведка», Управление «Баштехснабнефть», завод № 417 и Уфимский нефтеперегонный завод. К январю 1943 г. численность мобилизованных немцев на этих предприятиях составила 5000 человек. Кроме того, немцы трудились на Благовещенском и Ишимбаевском машиностроительных заводах Наркомнефти, а также на строительстве Ишимбаевского газолинового завода Наркомнефти, которое осуществлялось трестом «Главнефтестрой».

В Чкаловской области дислоцировались подразделения трестов «Бугурусланнефть» и «Азнефтегазстрой». По данным на январь 1943 г. в составе треста «Бугурусланнефть» трудились 5628 мобилизованных немцев. Еще 3500 немцев были приписаны к Орской конторе «Главнефтестроя». В челябинской конторе «Главнефтестроя» работали 500 трудармейцев.

Менее значительным было использование мобилизованных немцев на предприятиях Наркомата вооружения. Здесь они использовались исключительно в качестве вспомогательной рабочей силы. По данным на май 1944 г. в Чкаловской области на заводах № 257 и 322

работали 308 немцев. В Челябинской области в этот же период на заводах Наркомвооружения трудились 1307 мобилизованных немцев (завод № 62 – 350 человек; № 78 – 515; № 259 – 198; № 613 – 244 трудармейцев).

Трудмобилизованные немцы использовались и в других отраслях промышленности: на предприятиях наркоматов черной металлургии, строительства, химической промышленности, электропромышленности и др.

После завершения работ на тех или иных объектах мобилизованных переводили на следующие участки работы и поэтому достаточно трудно проследить все перемещения и точно определить численность мобилизованных немцев на территории Южного Урала. Вот лишь некоторые примеры подобного рода перемещений. 19 августа 1943 г. из г. Ишимбай в г. Орск на строительство импортного нефтеперерабатывающего завода была переведена в полном составе Ишимбайская монтажная контора, в составе которой трудились 150 немцев. Туда же, в г. Орск, были переброшены в ноябре 1943 г. 70 мобилизованных немцев из Краснокамска Молотовской области. В декабре 1943 г. 1000 трудармейцев были переведены из Куйбышевской области в Башкирскую АССР в подчинение Башнефтекомбината. В этом же месяце было принято решение о передаче 600 немцев, работающих на строительстве Бугурусланнефть в подчинение Краснокамской лесоконторы, расположенной в Молотовской области, а также переводе из подчинения НКПС для работы на Челябинском угольном бассейне 8300 немцев, при этом Южно-Уральская железная дорога передала 2221 трудармейца и Оренбургская железная дорога еще 1981 человека. Также в декабре 1943 г. из подчинения Уфимнефтезаводстроя были переданы 200 трудармейцам Уфимской лесоконторе треста «Нефестройматериалы»²⁵.

В марте 1944 г. из г. Бугуруслана были отправлены 599 трудармейцев на предприятия нефтяной промышленности Красноводской области Туркменской ССР. Туда же по линии «Центроспецстроя» в апреле 1944 г. были направлены еще 220 немцев из г. Челябинска²⁶.

К ноябрю 1944 года на предприятиях в Башкирской АССР насчитывалось 4705 мобилизованных немцев, из них 444 мужчин и остальные женщины-немки. На предприятиях Башнефестроя трудились 1904 немца (112 мужчин и 1792 женщины). В г. Ишимбае, на предприятиях Ишимбайнефти и Ишимбайгаза работало 1118 мобилизованных немцев (84 мужчин и 1034 женщин). В г. Стерлитамаке, в распоряжении треста Башнефтеразведка находились 415 немцев (59

мужчин и 356 женщин). На Уфимском заводе № 417 трудились 263 немца (113 мужчин и 150 женщин). Здесь же в Уфе, на кирпичном заводе работали еще 186 немцев²⁷. Мобилизованные чаще всего выполняли подсобные работы по погрузке и разгрузке, лесоразработкам.

По данным на 1 июля 1945 г. о количестве мобилизованных немцев – спецпереселенцев в Чкаловской области были мобилизованы и использовались на работах 6879 человек, в Челябинской – 12323 человека и в Башкирской АССР – 4484 человека²⁸.

Режим содержания мобилизованных немцев в лагерях НКВД первоначально ничем не отличался от режима содержания заключенных. Схожим были и условия содержания трудармейцев, причисленных к другим наркоматам. На предприятиях Наркомугля, Наркомнефти и в других отраслях режим содержания немцев регламентировался специальными инструкциями, которые разрабатывались этими наркоматами и согласовывались в НКВД. Зоны, в которых содержались мобилизованные в трудармию немцы, должны были иметь ограждения по нормам ГУЛАГа, и охраняться отрядами ВОХР. Выход на работу мог осуществляться без конвоя, но только в установленное время и под командой начальников колонн.

Руководство предприятий, советские и партийные органы, чаще всего были не готовы к приему такого количества рабочей силы и не сумели создать необходимые жилищно-бытовые условия для прибывших трудармейцев. Бараки и землянки, в которых размещали мобилизованных, были абсолютно непригодны для жилья, но и их не хватало и часть трудармейцев была размещена по колхозам и нефтепромыслам.

В Бугуруслане отдельные бараки не имели крыш, а имеющие таковые сильно протекали. При этом вместо расчетных 200 человек на барак, в них размещалось по 400 человек. Большая скученность людей и антисанитария, приводили к возникновению болезней. Повсеместно была распространена сильная вшивость, в Бугуруслане уже в декабре 1942 г. было зарегистрировано 40 случаев заболеваний сыпным тифом, в январе 1943 г. было госпитализировано 147 больных²⁹, немало было больных чесоткой и воспалением легких, а также другими болезнями. Бани в местах поселения отсутствовали, а городские бани были не в состоянии принять такое огромное количество людей. Не хватало дров и воды. Не было также и прачечных, а дизкамеры не были рассчитаны на такой объем работы. В землянках не было ни нар, ни матрацев и людям приходилось спать на земле. Одежду трудармейцам не выдавали, и они трудились в том, в чем были мобилизова-

ны. В результате одежда очень быстро изнашивалась и изорвалась. По воспоминаниям бывшей трудармейки, жительницы с. Кубанка Анны Генриховны Дербеновой, которая была направлена на работы в г. Орск, первоначально женщинам пришлось шить одежду из мешков, в которых американцы присылали уголь, а позднее стали получать вещи, присланные из Америки в виде гуманитарной помощи³⁰.

Но самые большие трудности и лишения для трудармейцев были связаны с питанием. В Бугуруслане, где на строительствах Главнеф-тестроя находилось 9640 немцев, абсолютно не было воды, и рабочие вынуждены были топить воду из снега. Еще одна бывшая трудармейка – Берта Зеель, в 15-ти летнем возрасте попавшая на работу в трест «Азнефтегазстрой» в г. Бугуруслане, вспоминала, что от лома, кирки и лопаты руки у женщин покрывались кровавыми волдырями и превращались в грубый мозолистый нарост. При скудном питании не хватало сил выполнять тяжелую физическую работу, и женщины постепенно превращались в «ходячие скелеты»³¹.

В г. Орске для трудармейцев имелись всего 2 столовых, которые были в состоянии пропустить около 50% рабочих. Остальные же просто не имели возможности питаться горячей пищей и рабочие шли трудиться голодными. Из-за отсутствия собственной пекарни рабочим выдавали только по 300 граммов хлеба, остальная же часть выдавалась тестом и рабочие вынуждены были сами печь хлеб у себя в бараках. В Бугуруслане же и того хуже, трудармейцы не получали хлеба порою по 3 – 5 суток.

Все это самым негативным образом сказывалось на здоровье рабочих и производительности их труда. Около половины мобилизованных в первые дни не вышли на работы. Производственные планы не выполнялись. В некоторых бригадах выполнение заданий составляло 20-30% от нормы. В первые же месяцы со строительства «Азнефтестрой» в Бугуруслане дезертировали четыре человека.

Для изжития этих недостатков местным органам власти, а также администрациям строительства со стороны УНКВД по Чкаловской области последовало предписание о необходимости принятия срочных мер по исправлению этих вопиющих нарушений. Из состава сотрудников облздрава и горздрава г. Бугуруслана была создана противоэпидемиологическая комиссия в составе 7 человек, которая производила проверку жилищно-бытовых условий у мобилизованных. Больные тифом были в срочном порядке госпитализированы в эпидемиологический госпиталь, во временно открытые стационары и эвакуогос-

питаль № 3816. По линии облздравотдела в декабре 1942 г. в Бугуруслан была направлена бригада врачей из 3 человек и вагон медикаментов. Параллельно начался процесс строительства дополнительных помещений, как барачков, так и землянок. В районах поселения трудармейцев строились бани, прачечные. Столовые расширялись с тем, чтобы иметь возможность накормить весь контингент трудармейцев. Быстрому завершению этих работ мешала нехватка пиломатериалов.

Руководство УНКВД по Чкаловской области, перечисляя эти факты «вопиющих безобразий» в своей докладной записке о трудовом устройстве мобилизованных немцев от 6 января 1943 г. жаловалось на то, что такое ненормальное положение с жилищно-бытовыми условиями у мобилизованных негативно отразилось и на работе оперативных групп, которые вместо того, чтобы заниматься агентурной работой, вынуждены были решать вопросы с размещением и устройством трудармейцев³².

В Башкирскую АССР, в соответствии с приказом НКВД от 23 ноября 1942 г. должны были прибыть 6500 немцев, которых планировалось разместить на работу в системе нефтяной промышленности. К концу года в Башкирию прибыли 6033 человека, причем только женщины-немки. Они были распределены следующим образом: на «Уфимнефтезаводстрой» направлены 1690 человек; на Уфимский нефтеперегонный завод № 417 – 200 человек; на «Ишимбайнефть» – 990 человек; на «Башнефтьстрой» – 1002 человека; на «Башнефтегазстрой» – 592 человека; на «Туймазанефть» – 1059 человек; в распоряжение Треста нефтеразведки в г. Стерлитамак – 500 человек. Позже на Уфимский кирпичный завод № 1 были направлены еще 172 трудармейца.

Указанные предприятия опять же оказались не готовы принять такое количество трудармейцев. Инструкции по организации режима, быта и трудового использования мобилизованных немцев поступила с большим опозданием, поэтому первоначально не были даже назначены начальники отрядов, начальники ВОХР, отсутствовала охрана, как на производстве, так и в бараках. По сути дела эти обязанности исполняли вольнонаемные бригадиры и десятники. Бараки, отведенные мобилизованным немцам не были подготовлены. Постельных принадлежностей не доставало, специальных столовых не было и работницы питались вместе с вольнонаемными рабочими.

На стройучастках Карлы («Ишимбайнефть») и Старо-Туймазы («Туймазынефть») барачков не было вообще и немцев расселяли по 2-3 человека по частным квартирам у колхозников.

Большая скученность и антисанитария стали причиной появления болезней. В первые же месяцы были зарегистрированы шесть случаев заболевания сыпным тифом.

Специальные планы по использованию поступившей рабочей силы предприятиями к моменту поступления мобилизованных немцев разработаны не были, и поэтому первоначально работницы использовались на работах не полностью, нормы выработки были четко не определены. К этому следует добавить, что среди мобилизованных немцев имелись и беременные, и прибывшие с малолетними детьми, и совершенно непригодные к работе по состоянию здоровья. Эти категории немцев на работах не использовались.

По производственному признаку из мобилизованных немцев были составлены пять отрядов, которые в свою очередь делились на трудовые колонны по 200 – 300 человек.

В результате тяжелых условий, в которых оказались мобилизованные, только в Башкирии в период с декабря 1942 по октябрь 1943 года уменьшение числа работниц в системе Наркомнефти составило 817 человек, из них умерло 154 человека, осуждено 382 работницы и демобилизованы по состоянию здоровья 281 работница. Еще 382 работницы были отправлены на стройки, расположенные в других областях СССР.

Женщины-немки из с.Луговск в трудармии (г.Орск, 2 мая 1944 г.)

Жители с. Богомазово в трудармии (г.Орск, 2 мая 1944 г.)

В Челябинской области мобилизованные немцы, как уже отмечалось, трудились на шахтах Копейска, Коркино, Еманжелинска, а также на строительстве металлургического завода в г. Челябинске и агломерационного комбината в Бакале³³. Угольный бассейн Челябинской области во время войны занимал одно из ведущих мест по объему добычи каменного угля. В 1943 г. здесь было добыто больше угля, чем в предвоенном 1940 г.

Как и везде, мобилизованные жили в специальных зонах, огражденных забором и колючей проволокой. Вот как описывает место, в котором предстояло жить трудармейцам автор повести «Батырский разрез» М.Я. Нейфельд, мобилизованный в годы войны из Чкаловской области и трудившийся на Батурином угольном разрезе в г. Коркино Челябинской области: «Баракы – длинные полуподвальные помещения – землянки. Козырьки глинобитных крыш возвышались над землей настолько, чтобы с одной стороны бараков соорудить узенькие окна-щели, по одному для каждого жилого отсека, для обеспечения минимального освещения. В каждом жилом отсеке площадью 2,5 на 3 метра, на двухъярусных нарах размещались 10 человек. Перед нарами, рядом с дверью, в каждом отсеке была плита для отопления, для сушки одежды и приготовления из собственных продуктов пищи»³⁴.

*Немки из с.Кубанка (Чкаловская обл.) в трудовармии
(Коркино, Челябинская обл.)*

*Немки из с.Кубанка (Чкаловская обл.) в трудовармии
(Коркино, Челябинская обл.)*

На работу и с работы они ходили колоннами, под охраной. В бараках невероятная теснота и скученность, двух-трехэтажные нары. В помещениях спецзоны треста Богословуголь, где размещались 4300 трудовармейцев на человека приходилось 1,3 кв. м. Лишь единицы имели постельные принадлежности. Помещения не отапливались. Положение с питанием и медицинским обслуживанием было просто катастрофическим. Все это приводило к

снижению работоспособности, нарушениям трудовой дисциплины.

Далеко не везде к моменту прибытия трудмобилизованных должным образом были обустроены сами зоны содержания. В приказе начальника управления Бакалстроя НКВД СССР А.Н. Комаровского от 1 апреля 1942 г. отмечалось, что зоны лагерных подразделений не оборудованы «... что затрудняет охрану и способствует совершению побегов»³⁵. Всем начальникам стройуправлений в срочном порядке предписывалось закончить полное оборудование зон с устройством вышек и освещения в соответствии с требованиями устава караульно-конвойной службы ВОХР ГУЛАГа.

Но эти требования исполнялись с большим трудом. Осенью 1943 г. НКВД СССР было проведено обследование условий размещения, режима и трудового использования трудармейцев на предприятиях Челябинской области. В результате были обнаружены значительные нарушения. Почти повсеместно отсутствовали зоны, многие трудармейцы были расселены по частным квартирам³⁶. Мобилизованные немцы без ведома органов НКВД перебрасывались с одного предприятия на другое. Были выявлены случаи предоставления немцам отпусков и увольнительных. Кроме того, немцы использовались на административно-хозяйственной работе. Отсутствие нормальных бытовых условий и не выполнение инструкций по содержанию немцев приводило, по мнению руководства НКВД области, к «значительному дезертирству» и создавало условия «для активной антисоветской работы профашистских элементов из среды мобилизованных»³⁷.

Направленные весной 1942 г. в лагерь Бакалстроя мобилизованные немцы были размещены в землянках. Проверка санитарного состояния бараков выявила нарушения элементарных санитарных и бытовых норм: большую скученность трудармейцев, сырость помещений, завшивленность, отсутствие вентиляции, деревянных полов и кипяченой воды. Не хватало одежды и обуви, что часто приводило к обморожениям. При этом начальником Челябметаллургстроя Комаровским было запрещено разжигать на производстве костры и проносить в зону лагеря дровяные отходы³⁸. Челябинское областное управление НКВД в ходе проверки режима содержания мобилизованных немцев на предприятиях Челябинского угольного бассейна, констатировало вопиющие нарушения элементарных бытовых условий содержания: нормы жилой площади в бараках не соблюдаются, в самих

бараках теснота и грязь, территории зон залиты нечистотами, а уборные переполнены и никем не очищаются. Медицинское обслуживание трудармейцев было организовано крайне неудовлетворительно: стационары не обеспечены бельем, здоровые люди размещаются в одних помещениях с больными туберкулезом легких и трахомой. В зонах отсутствовали бани и дезинфекционные камеры³⁹. В докладной записке управления НКВД приводился пример зоны, в которой содержались немцы, работающие на шахтах № 4-6 треста «Челябуголь», где в течение двух лет мобилизованные спали на полу и не меняли постельное белье. Вопиющая антисанитария в зонах содержания мобилизованных немцев приводила к возникновению эпидемий тифа⁴⁰.

Невыносимо тяжелые условия жизни и работы трудармейцев хорошо иллюстрируются воспоминаниями самих участников этих событий. В повести М.Я. Нейфельда описывается типичный распорядок дня немцев, работающих на угольном разрезе в Челябинской области. Подъем в 5 часов утра. Завтрак и получение пайки хлеба, которая выдается на весь день. После этого бригады выстраивались в колонны и в сопровождении конвоя направлялись на железнодорожную станцию, где их уже ждал рабочий поезд. К 8 часам утра поезд прибывал к угольному разрезу. После двенадцатичасового рабочего дня трудармейцы снова отправлялись на станцию. Рабочий поезд зачастую часами простаивал на разъездах, пропуская эшелоны идущие на фронт. Долгие часы ожидания заполнялись пением русских и немецких народных песен. В столовую в зоне попадали только к 12 часам ночи, но бывали случаи, когда поезд задерживался и, прибыв в зону к утру, трудармейцы, спешно позавтракав, снова отправлялись на разрез. Выполнявших тяжелую физическую работу мужчин в столовой ожидали «... жиденские щи, с мелкими кусочками капусты, которые не перегружали желудок, ... после такого ужина аппетит только разгорался»⁴¹. Пайки и приварка для взрослого мужчины на долгий трудовой день явно не хватало. В повести упоминается о том, что многие трудармейцы бродили по зоне как тени, рылись в мусорных ямах при столовой в поисках съестного.

В бараках было холодно и рабочие пытались пронести захваченные из разреза кусочки угля, чтобы отопить помещение и высушить одежду. Но конвоиры при возвращении их тщательно проверяли и уголь отнимали. Рабочих, которые не выполнили свою дневную норму могли оставить работать на вторую смену. В противном случае пайки срезались и у людей практически не оставалось шансов выжить.

Порою единственной поддержкой были редкие посылки с продуктами из дома от жен и матерей. Сильнейшим ударом для трудармейцев стало сообщение о мобилизации осенью 1942 г. женщин-немок.

Официальное применение в «зонах» получила выработанная еще в 1930-е годы система дифференцированного питания в зависимости от процента выполнения производственных заданий – так называемая «котловка». В соответствии с дифференцированными нормами питания были разработаны четыре вида пайка. По норме №1, предусматривающей выделение 500 г. хлеба в день, получали довольствие трудмобилизованные, вырабатывающие на основных работах до 80 % производственных норм (на вспомогательных работах – до 99 %). Для получения питания по норме № 2 необходимо было выработать на основных работах от 80 до 90 % от установленной нормы (или от 99 до 125 % на вспомогательных работах). Эта норма предусматривала уже 600 г. хлеба на человека в день. По норме № 3, предусматривающей выдачу 700 г. хлеба, питались рабочие, выполняющие от 100 до 125 % от нормы (на вспомогательных работах – от 125 % и выше). Трудармейцы, вырабатывающие на основных работах более 125 %, получали 800 г. хлеба. Рабочие, освобожденные от работ по болезни, питались по норме № 4, составляющей 550 г. хлеба. Те же, кто по объективным причинам не смог выработать и 50 % нормы получал всего 400 г. хлеба (на вспомогательных работах – 300 г., т.е. столько же, сколько и отказывающиеся от работы и штрафники). Эти нормы питания не были стабильны и постоянно усовершенствовались. В октябре 1945 г. были введены шесть градаций выдачи пайкового хлеба (от 450 до 950 г.)⁴².

Помимо «котловки» роль реального материального стимула для трудармейцев должна была выполнять заработная плата. Так, например, уже в феврале 1942 г. на «Бакалстрое» была введена единая тарифная сетка для вольнонаемных рабочих и «спецконтингента», предусматривающая начисление заработной платы в зависимости от квалификации рабочих, а также коэффициенты сдельной и повременной оплаты для строителей и металлистов. Однако уже в марте 1942 г. эти нормативы были пересмотрены и для трудармейцев был введен коэффициент 0,77 % к расценкам труда вольнонаемных рабочих. При этом зарплата начислялась только при выполнении не менее 100 % нормы и только тем, кто не имел особых замечаний по работе и по дисциплине. Деньги выдавалась на руки, или перечислялись на счет, за вычетом сумм, удержанных за питание, коммунально-бытовые услуги, обязательных платежей, за износ обмундирования. Кроме того,

Из зарплаты регулярно отчислялись средства в фонд государственного займа.

В воспоминаниях Г. Витлифа, работавшего на строительстве Челябинского металлургического комбината НКВД есть такие строки: «Норма выработки мерзлого грунта на одного человека за рабочий день – 1,25 кубометра. В случае невыполнения нормы человек переводился на 400 граммов хлеба. Жиров на человека полагалось 5 граммов, и то их никто не получал. Не выполнивших норму ждала медленная голодная смерть. Если человека обвинят в том, что он, якобы, не хочет работать, - его случалось, без суда и следствия расстреливали. ... Люди умирали и физически уничтожались в большом количестве. Вначале, чтобы их захоронить, трудармейцы сами рыли вручную траншею, но потом смертность от голода и пуль увеличилась настолько, что вынуждены были рыть траншею экскаватором...»⁴³. Дополняют эти сведения воспоминания еще одного ветерана-трудармейца, участника строительства Челябинского металлургического комбината Ф. Шнайдера: «Трудармейцев запрещали хоронить на городских кладбищах. Их увозили в лес и там закапывали... . Редко ночь проходила, чтобы кого-нибудь не арестовали... за саботаж и вредительство. Люди исчезали бесследно»⁴⁴.

В результате, именно тяжелое бытовое и санитарное положение трудармейцев служили основными причинами их частых побегов. Только за период с мая по октябрь 1942 г. на объектах Челябметаллургстроя было совершено 17 побегов, в том числе и коллективных. Все они закончились задержанием «дезертиров». Дело в том, что в соответствии с директивой НКВД и Прокуратуры СССР от 2 мая 1942 г., «саботаж и дезертирство» приравнивались к политическим преступлениям и квалифицировались по п.п. 6 и 14 ст. 58 Уголовного Кодекса. Только на Челябметаллургстрое в 1942 г. по этим статьям были приговорены к расстрелу 309 трудармейцев, и еще 230 человека – к различным срокам заключения⁴⁵. Приказом начальника управления Бакалстроя А.Н. Комаровского от 15 мая 1942 г. за совершение побега были преданы суду семеро мобилизованных немцев: П.Я. Гейндебрехт, Д.К. Пеннер, В.А. Циборнус, А.К. Фергерт, Ф.Ф. Адам, Г.А. Николаус и А.И. Деханд⁴⁶.

Вопросы материально-бытовых условий существования мобилизованных немцев обсуждались на заседаниях бюро Губахинского, Коркинского и Копейского партийных комитетов. Так, по решению Коркинского горкома в спецзоне Коркиншахтстроя в 1943 г. был прове-

ден месячник по улучшению быта и благоустройству. В феврале 1943 г., после проверки социально-бытового положения мобилизованных немцев, Копейский горком ВКП(б) высказал свое осуждение существующей практики их трудового использования. В частности, бюро горкома констатировало отсутствие медицинской помощи, имеющиеся случаи издевательства над немцами, отсутствие отопления в бараках, что приводило к случаям обморожения и смерти среди мобилизованных. Было установлено, что забойные группы используются кроме своей основной работы, еще и на дополнительных работах на поверхности. Все это, по мнению губкома, приводило к тому, что производительность труда мобилизованных немцев составляла всего 60-70 %⁴⁷. После случая избиения больных немцев, не могущих выйти на работу на шахте 1-23, Копейский горком потребовал от управляющих трестами Копейскуголь и Челябинуголь принятия действенных мер по наведению порядка⁴⁸.

Работа в шахтах требовала определенных специальных навыков и знаний, чего у мобилизованных немцев не было. В результате 75% трудармейцев, работающих забойщиками и навалоотбойщиками в тресте Копейскуголь не выполняли положенные нормы выработки. В феврале 1943 г. Копейский и Коркинский горкомы партии, рассматривая причины невыполнения плана за январь 1943 года, указывали на необходимость организации производственного обучения трудармейцев путем индивидуального и бригадного обучения.

В ноябре 1943 г. Челябинским управлением НКВД было проведено комплексное обследование жилищно-бытовых условий и трудового использования мобилизованных немцев на предприятиях области. В результате проверки было выявлено, что на большинстве предприятий немцы размещены в случайно приспособленных бараках, землянках или совместно с вольнонаемными рабочими, в общежитиях скученность и антисанитария, значительное число мобилизованных не обеспечены постельными принадлежностями, спят на двухъярусных сплошных нарах (трест № 22), одеждой и обувью не снабжаются. На заводах № 78, «Калибр», № 62 и некоторых других предприятиях бараки и землянки, в которых размещались мобилизованные немцы, забором или колючей проволокой так и не были ограждены, охрана и внутренний распорядок также не были организованы. По результатам обследования заместителем начальника УНКВД Челябинской области Буторовым был издан приказ, предписывающий начальникам горрайаппаратов НКВД обеспечить выполнение предприятиями

инструкций по трудовому использованию и созданию бытовых условий для мобилизованных немцев. Кроме того, в приказе особо подчеркивалась недопустимость использования немцев без санкции УНКВД на административно-хозяйственной работе⁴⁹.

Традиционно большое внимание уделялось проведению пропагандистской работы среди мобилизованных немцев. Трудармейцам читались лекции о текущем моменте и на многие другие темы. Использовался также такой метод морального поощрения особо отличившихся стройотрядов, как присуждение переходящего Красного знамени. Именно такое поощрение заслужили стройотряды Челябинского металлургского завода, производительность труда которых в октябре-ноябре 1942 г. составила более 160 %⁵⁰. Особо следует отметить использование в целях повышения производительности различных форм соревнования и фабрикацию с помощью создания особых условий лидеров труда – стахановцев. Так в июне 1942 г. на Челябинском металлургском заводе велась активная пропагандистская кампания, в центре которой находился стахановец С.Г. Вернер, выполнивший норму на 1020 %. Поддержали этот почин еще восемь трудармейцев, специально отобранных руководством предприятия, которые значительно перевыполнили установленные нормы (П.Д. Мазлер, Я.Ф. Ресслер, Н.В. Николаев, А.Г. Бош, И.И. Кошпер, И.И. Ланг, Я.Г. Юстце, Ф.Р. Шмидт)⁵¹.

Поощрялось и развитие среди трудмобилизованных рационализаторства и изобретательства. Только за 1944 г. на Челябинском металлургском заводе рационализаторами было сэкономлено 4 млн. 800 тыс. рублей и значительное количество материалов. В приказе заместителя начальника Челябинского металлургского завода Уральца о поощрении активных рационализаторов из числа трудмобилизованных от 10 января 1945 г. среди награжденных значатся: главный механик РМЗ Э.Р. Дегеринг, конструктор РМЗ А.А. Центнер, старший инженер ПТО СУ № 6 Зевиц, начальник электронадзора Г.К. Ваксман, старший инженер управления ЧМС В.Н. Ретлинг, старший инженер А.И. Познер, старший инженер БРИЗа А.Г. Книсс, мастер депо ОЖДП Остер-Миллер и многие другие⁵².

Достаточно много среди мобилизованных немцев было коммунистов и комсомольцев, которые, несмотря на ограничения своего правового положения, не лишались своего членства в рядах коммунистических организаций. Более того, именно их руководство зон зачастую рассматривало как свою опору среди трудармейцев. Коммунисты и комсомольцы использовались в подразделениях «самоохраны»,

и помогали ВОХР охранять себя и своих товарищей. В случае возникновения «провокационных слухов», они должны были своевременно сигнализировать руководству. Однако, совершенно очевидно, что подобные проявления доверия к партийцам носили исключительно корыстный и формальный характер. Вступление в ряды партии и комсомола новых членов – немцев, было фактически запрещено. Более того, постепенно шел процесс сокращения численности немцев в рядах партии. К апрелю 1943 г. только на Челябинском металлургском заводе было исключено из рядов ВКП(б) 74 человека (из них 23 кандидата).

Лояльность мобилизованных в трудовую армию немцев изначально вызывала сомнения у лагерного руководства. Одной из основных своих задач оно видела установление жесткого контроля за настроениями своих подопечных. Активную работу по выявлению «внутреннего врага» развернули оперативно-чекистские отделы лагерей ГУЛАГа и спецкомендатур, которые опирались на достаточно разветвленную сеть осведомителей. Причем вербовка осведомителей началась на местах их бывшего спецпоселения, еще до проведения мобилизации. Как следует из докладной записки по обслуживанию мобилизованных немцев, составленной руководством НКВД Башкирской АССР на имя начальника 2-го управления НКВД СССР тов. Федотова, в числе прибывших в 1942 г. на предприятия системы Наркомнефти Башкирии немцев имелось 30 осведомителей, из которых была восстановлена связь и вновь завербовано органами НКВД 26 человек. Через своих осведомителей оперуполномоченные, работающие с мобилизованными следили за настроениями среди немцев. На основании агентурных материалов ряд лиц были заподозрены в неблагонадежности и взяты на оперативный учет⁵³. В Челябинской области к концу 1942 г. только в Копейске был создан агентурный аппарат, состоящий из 102 осведомителей и 6 резидентов, а на оперативный учет было взято 80 человек. В Коркино агентурный аппарат составлял 170 человек и 5 резидентов, а на учет было взято 46 мобилизованных немцев. В г. Челябинске среди агентов числились 24 осведомителя и 16 человек находились на оперативном учете⁵⁴.

В результате оперативно-чекистской деятельности в 1943 г. в тресте «Коркинуголь» была «обезврежена» немецкая повстанческая диверсионная организация, в составе 39 человек. В результате следствия было установлено, что основной целью организации является установление с помощью фашистской Германии государственного строя, признающего частную собственность на землю. Арестованные

обвинялись в намерении создания среди спецпереселенцев повстанческих групп с целью организации восстания и последующего роспуска колхозов. Группе немцев, работающих на Челябинметалургстрое в 1942 г. было предъявлено обвинение в подготовке акций, направленных на вывод из строя важнейших объектов строительства. Еще одна «повстанческая организация», в составе которой были арестованы 32 человека, была выявлена на Челябинметалургстрое в 1943 г. Арестованных немцев обвинили в подготовке вооруженного выступления и в шпионаже. Схожие дела были сфабрикованы и по трестам «Челябинскуголь» и «Копейскуголь»⁵⁵.

В этот период начинаются процессы массовой депортации народов, с территорий, освобожденных от фашистских захватчиков. В 1944 г., после освобождения от фашистов Крымской АССР над крымскими татарами нависла угроза принудительного выселения. В докладе И.В. Сталину, датированном 10 мая 1944 г. Л.П. Берия отмечал: «Учитывая предательские действия крымских татар против советского народа и, исходя из нежелательности дальнейшего проживания крымских татар на пограничной окраине Советского Союза, НКВД СССР вносит на Ваше рассмотрение проект решения ГКО о выселении всех татар с территории Крыма»⁵⁶. Этот проект И.В. Сталиным был подписан и все крымские татары были переведены в разряд «спецпоселенцев». После принятия постановлений ГКО от 2 апреля и 11 мая 1944 г. началось выселение крымских татар на территорию Узбекской ССР. Позднее, 21 мая 1944 г. ГКО было принято решение о дополнительном переселении крымских татар в Марийскую АССР, Горьковскую, Ивановскую, Костромскую, Молотовскую и Свердловскую области РСФСР. Таким образом, на территорию Южного Урала переселение крымских татар не осуществлялось. Однако жители региона могли быть свидетелями этих трагических для крымско-татарского народа событий, так как через эту территорию осуществлялась их перевозка к местам спецпоселения. Начальник управления НКВД по Чкаловской области Дмитренко в своем отчете на имя В.В. Чернышева сообщал о том, что за период с 23 мая по 4 июня через железнодорожную станцию Илецк проследовали 59 эшелонов общей численностью 3282 вагона, в которых размещались 163 632 человека. На самой станции было снято с эшелонов 4 человека больных и 14 умерших.

С территории Крыма в июне-июле 1944 г. были выселены также 15 040 греков. Часть из них была направлена первоначально в Башкирскую АССР (2927 человек, из них 1455 взрослых). А всего к 21

июля 1944 г., по свидетельству начальника Отдела спецпоселений НКВД Чкаловской области Дмитренко, в Башкирию из Крыма при-было 5727 греков, болгар и армян⁵⁷. Частым явлением среди переселенцев из Крыма было совершение побегов. Только за октябрь 1944 г. представителями этой категории «спецпоселенцев» было совершено 68 случаев побегов. Однако уже в ноябре, после того как была развернута разъяснительная работа, организованы «десятки» и введена круговая порука, количество побегов сократилось до 14⁵⁸.

Начиная с 1944 г. отмечается некоторое послабление режима содержания трудмобилизованных немцев. Отмечаются случаи бесконвойной работы за пределами ограждения зоны. Немцам стали чаще доверять ответственные работы, ставить их на руководящие должности. Уже в 1945 г. отдельным, особо отличившимся трудармейцам, в порядке поощрения, разрешалось жить за пределами зоны стройотряда и даже вызывать к себе семьи из спецссылки. Всего, по состоянию на 1 октября 1945 г., на Южном Урале числилось 23 503 мобилизованных немца, из них в Челябинской области – 12 249 человек, в Чкаловской – 6842 и в Башкирской АССР – 4412 немцев.

Надеждам трудармейцев на демобилизацию и возвращение домой после завершения войны не суждено было сбыться. Несмотря на некоторое смягчение режима содержания права на свободу передвижения немцы не получили. Перевод немцев-трудармейцев в январе 1946 г. на режим спецпереселения и создание в ноябре 1948 г. спецкомендатуры МВД практически лишило немцев возможности возвращения в родные места.

Примечания:

¹ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 120. Л.3, 103.

² ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л.5, 8. Из истории оренбургских немцев: Сборник документов. (1817 – 1974 гг.). – Оренбург; Москва: Готика, 2000. – С. 217 – 220.

³ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 176. Л. 7.

⁴ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы)/ Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. – М.: Готика, 1998. – С. 24-25.

⁵ Справка о количестве немецкого населения в районах Чкаловской области по переписи 1939 г.// Из истории оренбургских немцев: Сборник документов. (1817 – 1974 гг.). – Оренбург; Москва: Готика, 2000. – С. 215.

⁶ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы)/ Сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. – М.: Готика, 1998. – С. 61-62, 66-67.

⁷ Из истории оренбургских немцев: Сборник документов. (1817 – 1974 гг.). – Оренбург; Москва: Готика, 2000. – С. 221-224.

⁸ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 83. Л. 1 об.

⁹ Берген Яков. Кубанка и Клубниково (1895 – 1995). – Novelhof, 2004. – С. 84.

¹⁰ Судьбы поколений. Из воспоминаний М.Я. Нейфельда. – Оренбург: ИПК «Южный Урал», 1995. – С.58.

¹¹ Федорова А.В. «На работу в колонии НКВД»// Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: «ДИМУР», 1997. – С.20.

¹² Составлено по: ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 83. Л.1-1об.

¹³ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 5. Д. 122. Л. 11, 13, 38; Оп. 6. Д. 426. Л. 4, 16-25; Оп 7. Д. 540. Л. 76-79; Оп. 8. Д. 815. Л. 43-46.

¹⁴ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 13. Л. 33-34.

¹⁵ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 83. Л. 3.

¹⁶ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 83. Л. 3 об.

¹⁷ ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д.83. Л.2.

¹⁸ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. – С. 81.

¹⁹ Далеко не всегда постановления о направлении рабочей силы выполнялись в полном объеме и в сроки. Так руководство Орского нефтезавода отмечало, что к 25 ноября 1942 г. фактически прибыло: «из Челябинской области – 263 человека, Башкирской АССР – из 475, прибыло 285, Молотовской области – из 100 человек прибыло 10, Куйбышевской области – из 150 прибыло 147, Свердловской – из 225 не прибыл не один, Тамбовской – из 100 прибыло 92, Акмолинской – из 1700 и Казахской АССР – из 2000 никто не прибыл» (ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 6. Д. 383. Л. 57.)

²⁰ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. – С. 79-80.

²¹ Бахарева О.Я. Трудармия и Оренбургские трудармейцы в годы войны (1942-1946 гг.) // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. – Оренбург: «Оренбургская губерния», 2000. – С.82.

²² Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. Книга-хроника. – М.: Новый хронограф, 2005. – С. 288.

²³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. – С. 262.

²⁴ Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М.: «Звенья», 1999. – С. 130. Оренбургский исследователь О.Я. Бахарева приводит данные о том, что в течение 1943–44 гг. на Челябинском металлургском заводе трудились 42 150 немцев. (Бахарева О.Я. Указ. соч. С. 82)

²⁵ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. – С. 231, 246, 286.

²⁶ Там же. С. 304.

²⁷ Там же. С. 238.

²⁸ Там же. С. 100.

²⁹ Хисамутдинова Р.Р. Город Бугуруслан в годы Великой Отечественной войны// Оренбургский край в системе евразийских губерний и областей России. Всероссийская научно-практическая конференция. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2004. – С. 182.

³⁰ Герасименко Т.И., Нуждина Е.Ю. Немцы-меннониты Оренбургской области: культурный след в истории и географии. – Оренбург: ООО «Агентство «ПРЕССА», 2000. – С.14.

³¹ Вольгер Г.А. Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после нее (Свидетельства очевидцев). – М., 1998. – С. 107.

³² «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. – С. 222-225.

³³ Агарышев П.Г., Бибарсова Н.В. Патриотический труд советских немцев на предприятиях Урала в годы Великой Отечественной войны// Советские немцы: история и современность: Материалы Всесоюзной научно-практической конференции. – М.: ПМБ ИМЛ при ЦК КПСС, 1990. – С.187.

³⁴ Нейфельд М.Я. Батырский разрез (трудармейцы). Рукопись. – Л.14.

³⁵ ОГАЧО. Ф.Р-1619. Оп. 2. Д. 4. Л. 28-29; Неизвестная война. 1941-1945. Сборник документов. – Челябинск: «Иероглиф», 2000. – С. 40-41.

³⁶ Гончаров Г.А. «Трудармейцы» Челябинской области в годы Великой Отечественной войны // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области): Материалы науч-

но-практической конференции. – Челябинск: «ИП Данилов», 2003. – С.236.

³⁷ Приказ заместителя начальника управления НКВД по Челябинской области о результатах обследования жилищно-бытовых условий и трудового использования мобилизованных немцев на предприятиях области // Тогда была война... 1941-1945: Сборник документов и материалов / Под ред. А.П. Финадеева. – Челябинск: ЧПО «Книга», 2005. – С.44-45.

³⁸ ОГАЧО. Ф. 1619. Оп. 1. Д. 6. Л. 48; Д. 7. Л. 52.; Д. 9. Л. 172; Д. 10. Л. 155, 209; Д. 11. Л. 146.

³⁹ ОГАЧО. Ф.Р.288. Оп.8. Д.217. Л.1-2.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 288. Оп. 8. Д.303. Л. 17; Ф. 132. Оп 2. Д. 15. Л. 20-21.

⁴¹ Нейфельд М.Я. Батырский разрез (трудармейцы). Рукопись. – Л. 16.

⁴² ОГАЧО. Ф.1619. Оп. 1. Д. 30. Л. 103-107.

⁴³ Цит. по: Штульберг А.В. Некоторые вопросы участия немцев в трудовой армии в период 1941 – 1945 гг. // История немцев Центральной Азии. Материалы международной научной конференции. – Алматы: ТОО «Комплекс», 1998. – С. 127.

⁴⁴ Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов на фронтах Великой Отечественной войны. Книга-хроника. – М.: Новый хронограф, 2005. – С. 240.

⁴⁵ ОГАЧО. Ф.1619. Оп.1. Д. 6. Л.436; Д. 7. Л. 20-180; Д. 8. Л. 7-195.

⁴⁶ ОГАЧО. Ф.Р-1619. Оп. 1. Д. 7. Л. 188.

⁴⁷ Палецких Н.П. Социальная политика на Урале в период Отечественной войны. – Челябинск: ИО Челябинского агроинженерного университета, 1995. – С.22.

⁴⁸ Агарышев П.Г., Бибарсова Н.В. Указ. соч. – С. 200.

⁴⁹ ОГАЧО. Ф.Р-1075. Оп. 1. Д. 226. Л. 103-104.

⁵⁰ Маламуд Г. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. – М.: «Звенья», 1999. – С. 139.

⁵¹ Трус Л.С. Введение в лагерную экономику // ЭКО. – 1990. – № 6. – С.152.

⁵² ОГАЧО. Ф.Р-1619. Оп. 1. Д. 33. Л. 46-47.

⁵³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. – С. 237, 219-221.

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д.111. Л. 221-235.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 68. Л. 36-40.

⁵⁶ Цит. по: Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – С. 109.

⁵⁷ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – С. 147.

⁵⁸ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – С. 149.

НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Рядом с Оренбургом расположилось село Пригородное. Неординарная черта Пригородного заключается в том, что оно стало и местом – спецпоселения немцев – трудармейцев, депортированных их Германии. Весной 1946 года в совхозе УМВД находилось 105 семей, всего 291 человек¹.

Переселенных в совхоз немцев возвели в ранг спецпоселенцев – «узаконенных изгоев социалистического общества». Герхард Вольтер по этому поводу написал: «Всех и старых и малых.. И тех, кто только родился, и тех, кому еще предстояло появиться на свет. Образовался особый вид наследственности – от спецпоселенца мог родиться только спецпоселенец с несмываемым пятном государственного преступника»². Над спецпоселенцами учредили надзор МВД, что стало наказанием за несуществующую вину.

Заметим, что оренбургские немцы были выселены из крупных населенных пунктов еще в ноябре сорок первого года. Решением исполкома Чкаловского областного Совета от 12 ноября 1941 года (решение № 339) «лиц немецкой национальности» отправили из «промышленных городов» – Чкалова, Орска, Бузулука, Бугуруслана, Абдулино, Кувандыка, Соль – Илецка в сельскохозяйственные районы области в десятидневный срок³. Только 646 немцев выслали из Чкалова⁴.

Ведущие органы МВД – МГБ использовали свой механизм для социальной изоляции спецпоселенцев, «оставив за последними только одну, рабскую роль – занятие неквалифицированным физическим трудом». Немцы были лишены права занимать посты, связанные с подписью документов, быть награжденными орденами, медалями и грамотами, избираться в Советы, партийные, профсоюзные органы и даже в президиум собрания. Спецпоселенцев не принимали в партию и комсомол. Их фамилии запрещалось упоминать в печати.

Главным «опекуном» спецпоселенцев стало Управление НКВД Чкаловской области, в составе которого уже в августе 1941 года был создан отдел спецпоселений (ОСП). В фонде ОСП и сосредоточен основной массив документов, позволяющих с достаточной степенью объективности воссоздать историю спецпоселения немцев в Орен-

буржье. В основной своей части эта часть документов, хранящихся до сих пор в архиве областного управления МВД, не доступна широкому кругу исследователей.

Семья Зимон в сорок четвертом году прибыла на поселение одна из первых. Путь из Западной Европы на границу с Азией, пролегая практически через всю Европу, был мучительно долгим и нелегким. Во время войны оккупанты вывезли семью Зимон из Украины в Германию. Положение немцев, вывезенных на запад, резко отличалось от жизни угнанных советский людей. Молодые люди за год пребывания на немецкой территории успели оценить более высокий уровень жизни за пределами Советского Союза, и несмотря на военное время почувствовать вкус относительного достатка. Когда встал вопрос о необходимости возвращения в Союз, то, боясь репрессий, они вынуждены были вернуться «домой».

Оказавшись на Южном Урале с его лютыми морозами в зимнюю пору, и изнурительной летней жарой, в саманных жилищах, в забытом богом, состоящем из шести бараков сельце, немцы чувствовали себя бесконечно обманутыми и потерянными.

Приведем редкий документ, извлеченный из архива Управления внутренних дел Оренбургской области, который четко характеризует судьбу одной из поселенок.

«В документах личного дела спецпоселенки Маргариты Густавовны Паль, 1924 года рождения, имеются сведения на дочь – Паль Дину Александровну (так в документе), 1941 года рождения, которая вместе с матерью с 1941 года по 1943 год проживала на оккупированной территории Житомирской области. В ноябре 1943 года она вместе с матерью была вывезена в Германию. С 20 сентября 1945 года по 13 октября 1945 года находилась в ПФЛ НКВД СССР г. Рава – Русская Львовской области. В ноябре 1945 года прибыла с матерью в Оренбургскую область Оренбургский район, подсобное хозяйство УМВД»⁵.

Они надеялись вернуться на Родину, на Украину, – к своим белым хатам, цветущим садам, богатым палисадниками, а вместо всего этого – неимоверно долгое, унижительное поселение в далеком уральском крае.

Шестьдесят лет живет в Пригородном семья Иохим, семья с «исторической» судьбой, с непростой историей.

В скупых строках архивного документа – страница жизни:

«В документах личного дела спецпоселенки Иохим Екатерины Яковлевны, 1918 года рождения, имеются сведения на дочь – Иохим

Елизавету Ивановну, 1943 года рождения (так в документе), которая вместе с матерью с 1944 года проживала в Германии. С 23 июля 1945 года по 10 августа 1945 года содержалась в Ростокском ПФЛ. С 2 августа 1945 года по 20 сентября 1945 года в ПФЛ г. Рава – Русская Львовской области.

В октябре 1945 года прибыла вместе с матерью в Оренбургскую область Оренбургский район, подсобное хозяйство УМВД»⁶.

Немецкими спецпоселенцами являлись Софья Ивановна Петрокевич, Анна Антоновна Пффоо и её родители. Супруги Пффоо прибыли также в числе первых.

Приказ НКВД от 16 августа 1944 года ввел в действие инструкцию по учету спецпоселенцев. Необходимо было обеспечить контроль за их движением в границах района расселения, выявить трудоспособных и контролировать их трудоустройство.

В первой половине 1946 года из числа на работе в совхозе было занято 128 человека:

- 92 – трудоспособных,
- 11 – нетрудоспособных,
- 25 – подростков до 16 лет⁷.

Учету подлежали все контингенты спецпоселенцев и каждый человек в отдельности в спецкомендатурах, в районных отделениях НКВД и в ОСП НКВД/УНКВД по специальным карточкам: «1 – семейная, для учета глав семей; № 2 – персональная, для учета каждого спецпоселенца, за исключением глав семей и детей до 16 лет; № 3 – суммарная, для учета детей, не достигших 16-летнего возраста. Карточки (стандартный размер их 95x140 мм) заполнялись на основании паспортов (при этом старые паспорта изымались и в городах выдавались новые с отметкой о разрешении проживания в пределах данного района), свидетельств о браке, рождении, эшелонных списков, актов приема спецпоселенцев, постановлений или приговоров судебных органов, других официальных документов. В случае их отсутствия – путем опроса спецпоселенцев, с пометкой «заполнено со слов». Карточки заполнялись в двух экземплярах: один для картотеки районных отделений НКВД, второй – для справочной картотеки ОСП УНКВД. На основе карточек в ОСП создавалась единая алфавитная картотека.

Семейная карточка содержала на первом и последнем листах сведения о главе семьи, а внутри – о ее членах. Указывались данные о времени и месте рождения спецпоселенца, его отношении к главе се-

мы, национальности и специальности, роде занятий до переселения, дате прибытия на место поселения, делалась отметка о трудоспособности.

Согласно приказу МВД от 19 февраля 1949 года «Об организации персонального учета выселенцев, спецпереселенцев по новой системе» в местах поселения был произведен переучет, и все спецпереселенцы, подвергшиеся переселению по национальному признаку, были отнесены к категории «выселенцев». С этого времени устанавливались следующие виды их учета: в спецкомендатурах – посемейный учет всех лиц по специальным книгам, и персональный учет бежавших с территории спецкомендатуры, временно убоивших и временно прибывших. Кроме книг учета коменданты вели журналы регистрации явок выселенцев. В посемейные книги не вносились члены семей выселенцев, сами выселенцами не бывшие, но вступившие с ними в брак (данные о них вносились в отдельный список); выселенки, вышедшие замуж за невыселенцев, с учета не снимались.

В книге обязательно делалась отметка об убытии (в том числе детей, выехавших на учебу, которые после ее окончания могли быть направлены на работу лишь в регионы, являвшиеся местом спецпоселения данного контингента, с обязательной постановкой на учет).

Софья Ивановна Петрокевич родилась в 1902 году в Николаевской области. Жила с семьей до оккупации в селе Рорбах Василиновского района. Муж М. Петрокевич был украинцем по национальности. В 1944 году семья Петрокевич была вывезена в Германию. Софья Ивановна работала уборщицей в пригороде Берлина – Шпандау. Вместе с ней были три её сына – Владимир (1927 года рождения), Марк (1929 года рождения), Эдуард (1940 года рождения). В 1945 году семья была депортирована в Николаевскую область, а затем отправлена на спецпоселение на Южный Урал. Муж при этом был сослан в Красноярский край.

Большая семья Софьи Ивановны в послеоктябрьский период оказалась разорванной – один из братьев еще в двадцатые годы уехал в США, не очень удачно сложилась судьба двух других братьев и их семей. Ей самой сполна пришлось хлебнуть горя, оставшись после войны с тремя сыновьями⁸.

Эдуард Петрович, которому в сорок пятом году, исполнилось лишь пять лет, был снят с учета как «репартированный немец» лишь 20 мая 1954 года.

Из Одесской области прибыла Анна Антоновна Пффоо. Она родилась в 1924 году в селе Расштадт Мостовского района. Образование – четыре класса. На поселение прибыла из Германии как репатриированная немка 19 февраля 1946 года. Работала в совхозе МГБ.

Выехав из Германии, прошла проверку в проверочно – фильтрационном пункте в Одессе. Некоторое время пожила на родине, а в январе сорок шестого года была выселена в Чкалов.

В том же сорок шестом возникли трудности с продовольствием. Приведем документ:

«Совершенно секретно

НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
ПОЛКОВНИКУ тов. КУЗНЕЦОВУ

гор. Москва

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

О хозяйственно – трудовом устройстве
спецпереселенцев – репатриированных
немцев, расселенных в Чкаловской области

за третий квартал 1946 года

За последнее время, в связи с отменой карточной системы в сельских местностях, продовольственное снабжение репатриированных немцев, работающих в совхозе УМВД, несколько ухудшилось. С 1 – го по 17 октября спецпереселенцам, как и всем остальным рабочим совхоза, выдано только по 5 кг. хлеба для тех кто непосредственно занят на производстве. Все остальные – дети и престарелые, а также те, кто по временной нетрудоспособности не могут выйти на работу, хлебного пайка не получают.

Сейчас основным источником продовольственного снабжения репатриированных немцев, занятых в совхозе УМВД, является собранный ими урожай с своих индивидуальных огородов. Однако этот урожай хватит им на непродолжительное время.

Дирекция совхоза УМВД в данное время занимается изысканием других источников для продовольственного снабжения своих рабочих, в том числе и репатриированных немцев».

Все проблемы поселенцев решал комендант спецкомендатуры. Когда в декабре пятьдесят пятого Анна Пффо собралась выехать в отпуск на месяц в Актюбинскую область, чтобы навестить сестру, потребовалось специальное разрешение.

Анна Антоновна Пффо и её сын Александр Эмильевич реабилитированы 9 июня 1994 года⁹. Практически понадобилось полвека, чтобы государственная власть перед всем миром признала свою репрессивную политику и извинилась перед невинными. А сколько их, отвергнутых, так и ушли из жизни, не узнав, что они были оправданы?

Сколько надо было иметь душевных и физических сил, чтобы жить, ощущая себя изгоем?

Николай Николаевич Аренгольд, 1923 года рождения, выходец из Саратовской области, прошел две волны переселения в Отечественную войну – из Саратовской в Павлодарскую область, а в сорок втором году его отправили в Бугурусланский район Чкаловской (Оренбургской) области. Всю войну работал трактористом – в Бугурусланском, потом в Абдулинском и Чкаловском (Оренбургском) районах. В Абдулинском – трудился в чувашском селе. Несмотря на ненависть к фашистам, а из-за них ко всему, что связано с немцами, чувашаи относились к Николаю неплохо, не обижали его.

Он, как и многие другие немцы, жившие в те годы в поселке был «выселенцем», потом «трудармейцем», после чего – спецпоселенцем.

«Немцев доставили в конюшню. Первое время пришлось испытать страшные лишения, включая вшей, клопов и блох. Жили в страшной тесноте. За хворостом ходили в лес, носили его на себе. Упаси господь встретиться лесник. Отбирал и хворост, и веревку, и самое ценное – топор.

В конюшне был неприятный запах. Пришлось всю конюшню заново обмазывать, чтобы избавиться от него»¹⁰. Поселенцев, живущих в темноте и холоде, жалело местное население. Александра Волкова – Попова рассказывает, что её мать Дарья Васильевна иногда передавала немцам молока, при этом наказывала дочери – «Чтоб никто не видел».

Население в большей своей части относилось с сочувствием. Ф.Г. Земон – Сагитова помнит две болгарские семьи, которые постоянно оказывали помощь немцам – поселенцам. Иногда украдкой на овощном складе заведующая давала небольшой вилок капусты.

В холодное время нечего было одеть. Варежки шили из разных тряпок. Особенно сложно было с обувью. Часть женщин работала на засолке в овощном складе. В резиновых сапогах топтали капусту. Вели практически полуголодное существование, даже жмыха не было вволю¹¹. Самым удивительным наш взгляд из немцев, живших в пятидесятые годы на поселении, был Вальдемар Вильгельмович Маркварт. Он родился в селе Севериновка Винницкой области. Находился в оккупации. Но так сложилась его судьба, что при мобилизации в военкомате ему записали в графе национальность – украинец. И он с 15 мая 1944 года по 3 марта 1950 года служил в армии. Сначала – стрелок 120 запасного стрелкового полка, а с сентября 1944 года – минометчик 169 минометного полка. Награжден медалью «За отвагу» в апреле 1945 года и медалью «За победу над Германией».

После войны в составе 5 – й тяжелой гаубичной бригады служил на Украине, в Узбекистане, Азербайджане, Армении. После шестилетней службы фронтовик приехал к родным, которые к этому времени оказались на поселении на Южном Урале.

Здесь Вальдемар встретил свою любовь – Елену Августовну Гернер и до сих пор они живут в Пригородном.

Отцы Вальдемара и Елены были репрессированы на Украине в 1937 году. После всего пережитого, их матерям досталось другая доля – жизнь на поселении.

Братья Гернер Густав и Эдмунд были высланы в сорок пятом году из Ямпольского района Винницкой области, к ним из Вологодского поселения с разрешения властей в сорок шестом прибыли мать – Роза Яковлевна, сестры Метта и Елена.

Елену и Метту Гернер репатриировали из Германии в сорок пятом году. Их поселили на ферме № 1. Здесь устроились несколько немецких семей – Гернер (мать, двое сыновей и двое дочерей), Маркварт (мать, сын и две дочери), Эвин и Маргарита Тиде с двумя детьми, Александр и Ольга Шумахер и их пятеро детей – Ленгард, Замель, Метта, Роберт, Дина.

Только 13 декабря 1955 года вышел Указ президиума Верховного Совета СССР «О снятии ограничения в правовом положении немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении»:

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР
О снятии ограничений в правовом положении с немцев

Учитывая, что существующие ограничения в правовом положении спецпоселенцев – немцев, и членов их семей, выселенных в разные районы страны, в дальнейшем не вызываются необходимостью. Президиум Верховного Совета постановляет:

1. Снять с учета спецпоселения и освободить из-под административного надзора органов МВД немцев и членов их семей, выселенных на спецпоселение в период Великой Отечественной войны. А также немцев – граждан СССР, которые после репатриации из Германии были направлены на спецпоселение.

2. Установить, что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращения имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

К.ВОРОШИЛОВ

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Н. ПЕГОВ

Москва, Кремль 13 декабря 1955 г.

Только в пятьдесят шестом году, спустя пятнадцать лет после начала войны, большинство немцев почувствовали относительную свободу. Они были сняты с учета спецпоселения. Был среди них и рабочий учхоза Н.Н. Аренгольд.

Вновь обратимся к документам:

«Аренгольд Николай Николаевич, 1923 года рождения, уроженец Саратовской области, Озинского района. В соответствии с Постановлением СНК СССР и ВКП(б) 2060 – 935с от 12 сентября 1941 года, как лицо немецкой национальности в 1941 году выслан в Павловскую область откуда в 1942 году переведен в Чкаловскую область. Снят с учета спецпоселения 13 января 1956 года.»

Реабилитировали Н.А. Аренгольда лишь в 1991 году¹². Немцы, отправленные на поселение на Южный Урал, пустили свои корни на оренбургской земле, некоторые породнились с русскими. Большая их часть выехала в Германию в период перестройки, чтобы наконец – то соединиться со своей исторической Родиной.

Покинули Россию семьи Блюм, Шумахер, Шмидт и другие.

Остались те, кто осознал, что земля российская им ближе по духу, кто понял, что исторические корни слишком глубоки и рвать их нет смысла.

Примечания

Информационный отдел Управления внутренних дел Оренбургской области. Ф. 15. Оп.1. Д.4. Л.86.

² Так это было. – Национальные репрессии в СССР 1919 – 1952 годы. В 3-х томах. Т.1. – М.: Инсан, 1993. – С. 198

³ Информационный центр УВД Оренбургской области. Ф. 15. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 36 – 85

⁵ Информационный центр УВД Оренбургской области. Ф. 47. Д. 9940. Л. 2,4.

⁶ Информационный центр УВД Оренбургской области. Ф. 47. Д. 9716. Л. 2, 3, 13, 23.

⁷ Информационный отдел управления внутренних дел Оренбургской области. Ф. 15. Оп.1. Д.4. Л.87.

⁸ Информационный центр УВД Оренбургской области. Ф. 47. Оп. 1. Д. 7293.

⁹ Информационный центр УВД Оренбургской области. Ф.47. Оп.1. Д. 7486.

¹⁰ Из воспоминаний Земон – Сагитовны, 1927 года рождения. Запись сделана профессором А.В. Федоровой в июле 2004 года.

¹¹ Из воспоминаний Ф.Г. Земон - Сагитовой.

¹² Справка о реабилитации УВД Администрации Оренбургской области. 29 августа 1994 года. Архив профессора А.В. Федоровой.

ИХ ВТОРОЙ РОДИНОЙ СТАЛО ОРЕНБУРЖЬЕ (К 70-ЛЕТИЮ ДЕПОРТАЦИИ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ)

Тема депортации российских немцев широко заявила о себе в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. и постепенно переходила от «публикации документов статистического характера» в трудах исследователя В.Н. Земскова¹ к изучению «законодательно-распорядительной документации центральных органов власти»² Н.Ф. Бугаеи, П.М. Полян, А.А. Герман и др.³. Собранный материал стал базой диссертационных исследований Л.А. Бургарт, А.А. Шадт, В.Н. Земскова, Т.В. Мухортовой, Е.Л. Зберовской, Н.А. Абуова, О.В. Скучаевой⁴. М.Ю. Привалова изучила судьбу особой группы депортированных граждан – немцев-репатриантов, насильственно угнанных в Польшу и Германию в годы Второй мировой войны, и возвращенных в СССР по решению советского правительства⁵. Эта тема дополнялась мемуарами Г. Вольтера, В.Э. Гергерта, В.Г. Фукса, В.И. Бруля и др.⁶. Н.Э. Вашкау из Волгограда собрала воспоминания старшего поколения и выпустила их в 2007 г. отдельной книгой «Сарепта. Страницы истории российских немцев».

Организаторами изменения места жительства миллионов людей широко использовался опыт депортации немецкого населения из северо-западных губерний царской России на восток в Первую мировую войну, применения дешевого труда на оборонные нужды первого в мире советского государства и привлечения органов пропаганды в целях беспрекословного послушания и выполнения правительственных решений.

Первыми, испытавшими на себе выселение по постановлению Совета по эвакуации СЭ-75с от 15 августа 1941 г., были 60 тыс. немцев из Крыма⁷. Эвакуация «прошла поспешно и непродуманно», вызвала крайнее недовольство у городских жителей, у которых через 2-3 дня дороги кончились запасы продуктов, и составлявшие большинство из переселенцев.

70 лет отделяют современное поколение немцев Поволжья от 28 августа 1941 г., когда третий месяц полыхала война. Этот день вошел в историю как «черный день календаря»⁸, тогда началась небывалая в истории депортация целого народа. Республика немцев Поволжья прекратила существование 7 сентября 1941 г.⁹

Третья волна захватила г. Ленинград и Ленинградскую область в конце августа, в сентябре вышли Постановления о выселении немецких граждан из Краснодарского края, Запорожской и Воронежской областей, из республик Кавказа¹⁰.

Трудовое население тогда не знало, что «уже 30 июня 1941 г. при СНК СССР был образован Комитет по труду и распределению рабочей силы» в условиях военного времени, что «23 июля 1941 г. вышло постановление «О предоставлении Совнаркомом Республик и край(обл)исполкомам права переводить рабочих и служащих на другую работу»¹¹, тогда продумывались места выселения – Казахская ССР, Красноярский край, Новосибирская и Омская области, Алтайский край¹².

В Чкаловской (Оренбургской) области по «переписи 1939 г. проживало 18594 немца»¹³, которых предстояло «переселить с 20 сентября по 10 октября 1941 г.»¹⁴. Оренбургские немцы, освоившие губернию до 1917 г., не подверглись депортации, поскольку область считалась местом ссылки этого народа из других регионов СССР и местом размещения контингента «трудовой армии». Из немецких граждан были созданы рабочие колонны и отправлены на промышленные объекты области и за пределы Южного Урала. При распределении мест переселения и промышленных объектов для трудмобилизованных учитывалось пограничное положение Чкаловской области с Казахстаном, основным центром размещения депортируемых из западных областей СССР и Поволжья. Разными путями попадали переселенцы в Чкаловскую область – из Ленинграда и Ленинградской области, Крыма, Украины, Белоруссии, Поволжья, репатрианты 1945 г. из Польши и Германии.

Целью публикации является изложение воспоминаний жителей Оренбуржья на основе комментариев происходившего и намерение донести их до современного поколения людей, родившихся и живущих в условиях мира и толерантности. Воспоминания не имеют «оценки собственной роли в истории страны», являются личными и субъективными, «недоступными для использования и изучения», но «ценными с точки зрения воспроизведения деталей» минувших событий. Так отмечает значимость воспоминаний Н.Э. Вашкау из Волгограда¹⁵. Подтверждением тому служат приводимые ниже воспоминания ленинградцев В.В. Дорофеева и С.Ф. Штольц.

1. Почетный гражданин г. Оренбурга, участник блокады Ленинграда, известный краевед и в недалеком прошлом доцент педагоги-

ческого университета, преподаватель английского языка Виктор Васильевич Дорофеев родился в городе на Неве в 1927 г. Отец был русским, а мать – немкой. Его в возрасте 14 лет вместе с матерью и бабушкой весной 1942 г. выслали в Йошкар-Олу, но из-за бомбежек состав направили в Сибирь. Прибыв в г. Свердловск в начале лета 1942 г., они добились разрешения ехать в г. Чкалов к родственникам Берблингер по линии бабушки, но через год НКВД изменило вид на жительство. Они переселились в райцентр Сакмарск Чкаловского района, там умерли бабушка Гедвига Адольфовна Зоргенфрей и мать Нора Оттовна Дорофеева¹⁶. В.В. Дорофеев прожил всю жизнь в Оренбурге, стал его Почетным гражданином, увлекается краеведением и рисованием.

2. Предки Софьи Федоровны Штольц (Шафф) выходцы из германского мелкого княжества еще при Екатерине II поселились под Санкт-Петербургом, где их одно поколение сменялось другим. В 1941 г. муж ушел на фронт, оставив жену с двумя сыновьями, старшего двух лет и двухмесячного младшего в окружении родителей с обеих сторон. Они пережили кое-как блокадную зиму г. Ленинграда 1941 – 1942 г., когда ежедневно выдавалось по карточкам 125 г. хлеба на иждивенца и 30 г. крупы на десять дней. С наступлением марта 1942 г. граждан СССР немецкой национальности начали «добровольно-принудительно» выселять из города и вывозить по Ладожскому озеру на «большую землю». Когда ехали по замершей Ладоге, попали под бомбежку, видели, как впереди идущая машина ушла под лед вместе с людьми. На берегу их пересадили в ожидавшие товарные вагоны, отобрали паспорта и куда-то везли около двух недель. Умерших людей не хоронили и не переносили в морг, которого не было в эшелоне, а во время остановок выбрасывали на снег. Так они приехали в г. Канск Красноярской области, потом пешим ходом добрались до сельской школы и по 20 семей разместились по классам. Вскоре их расселили по три семьи на одну квартиру. Соня с двумя детьми, родителями, братом и сестрой начали обживать на новом месте. Она устроилась работать санитаркой в госпиталь. Вскоре от гангрены умерла бабушка, потом младший сын. В декабре 1942 г. мужа-немца отозвали с фронта и отправили в Челябинск на угольную шахту, где он умер в марте 1943 г. Соню с матерью мобилизовали в шахтерский город Кемерово в октябре 1943 г. Четырехлетнего сына Виктора отправили в детдом. Женщины-углекопы жили в бывшем свиарнике, переоборудованном под рабочий барак. Больше года она ничего не знала о сыне.

По разрешению начальника зоны ее матери удалось узнать адрес детского дома внука, получить разрешение на выезд и забрать мальчика в Кемерово. Сын в детдоме не доедал, бродил по помойкам в поисках еды полураздетым, без обуви, в итоге заболел рахитом. Обе женщины окружили мальчугана заботой и душевным теплом, кормили досыта, отрывая еду от себя, а затем устроили в детский сад. Так встретили долгожданный день Победы. Отец Сони с родной сестрой попали в г. Бугуруслан Чкаловской области и остались там жить после войны. Они отыскивали мать и дочь с сыном, добились разрешения на переезд в Бугуруслан. Через год получили паспорта. Сын Владимир от второго брака перевез Софью Федоровну в Оренбург, первый сын Виктор умер в 62 года после травмы, полученной во время автомобильной аварии.

Хотелось бы дать краткий комментарий по поводу положения этнических немцев-военнослужащих в Красной Армии после начала войны. В изъятии немцев-мужчин из армейских рядов можно условно выделить три волны: 1. с 30 июня по 7 сентября 1941 г. на основании директивы № 002367 от 30 июня 1941 г.; 2. с 8 сентября и до конца 1941 г. на основании директивы Наркома Оборона СССР № 3510 с от 8 сентября 1941 г.; с января 1942 г. по май 1945 г. Отозванных мужчин ссылали в трудовую армию¹⁷.

На территории Чкаловской области зоны мобилизованных немцев размещались в Чкалове, Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке, п. Светлом и с. Домбаровка Домбаровского района. В 1941 г. в Бугуруслан, где находился центр по добыче нефти, эвакуировали крупнейший на Кавказе «Азнефтегазстрой», работали тресты «Бугуруслан-нефть», «Кинельнефть», «Куйбышевнефтьстрой» Куйбышевского нефтекомбината, которые располагались на территории Бугурусланского района Чкаловской области и Похвистневского района Куйбышевской области¹⁸. Усиленными темпами шло строительство газопровода Бугуруслан – Куйбышев.

3. Рассказ С.Ф. Штольц дополняют воспоминания Александра Геринга, 1937 г. рождения в с. Бауэр Республики немцев Поволжья. В 1942 г. семью депортировали в с. Шалоболдино Курагинского района Красноярского края на лесоповал и лесозаготовки. От невыносимых условий там умерли все члены семьи за исключением трех несовершеннолетних детей. Отца Андрея Ивановича Геринга отделили от семьи и отправили в трудовую армию Бугуруслана. Узнав о смерти родных, он выхлопотал разрешение на поездку в Сибирь и привез от-

туда трех своих детей и двух детей брата, сначала они жили в землянке, потом в бараке. В 1955 г. А.А. Геринг уехал из Бугуруслана, но через 40 лет, пенсионером вернулся в город детства и юности¹⁹.

Судьба трех следующих корреспондентов связана с Челябинской областью. Необходимо пояснить, что во время войны первое место в топливно-энергетическом комплексе страны занимали угольная, металлургическая и нефтяная промышленность. На Южном Урале это были Башкирская АССР, Молотовская (Пермская) и Челябинская области, в Западной Сибири г. Кемерово и в Казахстане г. Караганда. Предприятия комплекса подчинялись Наркомуглю, Наркомчермету и Наркомнефти, но с началом войны только Наркомату внутренних дел, который имел неограниченную власть и силу. Строительство Бакальского (Челябинского) металлургического завода было принято постановлением СНК и ЦК ВКП(б) в августе 1940 г.²⁰. За десять дней до начала войны 12 июня стройка была прекращена, но 16 августа она перешла в разряд ударных и в декабре ее передали Управлению особого строительства НКВД СССР на подрядных началах с Наркомчерметом²¹. Гигант «Челябметаллургстрой» (ЧМС) включал основную стройплощадку в районе пос. Першино со строящимися объектами «Жилстрой», «Тэцстрой», «Доменстрой», кирпичный завод в пос. Потанино, лесозаготовительные участки в Верхнем Уфалее, Тургорякский известковый карьер и др. объекты, а также шахты 1 и 3 в Копейске, Коркино, подсобные хозяйства «Каштах», «Баландино», «Потанино»²². В начале 1942 г. здесь трудилось 16 отрядов трудмобилизованных, примерно 100 тыс. человек. «В 4-м квартале 1942 г. приказом Берия планировалось ввести в строй 5 электросталеплавильных печей, 2 прокатных стана № 800 и № 350, во 2 квартале 1943 г. – запустить № 1 и № 2 доменные печи»²³.

На строительство ЧМС дороги депортации привели Н. Сайдлера из Крыма, Лидию Шмаудэр из Ставропольского края, главу семьи Гейнца из Поволжья, чьи внуки сегодня носят фамилию Лозе.

4. Родители Владимира Николаевича Сайдлера жили до войны в Крыму, в г. Симферополе. В середине августа 1941 г. мать с двумя детьми, родившимися в 1938 г. и 1939 г., эвакуировали в г. Петропавловск (Казахстан). Отца мобилизовали в трудовую армию и вывезли в Челябинскую область на строительство завода, где он умер в конце войны. Матери удалось вернуться на малую родину – в село Малый Мамалык (Крым) после Победы в 1945 г.. Женщина с детьми на удивление всем сумела завести небольшое личное хозяйство, но оно выз-

вало недовольство у соседей, которые были крымскими татарами. Они разграбили имущество этой мужественной женщины, отобрали дом с хозяйством и вынудили немецкую семью покинуть крымскую землю. В конце 1946 г. семья переехала в Оренбургскую область и поселились в совхозе «Магнитострой» Ташлинского района.

5. Семья Гульды и Готлиба Шуманских до 1942 г. жила в белорусском колхозе Гигант Гомельской области, когда фашисты эвакуировали мать с дочерьми в Германию. Их старшего сына Романа Шуманского, рожденного в 1911 г., призвали в ряды Красной Армии и отправили на фронт, но вскоре его отозвали из Армии и направили в трудовую армию в Казахстан. Когда там открылись лагеря для немецких военнопленных, его обязали работать с ними в качестве переводчика. При замене документов в паспортном столе г. Актюбинска допустили грубейшую ошибку в записи фамилии, он стал Романом Шиманом. Свою будущую спутницу жизни Лидию встретил в г. Актюбинске. Семья Лидии, урожденной Шмаудэр, вынесла депортацию из Ставрополя в Челябинскую область в г. Коркино. Ее родная сестра Мария Эммануиловна с мужем и детьми осталась жить после 1946 г. на Южном Урале. Сама Лидия Эммануиловна Шмаудэр родилась в 1921 г. в селе Ротэ Фанэ Ипатьевского района Ставропольского края. После ликвидации трудармии переехала в Актюбинск, где вышла замуж за Романа Шиман, в 1954 г. родила дочь, которой дала имя – Лидия. Муж В.Г. Васильев перевез жену Лидию Романовну Шиман в село Сагарчин Акбулакского района Оренбургской области, где Л.Р. Васильева (Шиман) работала учителем технологии в средней школе до выхода на пенсию.

6. Родиной старинного крестьянского рода Лозе является земля Нижняя Саксония в Германии, откуда предки переехали в Россию по манифесту 1763 г. В Поволжье они жили в селе Боаро Саратовской губернии, занимались хлебопашеством, держали крупный рогатый скот. Семейство состояло из 25 человек, поскольку сыновья приводили жен в дом отца и совместно вели большое хозяйство при умелом распределении домашних обязанностей. После революции их материальное положение ухудшилось, а раскулачивание окончательно развалило эту крепкую зажиточную семью. Родителей с малолетними детьми сослали в Сибирь. В Боаро остались дальние бедные родственники, но после 28 августа 1941 г. их сорвали с насиженных мест. Отца вернули из действующей армии и отправили сначала в шахты Кемеровской области, но в 1944 г. переправили в г. Копейск Челябинской

области. Его жена с дочерью трудились на лесоповале в г. Ухта Коми АССР, сын попал на медные рудники в г. Джекказган (Казахстан). В военные годы там шло строительство Южно-Уральской железной дороги и работал горнорудный комбинат по переработке железных и марганцевых руд, руд цветных металлов, в Актюбинске функционировал комбинат по переработке хромитов, никель-кобальтовой руды и фосфоритов. Только в 1946 г. семья вновь воссоединилась, потеряв младшего сына. По женской линии потерь в годы войны было значительно больше. Места ссылки были теми же – Восточный Казахстан и шахты Копейска. Этот город в 1946 г. соединил семью, инициатором поисков был отец. Там дочь Ида вышла замуж за сосланного немца, как и они. До 1956 г. семья отмечалась в местной комендатуре сначала один раз в неделю, потом раз в месяц. Когда разрешили возвращаться в родное Поволжье, они остались в Копейске, т.к. на прежней малой родине не осталось ни дома, ни родственников, ни знакомых. У отца после трудармии начались серьезные проблемы со здоровьем, и они переехали на жительство в Киргизию. Дочь, урожденная Гейнце, вышла замуж за парня по фамилии Лозе. В настоящее время семья проживает в селе Рыбкино Новосергиевского района. С историей своего рода познакомила Ольга Лозе, которая в 2010 г. окончила исторический факультет Оренбургского педагогического университета.

Труд женщин-немок часто использовался на лесоповалах и лесозаготовках в Архангельской, Горьковской, Костромской, Свердловской областях, в Красноярском крае. Они трудились в качестве вальщиков, грузчиков наравне с мужчинами. Нормы были рассчитаны на 12-часовой рабочий день. С ранней весны до глубокой осени, стоя по пояс в ледяной воде, они работали на лесосплавах, смертность была очень высокой. Например, в Краслаге НКВД имелось 20 отделений, одно из них, 7 отделение было прикреплено к г. Канску, мужчины-сплавщики находились в деревне Ильинка Ирбейского района²⁴.

7. Семья Гербер дважды испытала депортацию, первый раз в годы Первой мировой войны, когда из западных губерний России депортировали в село Кичкасс Оренбургской губернии, второй раз в 1942 г. – из Поволжья в Сибирь. Дочь Ирма Готфридовна Гербер в 21 год попала на лесоразработки, работала по 16 часов в сутки, жила в холодных бараках, где ютилось от 15 до 20 девушек. Их всегда мучил голод, изнуряющий физический труд и невысохшая одежда зимой. В Сибири она вышла замуж за Богдана Генриховича Грицфельда. В 1955 г. сосланных немцев начали расселять в Казахстане. Ирма с тремя детьми и мужем

поселилась в поселке Кумак Адамовского района Оренбургской области, где жили до 1998 г., тогда Ирма Грицфельд с семьей младшего сына Владимира эмигрировала в Германию, г. Аугсбург (Бавария), откуда когда-то вышли предки. Остальные дети живут в г. Ясном, дочь Инна уехала жить и работать в один из сибирских городов.

Чкаловская область в послевоенные годы была определена одним из мест ссылки немцев-репатриантов, особой группы этнических немцев, которая, образно выражаясь, находилась в годы войны между «молотом и наковальней». Какая-то часть из них, отбыв положенный строй заключения в лагерях, по собственному желанию переехала на жительство в Чкаловскую область. Здесь требуется дать справку по поводу этой группы немцев. В зону оккупации гитлеровской Германии (1941 г.) попали тысячи этнических немцев Левобережной Украины и Белоруссии: Харьковской, Днепропетровской, Крымской, Запорожской, Сталинской (Донецкой), Ворошиловградской (Луганской), Черниговской, Сумской областей²⁵. Там возник Рейхскомиссариат «Украина» (гауляйтер Э. Кох), в Белоруссии – Рейхскомиссариат «Осланд». Когда в сентябре 1942 г. началось мощное контрнаступление Красной Армии под Харьковым, временные власти организовали насильственное переселение примерно 300 тыс. советских немцев в Восточную Германию и на прилегающие территории Польши – гг. Лодзь (Вартегау) и Познань²⁶. Управление по делам репатриации в СССР (1944 – 1953 гг.) вернуло в Советский Союз чуть более 200 тыс. украинских немцев, однако, около одной трети осталось на Западе, и кто-то из них переселился за океан в Канаду. В 1945 г. они были репатриированы в Советский Союз и разделили общую судьбу советских немцев. О немцах-репатриантах существуют специальные исследования многих ученых за последние годы (1989 – 2011 гг.): Ю.Н. Арзамаскин, Н. Ю. Арзамаскина, Н.Ф. Бугай, А.А. Герман, Земсков В.Н. и др.²⁷. Наибольшее число репатриированных немцев проживало на Урале: в Молотовской обл. – 17831, Свердловской обл. – 12076, Удмуртской АССР – 7580, Челябинской обл. – 4264 и др. Их также расселили по следующим областям Союза – Архангельская, Вологодская, Новосибирская, Томская, Кемеровская, Костромская, Кировская, Ивановская, Горьковская, Коми АССР, Алтайский край, Марийская АССР, Якутская АССР и др.²⁸. Приводимые воспоминания Е.Ф. Эннс, Р.Я. Кандаловой (Реннер), Э.Г. Серотиной (Ригель), П. Классена показывают истинное положение репатриантов на территории Германии и на спецпоселении в СССР.

8. Елена Францевна Эннс родилась в 1938 г. в с. Никольское Высокопольского района Херсонской области. В 1942 г. немецкие семьи, проживавшие на Украине, были оккупированы фашистами и насильственно вывезены по приказу Гитлера в Польшу, «Вывозили всех, кто сопротивлялся, тех убивали», – вспоминает Е.Ф. Эннс. Ее мать с тремя детьми жила в г. Познань с 1943 по осень 1944 г. Потом внезапно, очень грубо сделав детям прививку от оспы, их переправили в Германию и расселили, где попало, лишь бы крыша была над головой: в подвалах, на чердаках, в сараях. В таких жутких условиях люди ютились до капитуляции фашистской Германии. Когда части Красной Армии вошли в восточную германскую зону, вышел указ о возвращении бывших советских граждан на Родину, но вместо Украины репатриантов сослали в Горьковскую (Нижегородскую) область в местечко Вахтан на лесоповал. После смерти матери детей с бабушкой отправили в село Муха Сявского сельсовета Хмельницкого района. От голода и болезней зимой 1947 г. скончалась родная бабушка, детей оформили в детский дом. Елену Францевну удочерила в 1950 г. бездетная семья Березиных, приемной дочери дали фамилию и отчество нового отца, оставили прежнюю дату рождения, но изменили место рождения. Так Елена Францевна Эннс стала Еленой Павловной Березиной, рожденной 12 декабря 1938 г. в г. Познань (Польша). Эта женщина долго и упорно искала брата и других родственников, но не нашла. В Оренбург переехала из-за мужа, создала семью, теперь воспитывает внуков и внучку Елену Чернову, которая рассказала про тяжелый жизненный путь бабушки.

9. Роза Яковлевна Кандалова (Реннер) из с. Ветлянка Соль-Илецкого района поделилась трудностями, выпавшими на долю ее родителей. До войны семья Реннер жила на Украине в г. Николаеве. В 1943 г. она была насильственно вывезена фашистами в Германию в товарных вагонах. Мать У.Т. Реннер работала уборщицей, отец Я.Т. Реннер – разнорабочим, сын, названный в честь деда Томасом, при переезде заболел и умер. Дочь Роза родилась 2 января 1945 г. на территории Германии в г. Гермсдорф Вальденбургского района. После окончания войны эти земли вошли в состав советской восточной зоны. Советские миграционные органы занялись возвращением граждан СССР немецкой национальности, насильно угнанных в фашистскую Германию. Вскоре их обвинили в пособничестве фашистской армии и сослали под надзор НКВД в Архангельскую область, Онежский район, село Падун на лесозаготовки. Край был богат лесом, пова-

ленный лес зимой подвозили на подводах к реке и складывали в штабеля, весной после ледохода по большой воде его сплавляли до г. Онеги, где находились огромные лесоперерабатывающие заводы. Семья Реннер там жила до 1956 г., когда Роза уже закончила четвертый класс школы. Родители направляли ходатайства по вопросу освобождения от спецпоселения, когда они его получили, то переехали к брату отца в г. Соль-Илецк. Родители умерли в 1986 г. Их дочь Р.Я. Реннер после средней школы поступила в Оренбургский педагогический институт и получила профессию учителя немецкого языка, на 2006 г. стаж работы составил 38 лет, является учителем 2 категории. Р.Я. Кандалова (Реннер) добилась через правоохранительные органы полной реабилитации своих родителей.

10. В поселке Шахтном Соль-Илецкого района живет вдова Эльза Генриховна Серотина, урожденная Ригель. Она родилась в большой трудолюбивой семье на Украине в селе Люксембург Запорожской области. До революции 1917 г. там построили небольшой завод по производству кирпича, где работали родители Эльзы. Ее бабушка Франц Ригель в годы революции и гражданской войны принял советскую власть, в годы продразверстки отдавал государству зерно до последнего мешка. В 30-е годы начались репрессии, его и многих двоюродных братьев арестовали как врагов народа и сослали на строительство Беломорканала, где он пропал без вести. Отца Эльзы арестовали в начале войны и отправили в Сибирь. Остальные члены семьи и она сама были насильно угнаны фашистами в Германию. В мае 1945 г. остатки их семьи репатриировали в Оренбургскую область Соль-Илецкий район поселок Шахтный. Они оказались без жилья, без каких-либо средств к существованию, но помогло местное население, кто, чем мог. Они поселились в вырытой наспех землянке и приступили к поиску отца. В 1958 г. получили официальную бумагу, в которой сообщалось, что их отец Генрих расстрелян под Актюбинском и посмертно реабилитирован. В годы репрессий в семье погибли все взрослые мужчины, только двум дядям Эльзы удалось своевременно эмигрировать в Канаду, где они проживают до сих пор. Старшая сестра Хельма взяла себе русское имя Елена, чтобы скрыть свое истинное происхождение, и после войны уехала в Воркуту, а Эльза Генриховна осталась жить в поселке Шахтном, имеет семью и внуков. Она не любит рассказывать о тяжелом прошлом, историю этой семьи поведала ее дочь.

11. От младшего Петра Классена из с. Федоровка Акбулакского района была услышана и записана их односельчанкой студенткой

исторического факультета педуниверситета Наталией Шляхтиной история семьи Классен по линии его родителей – матери, урожденной Е.Д. Тиссен и отца П.П. Классен. Старшее поколение семьи Тиссен родилось и выросло на Украине, там они жили до начала войны, когда их село до фашистской оккупации успели депортировать в Казахстан. Родителей и детей разлучили в пути следования, первые были направлены в трудовые лагеря, а дочь 1936 г., будущая мать рассказчика П. Классена, с братом 1939 г. рождения, были взяты на воспитание незнакомой немецкой женщиной с ребенком. При посадке в товарные вагоны перрон раскалывался от плача и слез, положение сельчан усугублялось плохим знанием русского языка. Вооруженные солдаты с овчарками не церемонились ни с детьми, ни со взрослыми. Д.Д. Тиссен, дедушка, провел депортацию в Казахстане в поселке Степь Мартоукского района, освобожден от трудармии в 1946 г. Спустя какое-то время к нему вернулась жена Е.И. Тиссен, отработавшая свой срок в трудармии. В п. Степь семья жила до 1981 г. Внук Петр плохо помнит деда Дитриха, умершего в 1971 г. Известно, что он был немногословным, работал на дизельной электростанции, слыл мастером на все руки, как по дереву, так и по железу, жители уважали его. Бабушка Е.И. Тиссен жила после смерти мужа с младшей дочерью, которая родилась в мирное время. Про прежнюю жизнь бабушка Тиссен никогда не рассказывала. Судьба родителей и родственников по линии отца П.П. Классена оказалась намного трагичнее, поскольку их село не успели эвакуировать в тыл СССР, и оно оказалось в оккупации. Отступая, фашисты забрали их в Германию, а главу семьи направили на строительство укреплений. В отсутствие мужа жена приняла подданство Германии. Когда советские войска освободили эту территорию Германии от фашистов, то мать Е.Ю. Классен с сыном Петром и дочерью, 1936 г. и 1938 г. рождения, были репатриированы в СССР в Костромскую область и направлены на лесозаготовки. Их отец и муж П.П. Классен, потеряв из виду жену и детей, остался в Германии, попал в плен к союзникам, но ему удалось перебраться в Канаду, где он впоследствии создал новую семью. К прежней довоенной семье в СССР он побоялся возвращаться. Об этом поступке отца стало известно лишь в 1971 г., когда две его родные тетки, выхлопотавшие разрешение на переезд в Германию, разыскали своего родственника в Канаде. Итак, мать Е.Ю. Классен с сыном Петром и дочерью работала на лесозаготовке, но средств на проживание не хватало, и сын Петр просил милостыню. Потом их отправили на спецпоселение на

Урал и вновь на лесоповал. К тому времени сын подрос и мог зарабатывать деньги сам, а мать стала работать уборщицей. В 1959 г. они переезжают в Казахстан, поселок Целинный Мартоукского района. Здесь встретились Елена Тиссен и Петр Классен, поженились и создали семью.

В заключение необходимо назвать места пребывания оренбургских немцев в трудармии, которые вынужденно изменили место жительства и их можно считать условно-депортированными. Это – г. Воркута, Ивдельлаг в Свердловской области, Сиблаг, Карлаг в Красноярском крае. Всего с 1941 г. по 1945 гг. подверглось депортации 1209430 российских немцев²⁹.

Таким образом, депортация этнических немцев в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны носила невиданный размах с обширной географией переселения и использования дешевого физического труда в различных отраслях промышленности. Война породила такую группу переселенцев как репатрианты, которые дважды насильственно перенесли смену места жительства и отчасти гражданства. Состав немцев Оренбуржья изменился за счет притока немецкого населения из других регионов СССР. Среди них можно выделить три группы: эвакуированные в 1941 – 1942 гг. жители Ленинграда и Ленинградской области, трудармейцы из Поволжья и Крыма, репатрианты из Украины и Белоруссии, которые проделали сложный путь, чтобы, в конце концов, осесть в Оренбургской области.

Примечания:

¹ Вашкау Н.Э. Сарепта. Страницы истории российских немцев. Волгоград, 2006. С. 5.

² Там же. С. 6.

³ Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30-50-е годы // История СССР. 1989. № 6; Полян П.М. География принудительных миграций в СССР: Дис. ... докт. геогр. наук. М., 1998. Герман А.А. Репатриация граждан СССР немецкой национальности и отправка их на спецпоселение (1944 – 1946 гг.) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 4. Саратов, 2000.

⁴ Бургарт Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941 – 1956 гг.: Депортация и жизнь в условиях спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997; Шадт А.А. Спецпоселение немцев в Сибири (1941 – 1955): автореф. дис. канд. ист. наук. Новосибирск, 2000; В.Н. Земсков. Спецпоселенцы в СССР (1930 – 1960-е гг.): автореф. дис. д-ра. ист. наук. М., 2005; Мухортова Т.В. Депортация и восстановление гражданских прав российских немцев: 1941 – 1955 гг. (на примере Нижнего Поволжья и Северного Кавказа). Пятигорск, 2006; Зберовская Е.Л. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940 – 1950 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук, Красноярск, 2006; Абуов Н.А. Депортации народов в Казахстан в 1936 – 1957 гг. (на материалах Северо-Казахстанской и Кокчетавской областей): автореф. дис. канд. ист. наук. Караганда, 2008; Скучаева О.Е. Немецкий вопрос в Поволжье (1941 – 1993 гг.): автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 2008.

- ⁵ Привалова М.Ю. Советские немцы-репатрианты в национальной политике СССР в 1940-е – 1970-е гг.: автореф. дис. канд. ист. наук. Саратов, 2008.
- ⁶ Вольтер Г. Зона полного покоя. М., 1991; Гергерт В.Э. Мечта и грешная земля. Пермь, 1994; Бруль В.И. Немцы Западной Сибири. Топчиха, 1995. Ч.2.
- ⁷ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. История немцев России. М., 2005. С.432.
- ⁸ Ауман В.А., Чеботарева В.Г. История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.). Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941. Москва, 1993. С. 159.
- ⁹ Там же. С. 163.
- ¹⁰ Там же. Постановления Государственного Комитета Обороны. С. 160, 164 – 165, 167 – 168.
- ¹¹ Моргунов К.А. Трудмобилизованные из республик Средней Азии на предприятиях и стройках Южного Урала (1941 – 1944) // Великий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне (1941 – 1945 гг.): материалы Междунар. науч. конф., г. Оренбург, 20 апр. 2010 г. Оренбург, 2010. С. 229
- ¹² Ауман В.А., Чеботарева В.Г. Указ. соч. С. 160.
- ¹³ Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). Оренбург, 2006. С. 134.
- ¹⁴ Там же. С. 141.
- ¹⁵ Вашкау Н.Э. Указ. соч. С. 11
- ¹⁶ Бахарева О.Я. Уроженец Питера – почетный гражданин Оренбурга, доцент, педагог, краевед В.В. Дорофеев // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование. СПб., 2005. С.533 – 542.
- ¹⁷ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С. 429.
- ¹⁸ Тюлюлюкин Е.Ф. Указ. соч. С.147.
- ¹⁹ Блинова О.Э., Мусс Н.Н. Мы – дети войны // Orenburger Zeitung, 2004. №6 (105). С. 3.
- ²⁰ Турова Е.П. Российские немцы на строительстве металлургического завода // Русские и немцы: от противостояния к взаимодействию: материалы научно-практического семинара «Проблемы историографии и источниковедения истории российских немцев». Волгоград, 2007. Выпуск 6. С. 183.
- ²¹ Вольтер Г.А. Указ. соч. М., 1991. С. 4.
- ²² Турова Е.П. Указ. соч. С. 185.
- ²³ Блянк Р. Дело № 299 // Neues Leben, 1997. № 32. 28 августа.
- ²⁴ Шрейнер А. Краслаг НКВД, январь 42 –го // Neues Leben. № 31. 21 августа, 1997.
- ²⁵ Мартыненко В.Л. Политика командования вермахта в отношении этнических немцев на территории военной зоны Украины (1941 – 1943 гг.) // Этнические немцы России: исторический феномен «народа в пути»: материалы 12-й междунар. науч. конф.. Москва, 18 – 20 сент. 2008. М., 2009. С. 443.
- ²⁶ Привалова М.Ю. Саратов, 2008. С.17.
- ²⁷ Арзамаскин Ю.Н. Деятельность советских государственных и военных органов репатриации в 1944 – 1953 гг. Дис. ... докт. ист. наук. М., 2000; Арзамаскина Н.Ю. Репатриация советских и иностранных граждан из Германии в 1945 – 1950 гг. : Международно-правовой аспект //Право и обозрение. 2006. № 6; Бугай Н.Ф. Депортация народов с Украины: 30 – 50-е годы // Украинский исторический журнал. Киев, 1990. № № 10-11. Герман А.А. Репатриация советских граждан немецкой национальности: характер проведения и результаты // Немцы СССР в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие. 1941 – 1945 гг.; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР 1930 – 1960: Дис. ... докт. ист. наук. М., 2005.
- ²⁸ Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р. Указ. соч. С.476.
- ²⁹ Die Russlanddeutschen warten nicht immer auf ihre volle Rehabilitierung // Neues Leben. 2001. № 15 (5878). Август.

ИЗ ИСТОРИИ НЕМЕЦКОЙ СЕМЬИ

28 августа Мы, российские немцы вспоминаем трагическую дату - 70 лет подписания указа о депортации нашего народа.

70 лет тому назад начался путь страдания, слез, унижения и уничтожения российских немцев. Годы депортации это еще и годы государственной политики лишившей нас немецкой республики на Волге, лишившей нас возможности сохранить родной язык, культуру, религию, Церковь.

Для меня лично и для нашей семьи день 28 августа – это день воспоминаний.

Очень долго родители не говорили нам детям об этом периоде в их жизни. Только после перестройки, стало возможным рассказать обо всех перенесенных страданиях.

Отец - Тирбах Рудольф, был депортирован из Баку, мать - Фуст Эмма, из Крыма. В Орске, в трудармии они встретились, поженились и с тех пор их жизнь связана с Оренбургской областью.

Таких семей, таких людей было очень много и в городе и в области.

Сейчас их становится все меньше и меньше.

Они уходят и уносят с собой историю немецкого народа, историю отдельных немецких семей и историю отдельной человеческой жизни.

Мне кажется это не допустимо.

Для того чтобы не повторилась такая несправедливость, мы, их потомки должны это помнить и не только возлагать венки один раз в год 28 августа к памятникам жертв политических репрессий, но и сохранять для истории воспоминания этих людей о том времени, собирать документальные свидетельства, фотографии и предметы личного пользования.

Оказать внимание и согреть человеческим теплом этих страдальцев, которые живут рядом с нами и которые до сих пор живут в страхе, что все это еще может повториться.

Как же удалось нам российским немцам, несмотря на все это выжить, помнить свою историю и по крупицам собирать ее?

Мой ответ – это наши родители, это семьи которые они создавали, это дети которых они воспитывали.

Мой отец – Тирбах Рудольф Александрович, родился 29 декабря 1917 года в немреспублике, в г. Маркштад. Был крещен в детстве в лютеранской церкви. В 1941 году проходил воинскую службу в г. Баку, где и проживал в то время.

После указа о депортации 28 августа был уволен из армии и депортирован в Гурьев, а затем в г. Орск, где находился в трудармии, а затем на поселении.

Рудольф Тирбах. 1941 г.

Моя мама – Фуст Эмма Эдуардовна, родилась 24 августа 1924 года в Крыму возле г. Джанкой. Крещена в детстве, лютеранка. Депортирована вместе с родителями. Последнее место депортации г. Орск, трудармия.

Эмма Фуст

Они встретились там, на месте их поселения, полюбили друг друга. Два молодых человека, которые почему то оказались врагами государства, оказались за колючий проволокой, которым каждый день определяли норму выработки и соответственно этому выдавали паек хлеба и миску супа.

После окончания войны условия стали не такие тяжелые и на молодых, изможденных лицах появилась улыбка. Они радовались победе их страны, они надеялись на справедливость государства и они самозабвенно работали, так как их научили в детстве, в немецких деревнях, в местах компактного проживания.

На спецпоселении. Подсобное хозяйство Оркспецстрой (г.Орск, 1950-е годы). На всех фото – Эмма Фуст

Справедливости не дождалась. Тудармии не стало, зато было спецпоселение. Ограничение свободы передвижения, комендантский надзор. Когда Рудольф Тирбах и Эмма Фуст 22 апреля 1950 г. в г. Орске пришли регистрировать свой брак оказалось им нельзя иметь одну фамилию, потому что это осложняло надзор за ними органов.

Создание молодой семьи. Рудольф Тирбах и Эмма Фуст. (г.Орск, 24 апреля 1951 г.)

На спецпоселении Семья Тирбах-Фуст, (г.Орск, 1952 г.)

В 1956 году отменили комендатуру, и родители поехали поднимать целину в Адамовском районе с. Комсомольском.

К тому времени разрозненные семьи начали воссоединяться и к нам в совхоз приехали бабушка и дедушка они плохо говорили по-русски, а мы не говорили по-немецки и нам доставляло много радости общаться с ними.

Семья Тирбах. На поселении в Адамовском районе

Семья Тирбах. Жизнь продолжается.

Уклад в семье был строгий, но царило спокойствие, уважение и любовь друг к другу. Для взрослых это был их Ноев ковчег, куда они могли спрятаться от порой озлобленных сельчан. Слово немец часто дополнялось словом фашист. В семье все было по-немецки. Еда, убранство, праздники. Но самое главное образ жизни с верой в Бога у мамы и бабушки. Это не было афишировалось так явно Бог сказал, в Библии написано, но сама жизнь проходила по законам Божьим. Иеремия 29, 5-8.

Самое ценное, что немцы всегда брали с собой это Библия. Есть такая семейная Библия и у нас в семье.

Через все невзгоды, унижения и репрессии они пронесли в себе свою немецкую идентичность, веру в Бога и передали это с любовью нам. Первые прихожане в Церкви.

Мы их дети и внуки должны не только помнить это, но и преумножать и сохранять.

МОБИЛИЗАЦИЯ НЕМЦЕВ-МЕННОНИТОВ КРАСНОГВАРДЕЙСКОГО РАЙОНА В ТРУДОВУЮ АРМИЮ (ВОСПОМИНАНИЯ)

Более чем шесть десятилетий, прошло с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война.

Снятие запретов на изучение архивного материала периода войны позволяет ученым более объективно и непредвзято оценить уже хорошо известные события и, вместе с тем, открыть для себя целый ряд новых, ранее практически неизвестных сюжетов жизни СССР в военные годы. Тем самым более ясной и достоверной становится цена победы в войне. И что особенно важно в нравственном плане — устраняется долго существовавшая несправедливость, когда умалчивалось о вкладе в Победу отдельных групп населения нашей страны.

В числе этих групп оказались «провинившиеся» народы, вся вина которых заключалась в том, что исторические корни связывали их со странами, воевавшими против СССР, — советские немцы, финны, румыны, венгры, болгары. Поскольку в этой группе народов немцы были самым многочисленным этносом, а Германия — главным противником СССР в войне, именно по немцам пришелся основной удар репрессивной машины сталинского режима.

Как известно, немцам официально было предъявлено обвинение в пособничестве агрессору, они были депортированы практически со всей территории европейской части СССР и переведены на положение спецпоселенцев. Советские немцы стали основным контингентом так называемой «Трудовой армии».

Трудармия — особое явление: мобилизация через военкоматы дееспособных мужчин и женщин, создание из них военизированных формирований, имевших трехзвенную структуру (рабочие отряды — рабочие колонны — рабочие бригады) и сочетавших в себе элементы военной службы, производственной деятельности, гулаговского режима содержания.

Трудармии, как социальное явление в условиях социалистического способа производства уже были известны. К их созданию прибегали еще в начале 20-х гг. Они формировались на Украине, Северном Кавказе, Урале. Однако их организация и цели, ставившиеся перед ними, не носили такой мрачный отпечаток.

В 30-40-е гг. это начинание 20-х гг., уже под руководством НКВД СССР, приобретало совершенно другие формы, о чем свидетельствуют публикуемые ныне рассекреченные документы.

Документы свидетельствуют о том, насколько трудными были условия адаптации и проживания немцев – спецпереселенцев и мобилизованных в трудовую армию. Даже заместитель главы НКВД СССР, комиссар Василий Чернышев вынужден был признать постоянное нарушение Инструкции по организации проживания – отсутствие одежды, обуви, плохое питание и т. д.

Жили в бараках порою непригодных для проживания. Однако и в таких экстремальных условиях трудмобилизованные немцы с достоинством выполняли производственные задания.

Трудовая мобилизация коснулась и немцев-меннонитов Красногвардейского района, проживавших компактно в этих местах с 1890 года.

Из воспоминаний Елизаветы Нейфельд – жительницы с. Подольск

В июне 1941 года началась Вторая мировая война. Немцев на фронт не призывали, но они должны были трудиться и все делать для фронта. Немецкие поселения не были выселены, но все от мала до велика были под комендатурой. Никто не имел права уезжать, и ни у кого из немцев не было паспортов.

В марте 1942 мужчин от 16 до 55 лет призвали в трудовую армию. Улица села была наполнена людьми - и это было похоже на снежный штурм. Люди прощались с теми, кто уходил. Целый ряд саней стоял вдоль села. Их отправляли в Челябинск и Пермь в угольные шахты.

10 человек из Подольска не вернулись. Они умерли от голода и тяжелого труда в трудовой армии.

Но еще ужаснее было, когда в ноябре вышел указ о том, что и женщинам нужно идти в трудовую армию. От 16 до 50 лет призывались женщины, только те, у которых были дети до трех лет, могли оставаться дома.

12 ноября 1942 года мобилизованных женщин отправили в с. Яшкино. Со слезами женщины прощались со своими детьми. Они ехали на легких повозках, но так как был сильный мороз, колеса в дороге полопались. Они вынуждены были идти пешком. Это было

тяжелое начало. В Яшкино они проходили медицинский осмотр и некоторых отпустили домой по состоянию здоровья. Остальных отправили в Орск, где они должны были рыть котлованы. Позже были мобилизованы и 15-летние. 47 женщин из Подольска были призваны в трудовую армию.

Старых и больных после войны отпустили домой.

В колхозе тоже было очень тяжело, ведь осталось несколько старых мужчин и женщины с маленькими детьми. После работы на колхозных полях нужно было приводить в порядок и свои огороды, ведь урожай со своего огорода кормил круглый год.

В мае 1945 года закончилась война, был заключен мир, но мужчины и женщины из трудовой армии стали возвращаться лишь 1947-1948 гг., некоторые вернулись в начале пятидесятых.

Из воспоминаний А.И. Унру - жителя села Подольск

Унру Андрей Иванович - житель села Подольск. Участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 года. Принимал участие в боях под Бобруйском, Злобиным, Курском, в Брянских лесах.

В апреле 1941 г. А.И. Унру призвали на службу в Красную Армию.

Прилежно изучал трудное военное дело, усердно занимался строевой подготовкой, учился стрелять.

С обычного подъема и физзарядки начался для красноармейца Унру и воскресный день – 22 июня.

Неожиданное построение, командир сообщил о начале войны и о том, что часть направляется к местам боев. Спешно собрали палатки, оборудование, погрузились в эшелон. Через неделю в составе 515-го полка 118-й дивизии Андрей Иванович воевал под городом Злобиным. Дивизия сдерживала ожесточенный натиск врага.

«С болью в сердце прощались с погибшими, давая клятву отомстить, - говорил Андрей Иванович – пули и осколки не щадили никого».

В одном из боев осколок вражеской мины настиг молодого бойца Унру. Ему сделали перевязку и отправили в госпиталь.

В городе Унеча хирурги удалили ему вместе с осколком глаз. Подлечили, и снова на фронт. Но уже теперь не в качестве стрелка, а коневода. Но и здесь приходилось несладко под артобстрелами и бомбежками.

А в декабре, согласно соответствующему приказу о немцах, Унру А.И. был отправлен в тыл, работать на шахты. Так рядовой Унру Андрей очутился в Пермской области.

Начался трудовой фронт, который был по условиям не менее жестоким, чем передовая, Андрей Иванович рассказывал: «на дворе был лютый мороз, а в бараках, где жили трудармейцы, через крыши местами было видно небо. От холода спасались, разместившись вокруг металлической печки, которую топили беспрестанно. Что ели? Паек был скудным: буханка хлеба – сырца и один раз в день баланда, а вечером мизерные рыбные котлеты. Рабочий день был практически безмерным.

Шахты от барака находились на расстоянии 4-8 метров. На ряде из них грунтовые воды сплошным потоком лились на строителей, вымачивая их одежду. Но на это никто не обращал внимания. По дороге к барaku одежда принимала форму скафандра.

Спасали сушилки, сделанные самими рабочими в бараке. Не всякий выдерживал такие условия. Умирили и по пути на шахту или обратно».

Окончилась война. Вернулся в Подольск и Андрей Иванович. Стал работать в колхозе. Сначала на разных работах, а потом 13 лет конюхом. Долгое время работал фуражиром, находясь при этом на пенсии.

Много времени и душевных сил потратил Андрей Иванович на то, чтобы восстановить справедливость. Писал в военные архивы, министру обороны, другим должностным лицам. И только в 1965 году по запросу из Сорочинского военкомата пришли документы, подтверждающие участие рядового Унру в боевых действиях в части на Западном фронте.

Из воспоминаний Гергарда Держсена, проживавшего в селе Богомазово

Мужчины постарше были отправлены 20 марта 1942 года в Челябинск на «Комбинат Челябинск уголь».

6 ноября 1942 года уехала вторая группа: подростки 14-15 лет

Гергард Дерксен, с. Богомазово

и мужчины до 50 лет. Я оказался среди них, мне было 15 лет. Мы были на телегах доставлены в Сорочинск. В вагонах для скота нас оправили в Челябинск. Из-за тяжелых вещей я отстал от своих односельчан и оказался в вагоне с людьми из села Клинок нашего района.

В Челябинске мы трудились в угольной шахте № 66. Работали в 3 смены и осваивали новые шахты №61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 уже давали уголь. Позже еще были открыты шахты №72 и №74. Так как Донбасс был оккупирован немцами, шахты Челябинска на Урале должны были обеспечивать всю страну углем. Большинство рабочих были из Оренбургской области, с Волги и с Крыма. Еда была скудная, без жира и витаминов. Шахтеры получали 1200 грамм хлеба, а другие рабочие - 700 грамм.

Весной 1943 стали умирать от диареи. На улице стоял большой ящик, куда сбрасывали всех умерших.

Зима 1942-1943 года была жутко холодной, что очень мешало работе. Когда мы с шахты приходили в барак и кого-то не хватало из рабочих, то всех заставляли идти обратно. Очень часто находили только трупы людей.

Сначала валили лес, так как на этом месте открывалась шахта №66. А мы были всего лишь семиклассники, и работа в лесу была слишком тяжелой.

Однажды бригадир пришел и позвал самых «маленьких» к начальнику шахты. Тот спросил, не хотим ли мы учиться. Мы, конечно, сразу же согласились. На следующий день после завтрака начальник шахты отвел нас троих в компрессорную станцию и еще троих в дом, где были грузоподъемные машины. Так мы стали машинистами. Благодаря этому, мы остались живы. Затем мы вернулись на шахту № 66 и стали машинистами. Позже я работал на шахте №68, 69, 73 и 74. Осенью 1947 после 5 лет изнурительной работы по состоянию здоровья я был отправлен домой.

Очень трудно вспоминать это время, даже представить невозможно, как я это все вынес. Позже я стал работать механиком в МТС,

с 1964 до 1979 - был инженером в совхозе. В 1979 году с семьей переехали в Подольск, построили дом. До 1989 года я работал инженером в Подольске, а затем уехал в Германию.

Мобилизация в трудовую армию коснулась и моей семьи. Лишь в 1998 году, когда я начала работать директором нашего музея в моей семье заговорили о том, что многие мои родственники побывали в трудовой армии. И именно здесь в Трудовой армии многие немцы ментониты стали глубоко верующими людьми.

Закончилась война, но многие немцы еще несколько лет не могли вернуться в свои родные края. И даже вернувшись после мобилизации, из Трудовой армии, немцы находились под комендатурой и ежемесячно должны были отмечаться в НКВД.

«Трудармия» нанесла немецкому населению не только физический урон, но, совместно с депортацией и спецпоселением, еще и глубочайшую моральную травму.

Печальная судьба немцев, в частности, трагические страницы военных лет и трудармии должны стать поучительным историческим уроком на будущее. Нельзя допускать произвола и жестокости по отношению к целым народам. Общество должно строго следовать конституционным нормам жизни.

Изучая и исследуя проблему немцев в России и, в частности, трагические страницы «Трудармии» я открыла новые факты, узнала о печальной судьбе моего народа, о надругательстве над честью и достоинством ни в чем не виновных людей, которое продолжалось несколько десятилетий.

В процессе поисков документов и источников, их анализа я впервые почувствовала весь трагизм моего народа. Жизнь многих немецких семей и моих близких была превращена в беспросветную полосу унижений и страданий.

Свое выступление хочу закончить строками из стихотворения «Память» Валентины Вильмс, моей землячки. Ее родители так же познали все тяготы Трудовой армии. И это стихотворение она посвятила немцам - трудармейцам:

*Память человеческая цепкая такая,
Всё хранит, что, может быть, забыть пора.
Да и как забыть? Ведь это юность ваша
В лагерях загубленная кем-то зря.
Отдаётся память в каждом вашем шаге,
Болью в сердце бьёт в колокола,*

*Счастье, вроде ведь вернулись вы из ада,
Но остались ваши там друзья.
Не даёт покоя память трудармейцам,
Ночь бессонная всё воскрешает вновь:
Лагерный режим чудовищный, нечеловечный,
От которого бросает в пот и дрожь...*

Много еще не исследованного, закрытого в проблеме - «Трудовая армия». Но каждое новое воспоминание, новые факты, новые страницы, рассекреченные документы позволяют все глубже изучить этот вопрос.

Использованная литература

1. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. (1940-е годы) / Сост. предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н. Ф. Бугая. – 2-е изд. – М.: Готика. 2000.
2. «NEUE SAMARA AM TOK» Leben in Dorfen. S- 247. Варендорф. 2003.
3. Герман А. А., Курочкин А. Н. «Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941-1945). – 2-е изд. – М.: Готика. 2000.
4. «Из истории оренбургских немцев»: Сборник документов. (1817-1974 гг.). – Оренбург, Москва, Готика. – 2000.
5. Вильмс В.Г. Если чист родник: Стихи. – Оренбург, ОАО «ИПК «Южный Урал», 2006.
6. Воспоминания немцев - трудармейцев. Материалы Подольского историко-краеведческого музея Красногвардейского р-на.

Блинова О.Э. (Бугуруслан)

ТРУДАРМЕЙЦЫ БУГУРУСЛАНА

Что возвращает ко мне память из тех прошлых лет? Самое светлое. Родилась я через год после окончания войны, в 1946-м. в г. Бугуруслане Оренбургской области. Именно здесь, в Бугуруслане, в 1944 году встретились мои родители, будучи высланными сюда, в трудовую бригаду. Смутно, но помню землянку, в которой, по словам родителей мы прожили до 1949-го.

Помню ласковые руки женщины, нянчившей меня. Ее звали Сара. Помню голос ее, он был грудным и спокойным, ее песни. Даже занавеска с выбитыми кружевами на небольшом шкафчике в ее землянке осталась в памяти.

В 1949-м, когда родился брат, родителям разрешили строиться. Через год в небольшой комнатке и кухне нас жило уже семеро, потому что в 1950-м из Казахстана, после мобилизации приехала бабушка (отцова мать) и его сестра со своей дочерью (моей двоюродной сестрой). Пришлось нелегко всем, и питание было скудным (а у кого оно в те времена было отменным?), и тесно было, кому-то доставалось спать на полу, но жили дружно и тихо. Потом, когда повзрослела, я поняла – они были боязливы, и опасливы. Жизнь, которая была их только за принадлежность к немецкой нации заставила их быть такими.

Суровой и немногословной была бабушка, она выстрадала с лихвой. В 30-е годы без вести пропал муж, в 1937-м, по ложному доносу осудили ее сына, Рудольфа (брата моего отца), в дальнейшем она так и не увидит его, он умрет от туберкулеза в лагере. В первые месяцы войны погибает на фронте ее второй сын (Альфред), забирают в трудовую бригаду третьего сына (Эриха-это был мой отец), поезд увозит его в неизвестность и она еще не знает, свидятся ли они. А ее, с дочерью и внучкой, из Сызрани отправили в Казахстан.

Отец тогда, после войны, писал несколько писем, чтобы им разрешили воссоединиться. Так они прибыли в Бугуруслан. Тетя (я очень любила ее, она была доброй и ласковой) вскоре устроилась на работу (вначале разнорабочей, затем штукатуром на стройку), и им дали комнату в бараке. Но меньше нас не стало, потому, что один за другим (в 1951-м, в 1953-м) родились еще двое братьев. Пришлось отцу пристраивать еще комнату. Построили, оббили дранкой и обма-

зали ее быстро, с помощью друзей отца и мамы. Хорошо помню, как все пели они во время работы, как шутили и смеялись

Это была уже другая жизнь. Для них другая. Уже не в лагере, хоть и в бараке. И они потом постепенно строились, создавали семьи. И навсегда они остались друзьями моих родителей. Их сплотила тогда одна общая беда на всех, одна судьба. И они держались друг за друга, помогали в горе, если оно случалось, и переживали так, как будто это было их личное горе. И радость была тоже общей.

Мы, дети, тогда не знали ничего, ни о том, что была какая-то трудармия, что родители наши были совсем из других мест, а сюда были мобилизованы. Мы просто ходили за руку с ними отмечаться в комендатуру, и не понимали, почему это касается не всех. Мы не задавали родителям никаких вопросов, мы просто жили, подрастали, соседствовали рядом с другими нациями, играли с ребятами с соседней улицы в лапту и городки, но почему-то именно в школе нас дразнили «фашист», именно в школе директриса упорно, несколько раз задавала вопрос «Ты, что, немка?», и раздавалось с дальних парт противное хихиканье.

Но все это забывалось, когда мы переступали порог родного дома. Как хорошо, что у нас был свой дом, а не казенная, коммунальная квартира. Здесь мы были одни – могли смеяться и прыгать до потолка, могли плакать навзрыд, не опасаясь, что нарушим покой соседей. В этом доме нас ждало главное – нас встречала всеобъемлющая любовь родителей. ЛЮБОВЬ с большой буквы. Нет, нас не зацеловывали ни мама, ни отец. Нам каждодневно рассказывали, что можно делать, и что нельзя. Что нужно уважать людей, помогать старым и больным, что нужно быть честным. Да много еще чего. Это не были нотации, это проявлялось незаметно, но навсегда оставалось в памяти.

Наши ужины превращались в обсуждение дневных проблем. Здесь было много шуток и подтруниваний, неторопливая беседа. К ужину собирались все - кто с работы, кто – с уроков или с катка. И никогда не садились за стол, пока не придет с работы отец.

Не обходилось и без наказаний. При этом не было ни грубых окриков, ни шлепков. Был просто отцовский запрет «Месяц не пойдем в кино» Это страшно было услышать. Месяц! А кино, какое бы оно не было, было всегда предметом всех мечтаний. В кинотеатре, который был недалеко от нашего дома мы встречались с друзьями и одноклассниками. Мы общались, и лишиться этого общения на ме-

Ужас – это было ужасно! Но никакие уговоры не действовали. Отец был непреклонен. Полагаю, что так он воспитывал в нас ответственность за свои поступки. «Постыдись» - вот и все нравоучения.

Фишлер Эрих Александрович и Фишлер (Фрайер) Анна Робертовна, г.Бугуруслан

Отец... Фишлер Эрих Александрович.

Он был интеллигентным, правдивым во всем, грамотным и жизнелюбивым. Родился в г. Красноармейск Саратовской области в 1907 году. В 20-летнем возрасте уехал учиться в Ленинград. Закончил там совпартшколу, работал зав. отделом в знаменитой «Книжной лавке писателей» (она, кстати, существует и по сей день). В войну защищал Ленинград, работая на оборонной стройке (благодарственное письмо от руководства стройки до сих пор хранится среди других, таких же памятных документов). Была семья – жена, 2 сына, 1930 и 1932 г.р. В 1942–м всю семью выслали в Красноярский край. А оттуда его, как и многих мужчин и женщин из Красноярского края в ноябре 1942 года мобилизовали в трудовую армию, в Бугуруслан.

Это была суровая зима. И не было никакого жилья, кроме наспех сколоченных бараков с промерзлыми нарами. Они строили новые бараки, рыли землянки, но мест все равно не хватало, потому, что эшелоны все прибывали и прибывали.

И здесь, в трудармии, нужна была регистрация прибывающих, регистрация их дальнейшего поселения и места работы. Как человека грамотного, ответственного его назначили табельщиком, был бригадиром. Работал вместе со всеми на тяжелых физических работах, и своей отзывчивостью и тактичностью привлекал к себе людей. К нему шли за советом и помощью. Он и потом, после войны постоянно помогал кому-то, писал запросы, воссоединял семьи, за что и по сей день многие бугурусланцы ему благодарны.

А у самого... Так сложилось, что сюда, в трудармию, из далекой Архангельской области была мобилизована в том же 1942-м Аня Фрайер. Здесь, в бараке они познакомились. Не сразу, только через 2 года он сделал шаг ей навстречу, потому, что не давали покоя ее огромные глаза. Она была небольшого роста, хрупкая. И ему так хотелось всегда помочь ей, защитить.

Та, прежняя семья была далеко, и он не знал, свидятся ли они когда-нибудь. Война все продолжалась, и они, понимая, что каждый день в этом лагере мог стать для них последним (сколько людей умирало тогда от непомерно тяжелого труда, от инфекционных болезней, от истощения), они соединили свои судьбы. И прожили вместе 32 года, пока отец, в 1976-м скоропостижно не скончался. Это были нелегкие, но счастливые 32 года. Они любили друг друга, и в этом был стержень и спокойствие семьи.

Той, первой семье, чем мог – помогал. Отсылал небольшие посылки, сбережения. В 1956-м они (его прежняя семья) вернулись в Ленинград.

Забегая вперед – скажу, что с его семьей (сыновьями) мы познакомились еще при жизни отца, они приезжали в Бугуруслан, и настолько трогательно общались, не тая ни обиды, ни неприязни, что все мы поняли – никто, кроме той страшной войны был не виновен, что семья распалась, и создалась другая, новая. С Эмилией Ивановной (бывшей женой отца) мы встретились чуть позднее. Бывая в Ленинграде, и останавливаясь в их уютной квартире встречали с ее стороны только радушие и приветливость.

С Альбертом и Костей (братьями) видимся почти каждый год. То они приезжают сюда, в Бугуруслан, то мы поочередно ездим к ним. Мы – одна большая семья. Живем общими радостями и невзгодами. Раз два раза в неделю созваниваемся. Нас объединил наш ОТЕЦ, ОТЕЦ с большой буквы. Он был мудрым и отзывчивым, веселым и добрым. Безумно любил жизнь, людей, старался понять каждого и помочь каждому.

Мама - Фишлер (Фрайер) Анна Робертовна.

Эти воспоминания моя мама, написала незадолго до смерти. Простая ученическая тетрадь вместила в себя всю ее нелегкую жизнь. Я решила ничего не менять в орфографии и стилистике. Это были ее мысли, ее воспоминания. Я все оставила, как есть.

«Я, Фрайер Анна Робертовна. 1920 года рождения. Родилась я на хуторе, в 30 км. от Одессы. В 1925 году родители (Фрайер Роберт

Вильгельмович) и Фрайер (Энгель) Каролина Фридриховна купили дом в деревне Выгода, купили его вместе с хозяином, так как он был одинокий, жена и сын его умерли. Мы еще не успели полностью выплатить за дом, как нас в ноябре 1929-го объявили кулаками, из дома выгнали, и сказали – «забирайте, что сможете – остальное будет наше».

Нас было у родителей 6 детей – все девочки. Старшая сестра – 1918 года рождения, я - 1920-го, следом сестры – 1922, 1924, 1926, и самой маленькой было 3 месяца.

Вот так мы оказались «кулаками». Вновь всей семьей вернулись на хутор, к бабушке (это была отцова мать), прожили у нее до февраля 1930-го г. Отец поехал на мельницу молотить пшеницу, вдруг, на полдороге его арестовали и увезли в сельсовет, а утром приехал верховой и сказал, если хотите что-то ему передать, давайте, я увезу. Мать собрала быстро еду, вещи, сложила все в мешок. Известий от отца не было. Через несколько дней пришла и наша очередь. Вновь приехал верховой, объявил, чтобы все быстро оделись, собрали с собой, что сможем, и через 3 часа нас погрузили на 2 подводы, и повезли туда же, в сельсовет, где еще находился отец.

Когда он увидел, что мы едем, он бежал навстречу, и плакал. Заплакали и мы, но отец сказал «Не плачьте, мы не одни, посмотрите, сколько народу привезли, сколько детей»

Через несколько часов нас повезли на станцию, выгрузили всех в большой сарай, было голодно и холодно. Приставили к нам конвой, а вечером, когда стемнело, нас погрузили в товарный вагон – 4 семьи и отправили. В дороге выручала еда, которую успели взять с собой. Ехали мы 7 суток. Глубокой ночью поезд остановился, приказано было выгружаться. И вот, представьте себе, мы из Одессы, где никогда не было холодов, приехали в Вологодскую область. Было морозно, до звона. Прозвучала команда «Вон, вдали голубая церковь – идите туда» А мы все в легких ботиночках. Как идти? Отец постелил на снег свой полушубок, нас, пятерых девочек поставил, обернул периной. Мама стояла с младшей девочкой на руках, и держала сумку с продуктами. Сказал «Постойте здесь, я пойду, поищу лошадь» Вскоре вернулся с лошадьёю, на нее погрузили все пожитки, которые мы брали с собой, а мы пошли пешком.

Подошли к воротам монастыря, это был монастырь «Прилуки», там уже стояла охрана. За воротами оказались длинные бараки, там были сколоченные на скорую руку нары, все доски были мерзлые, стояли маленькие печурки из тонкой жести. Когда их затопили,

стоял сплошной дым, тяжело было дышать. Отец постелил нам перину, сказал «Теперь спите». Бараки были набиты битком, но, что удивительно стояла полнейшая тишина. Люди со страхом чего-то ждали.

Наутро поступил приказ, мужчинам отправляться на лесозаготовки. Отец смог добиться, чтобы нас перевели из барака в церковь, там было теплее и светлее. Выделили на нашу семью нары - 4 м. длиной, 2 шириной, здесь мы все разместились, и даже вещам места хватило. Вечером отца увезли на лесозаготовки, а у нас отобрали все продукты. Была у нас мука, сало, окорок копченый, масло, мед, сахар. Не стало ничего, вместо этого стали давать баланду из ржаной муки и ржаной хлеб. Через месяц умерла младшая сестренка, их много умирало, детей, более 50 в сутки, и тогда пришел указ освободить детей до 18-летнего возраста. В апреле 1930-го за нами приехал мамин племянник и нас вернули домой, там мы жили у родных до 1932 года, а в 1932-м году, когда на Украине начался голод, нас вновь привезли в Вологду. Там, на Украине умерла еще одна сестренка, и в Вологду нас вернули уже четверых. Отец с матерью работали на кирпичном заводе № 5, я и старшая сестра, 1920-го года рождения стали помогать маме катать вагонетки с кирпичами, чтобы она смогла выполнять норму. Младшие были дома.

В августе 1934 года нас опять перебросили в другое место, это была Архангельская область, ст. Коноша. А в пос. Норминга нам дали небольшую квартиру. Отец работал на лесозаготовках, мама - дояркой в колхозе, старшая сестра-на лесоскладе, корила бревна скоблем (там она потеряла 2 пальца на руке). Я – училась в 3 классе, когда отца по ложному доносу арестовали, осудили на 5 лет, и отправили в Коми АССР, в Печору, оттуда он уже не вернулся. Мне еще не было 15 лет, когда я пошла работать нянечкой, в детский сад, потом, когда исполнилось 17, закончила 3-х месячные курсы и стала работать заведующей детскими яслями. Работала до осени 1942-го года.

27 октября 1942 года получила повестку – явиться 29 октября на сборный пункт, на ст.Коноша, в тот же день нас отправили в г.Плесецк, где мы находились 3 дня.. А затем погрузили в товарные вагоны и отправили. Куда? Никто этого не знал. Ехали долго, почти месяц. И вот, 20 ноября 1942 года прибыли в гор.Бугуруслан, куда прибывали и прибывали эшелоны с такими же мобилизованными, в основном молодыми парнями и девушками. Разместили в наспех сколоченных бараках, с промерзлыми нарами. А 22 ноября уже повели строем на работу. Мы, девушки, женщины делали все - траншеи рыли, землян-

ки копали, песок в карьерах грузили, на лесозаготовках работали, по 12 часов. Из еды раз в день был суп с зеленой помидорой, 2 ложки жидкой пшенной кашицы и 600 гр. хлеба.

После того, как я осенью 1943-го надорвалась при погрузке бревен, и отлежала 2 недели в больнице меня перевели на «легкий» труд, в совхоз. Поставили старшей, в бригаде – женщины, девушки, все, кого сняли с тяжелых работ – больные, хромые, слепые, пожилые. На работу ходили пешком за 5 км. Рабочий день был с 7 утра и до 7 вечера. И при этом не имели права съесть хоть картошину, хоть морковку. Был такой случай: отважились все же голодные люди испечь себе несколько картошин, а начальник ОРСа и главный агроном заметили дым в кустах. Вызвали меня, указали на все это, а вечером вызвали в кабинет к начальству. Их там трое сидело, разных «шишек», меня, как преступницу, поставили к стенке, и какими только словами не обзывали, и меня, тех женщин. «Вот – говорили, - вы враги нашего народа. В то время, когда наши люди кровь проливают, вы здесь обжираетесь». Мне был строгий выговор, тем женщинам – по 10 суток гауптвахты. Вот так мы жили, в холоде, голоде и унижении.

В 1944 году здесь же, в трудармии вышла замуж за Фишлер Эриха Александровича. В качестве «свадебного подарка» выделили нам землянку, 5 м. длиной, 1 м.70 см. шириной. Родились в 1945 году у нас две дочки-близняшки. Но прожили недолго, полтора месяца, обе умерли от инфекционной болезни.

Затем, уже после войны, в 1946 родилась еще одна дочь, в 50-годы трое сыновей.

С мужем прожили трудную, но счастливую жизнь. Он рано ушел из жизни, ему было всего 69 лет, мне тогда - 56. Дети выросли достойными людьми, закончили различные учебные заведения, работают, имеют крепкие семьи. Я получаю пенсию. Так и живу в Бугуруслане, в доме, который построили вместе с мужем».

P.S. Воспоминания написаны в 1996-м, мамы не стало в 1997-м.

**Это было недавно, это было давно...
(Из воспоминаний Акст Анны Андеевны)**

Как недавно все это было – залитый солнцем двор в селе Кукус Энгельского района Саратовской области, их дом, согретый заботой и добротой родителей. Родители – Бузик Андрей Андреевич и Анна

*Акст Анна Андреевна,
г.Бугуруслан*

Петровна никогда не сидели сложа руки. Большое хозяйство, пятеро детей - все это требовало усердия и ответственности. Помнит она, Анна, вечера, когда они собирались все вместе за обеденным столом, помнит сестер-Эмилию, Марию, Мину, брата Ивана. И ту родительскую любовь, которую она пронесла через всю жизнь.

Ей было 9 лет, когда осенью 1929 года ее отца, как кулака, выслали в г.Соликамск Пермской области, осудили его на 5 лет. И все рухнуло, не стало в доме хозяина, маме и старшим детям пришлось взвалить на себя нелегкое бремя крестьянского труда. А спустя полгода, 13 марта 1930 года всю осталь-

ную семью выслали в Архангельскую область. Дома осталась лишь старшая сестра, Эмилия. И то только потому, что ее жених, попросив в последнюю минуту разрешения у мамы буквально снял ее с подводы.

Сначала их отправили в г.Котлас, там пробыли до мая 1930-го, а затем взрослых отправили в самую чащобу, в глухой лес. Дали топоры, пилы, и – за работу. По 12-15 часов работали они на лесозаготовках. Потом вышел Указ – малых детей отправить по месту прежнего проживания, или к родственникам. За ними приехал двоюродный брат отца, увез их опять в Котлас.

Вскоре мама, не сумевшая вынести разлуки с детьми решила забрать их, поехала за ними без разрешения, но в Вологде ее задержали и посадили в тюрьму, откуда она уже не вышла. Отчаяние, горе, неизвестность сделали свое дело – она попросту лишилась рассудка, так в той тюрьме и умерла.

Мария, старшая ее сестра и брат Иван работали в леспромхоз. А она, Анна, и Мина, младшая сестра попали в детский дом. Мина окончила там 4 класса, Анна – 7. Отсидев 6 лет вместо отмеренных пяти вернулся из тюрьмы отец, хотел собрать их всех «под свое крыло» и увезти в Соликамск, но власти не разрешили ему этого, вновь отправили в Котлас. Прожил он после тюрьмы недолго, заболел чахоткой, и через 3 месяца умер. Остались они круглыми сиротами.

Их с Миной забрала к себе старшая сестра, Мария. Она к тому времени вышла замуж, и у них с мужем в Котласе уже был хоть и небольшой, но собственный дом.

А перед самой войной 26 апреля 1941 года вышла замуж и она, Анна. Разве могла она подумать тогда, что счастливая их жизнь прервется так внезапно? Война... Ее мужа, Акст Александра Егоровича, в феврале 1942 года забрали в трудармию, в г.Котлас. Он, ее муж, рассказывал ей потом, что там было свыше 15 тысяч таких же, как он, мужчин немецкой национальности. Трудились на лесозаготовках, в голоде и холоде. В 1945-м, когда кончилась война он решил домой не возвращаться, а остаться работать там же. Тогда в марте 1946-го к нему поехала она, а в июне ему объявили, что он свободен. Они вернулись в г.Котлас, но счастье их опять же оказалось недолгим.

Комендатура г.Котласа отправляет их, как трудармейцев работать на приисках в п.Бодайбо. Она, Анна, к тому времени была беременна, в вагоне у нее начались экстренные роды, и медсестра приняла их. Первенец, а это был мальчик, родился слабеньким, и с поезда, в Иркутске, их сняли. Отправили работать в совхоз «Дзержинский», поселили в пос. Весиха. Там было много таких же, как она женщин с детьми, а их мужья, в кандалах были за Байкалом. Но ее Саша был рядом. Он был бригадиром у строителей, в том совхозе они построили много, строили птичники, коровники, дома.

Дали и им казенную квартиру. Один за другим рождались дети. Их было уже пятеро – трое сыновей и 2 дочери, когда их вновь согнали с насиженных мест. По приказу Н.С.Хрущева велено было создать «зону отчуждения», согласно этому приказу их дома не должны были находиться ближе, чем в 15 км от города, а их дом был всего лишь в 9 км. Скотину, птицу разрешили зарезать, увезли корову (правда деньги за нее отдали), и вновь они остались без угла.

Поделились своей бедой с родственниками (они к тому времени были в Бугуруслане), и в ноябре 1959 года переехали в Бугуруслан. Построили свой дом, обзавелись хозяйством. В 1960-м родилась еще одна дочь. В 1991-м не стало Александра Егоровича. Но рядом с ней все ее дети, все шестеро. У нее 16 внуков, 13 правнуков, а всего семья с зятьями, невестками, снохами, ее дружная семья насчитывает свыше 50 человек. Они никогда не обходят ее своим вниманием, советуются с ней. И она счастлива от сознания того, что нужна им. Правительством четырежды награждало ее медалью «Материнство», есть медали «К 60-летию, 65-летию победы над фашизмом».

2 апреля 2010 года Центр немецкой культуры поздравлял Анну Андреевну с днем рождения. Ей исполнился 91 год. Она стояла у истоков создания общества «Видергебурт» в Бугуруслане, ей было под

80, когда она вместе с другими активистами общества обустроивала помещение, которое предоставило им администрация города. При ее непосредственном участии разрабатывались сценарии мероприятий, проводимых на немецком языке. Она пела в хоре и читала стихи. Верит в бога и эта вера помогала и помогает в жизни ей и всем ее близким.

Со мной моя память.... (Из воспоминаний К.И. Бишель).

*Бишель Кристина Ивановна,
г.Бугуруслан*

Я, Бишель Кристина Ивановна родилась 18 августа 1927 года в с.Марьино Успенского района Краснодарского края, в семье служащего. Мой отец – Бишель Иван Иванович работал бухгалтером, мама- Анна Андреевна была домохозяйкой, воспитывала пятерых детей. Дом у нас был большой, рядом – фруктовый сад. Жили мы на берегу реки Кубань, затем переехали к бабушке, в станицу Н.Покровская.

В 1934 году я пошла в школу, а еще через 7 лет началась война. Старший брат, Ваня был в это время в армии. Отца, и всех мужчин-немцев мобилизовали в трудовую армию, а мы – мама, бабушка и еще трое детей, молоде меня остались в станице. Было голодно и страшно, возле домов рыли окопы для укрытий. Почти каждый день прибывали беженцы, их расселяли по домам.

А потом наступило страшное время, когда после Указа Сталина И.В. всех нас, немцев – женщин, стариков детей решено было выселить. Куда – этого никто не знал. На сборы дали 24 часа, с собой можно было взять смену белья и питания на 3 дня.

Погрузили нас в телячьи вагоны, в которых не было даже нар, так сидя и ехали. Доехали до ст. Кущевка, и здесь нас настигла беда – немецкие бомбардировщики принялись бомбить наш поезд. Кто смог – бросился бежать в лес, и наши сопровождающие – военные – тоже, но разрывы бомб настигали людей повсюду. Наконец все затихло. Конвоиры собрали оставшихся людей, приказали сесть в уцелевшие

вагоны. Откуда – то подогнали другой паровоз и нас повезли в обратную сторону – в Сталинград, А еще через 3 дня нас привезли в Казахстан, на станцию Щербакты. Выгрузили, а были страшные морозы. Окоченевших, голодных нас повезли по деревням.

Попали мы (вся семья) в дер. Александровка. Встретил нас председатель сельсовета Сологуб В.И. и взял к себе домой. У него было 2 детей и уже назначена свадьба дочери, но он отложил свадьбу. Он вообще был очень добрым человеком. Никогда не садился за стол без нас. Он старался дать нам какие-нибудь вещи, ведь мы были почти раздетыми. И люди в деревне относились к нам по-доброму.

Но беда вновь подстерегала нас – от кори умерли младшие братишка и сестренка. Остались мы вчетвером. Узнали том, что старший брат Ваня из армии был отозван и мобилизован в г.Копейск, в трудовую армию. Отец в это время находился в трудармии, в г.Свердловске. Известий от него не было. Впоследствии мы узнали, что он тяжело заболел там и умер, Об этом рассказал после войны муж маминой сестры. Умер отец в больнице. Таких, как он там было много, и умирали многие. Их складывали за сарай, а когда трупов накапливалось много, их сбрасывали в заранее подготовленную яму, и бульдозером засыпали.

Вскоре после нашего приезда в Казахстан мобилизовали в трудовую армию вначале брата, Давыда, 1926 года рождения, а следом маму. Узнав о том, что предыдущий эшелон с мобилизованными еще не ушел мама упростила военкома отправить ее вместе с сыном. Так они попали в г.Бугуруслан.

Остались мы с бабушкой вдвоем. Но в августе 1942 года, как только мне исполнилось 15 лет, пришла повестка и мне. На станцию меня провожала бабушка. Из всей нашей большой семьи оставалась она одна.

На станции, в карантине нас продержали 2 месяца, а потом эшелонами отправляли. Привезли нас в зону, она находилась в 12 км от Караганды. Там уже было построено много бараков. В комнатах 2-х ярусные нары, большая печь, которая топилась углем. Держали нас как заключенных – высокий забор, колючая проволока, а по углам вышки с вооруженной охраной.

Работать направили в шахту. Строем на работу, и с работы так же. Одежда – роба и ботинки на деревянной подошве Начальник зоны был очень суровым, наказывал за всякую мелочь.

Смена была по 12 часов, и в день, и в ночь. Помню первую смену – в ночь. Спустились по трапу вниз на 0,5 км. А потом в штрек.

Сверху капает вода, и мы мигом все промокли, но впереди предстояла нелегкая работа - нужно было влезть в небольшое отверстие в лаве и в лежачем положении лопатой выгребать уголь. У меня, как я ни старалась, ничего не получалось, и всю смену я проплакала. А когда после смены поднялись наверх и я увидела небо, то невольно закричала: «Девчонки, мы живы!» А в 8 вечера вновь на смену. Вторую смену я уже меньше плакала, и понемногу научилась справляться с работой, но было тяжело – всю смену мокрые, холодные. Так потянулись день за днем.

В один из дней подходит ко мне начальник смены и говорит: «Кристина, мне нужно ненадолго отлучиться в контору, а тебе поручаю смотреть за работой». В лаве работала рубочная машина, она рубила уголь. Вот за ней и нужно было присмотреть. В 12.30 мы остановили машину, уголь подобрали, и вышли в штрек на обед. А через несколько минут раздался страшный шум – нашу лаву завалило породой. Испуг и радость охватили нас. Испуг от того, что все могли быть погребены в той лаве, и радость от того, что все живы.. Я взяла лампу, и хотела уже бежать «на гора», чтобы сообщить о случившемся, но начальник смены и директор уже бежали мне навстречу с криками «Люди! Люди где?». Когда поняли, что все живы, директор похвалил меня «Ты, Кристина, молодец, всех от смерти спасла». И еще не раз были случаи когда была буквально «на волосок» от смерти, но Бог миловал.

Однажды вызывает нас к себе начальник зоны. Оглядел нас, а мы худые – кожа, да кости. Спрашивает «Вы ели сегодня?». Мы робко «Да». Он как закричит «Вы зачем врете? Официантов застали за расхищением продуктов, вам же почти ничего не оставалось. Я вызвал вас для того, чтобы направить работать в столовую, официантками, но если узнаю, что и вы воруете – тут же в карцер, и под суд. Ясно?». Так мы оказались в столовой. Работа тоже по 12 часов, и тоже нелегко, но тут уже было сухо и тепло. И главное – мы были сыты.

А потом наступил тот день, которого все с нетерпением ждали, день окончания войны, 9 мая 1945 года. Столько было радости и слез. Столько было надежд, что, наконец-то мы все вернемся домой. Но прошел день, второй, месяц, и стало ясно, что с немецкой нации никакие ограничения не сняты. Мы так и продолжали работать.

Очень скучала по маме, братьям. И мама тоже делала все возможное, чтобы мы скорее увиделись. Она писала И.В. Сталину письмо за письмом. После 3-го письма разрешение, наконец, было получено.

Когда я узнала об этом, горько заплакала – денег-то на дорогу нет. Собирали меня в путь всем баракком – кто 3 рубля дал, кто 5. На станции, за 12 км пошла пешком. Прошла бы и 50 км – ведь это был путь к маме. Купила билет до Оренбурга, из Оренбурга до Бугуруслана – на перекладных. Нашлись попутчицы, которые узнав о моей судьбе сжалились, и покормили, кто чем смог. Так я добралась до Бугуруслана. Узнала, где находятся бараки трудармейцев. Нашла женский. Вошла, спросила, где найти маму. Женщины (а они как раз собирались на работу) говорят «Ты Кристина? А мама на станцию побежала тебя встречать. Целую неделю уже встречает». Отвели меня в барак, где жила семья брата, Давыда. Он к тому времени уже женился. Он был на работе, а меня, со слезами радости встретила сноха. Когда вернулась мама, сноха ее спрашивает: «Ну, что? Опять не встретила?» Мама плачет, говорит «Нет, наверное в дороге что-то случилось». А когда увидела меня – зарыдала. Прибежал Давыд, и второй брат, Иван (ему тоже разрешили перебраться в Бугуруслан, в трудармию. Впоследствии он сошьет мне зеленую фуфайку и сапоги). Так началась моя жизнь в Бугуруслане. Дата эта навсегда врезалась мне в память - 25 ноября 1945 года.

Работала я вначале санитаркой в медсанчасти, затем в торговле, а последние 13 лет на Бугурусланском молкомбинате, откуда и ушла на пенсию. Братьев и мамы в живых давно нет. Я живу в своем небольшом доме. Есть дочь, две внучки. И со мной моя память.

Из биографии Амалии Яковлевны Дамер (Гарас)

Родилась 4 февраля 1924 года в селе Сосновка, Энгельского района, Саратовской области в семье Якова Кондратьевича и Амалии Кондратьевны Гарас вместе с сестрой-двойняшкой Софьей. Родились девочки в большой и дружной семье от второго брака, где уже были старшие дети. Всего детей было 16 человек!

Чтобы прокормиться, трудились от зари до зари. У отца было добротное охотничье ружье, с которым он и его старшие сыновья ходили на охоту.

Это ружье и стало причиной черной зависти председателя новоиспеченного колхоза и поводом для раскулачивания многодетной семьи в 1929 году. На сборы дали 12 часов. С собой можно было взять только личные вещи, одежду, продукты.

*Дамер (Гарас) Амалия
Яковлевна, г.Бугуруслан*

Посадили с другими раскулаченными на телеги, довели до Саратова, а оттуда в товарных вагонах отправили в далекую Архангельскую область под город Котлас. До места назначения доехали не все - многие в дороге умерли от болезней и голода.

Раскулаченных никто не ждал, ничем не встречал. Первое время оставшиеся в живых ютились под елями, потом начали сооружать хоть какое-нибудь жилье. Местные жители смотрели на них, как на диких зверей.

Трудолюбивые немцы тем временем складывали печи, запасались лесными ягодами, орехами, грибами. Ловили в ближайших водоемах рыбу. Пытались заниматься охотой.

Отец и старшие братья отработывали на лесозаготовках, мать за кусочки хлеба стирала белье богатым сельчанам. Все время пребывания на Севере жили впроголодь. Дети плохо одетыми, плохо накормленными, в том числе и Амалия с Софьей, ходили в школу пешком по тайге за... 20 километров! Снимали угол у одинокой женщины. Побирались. Подвергались нападению собак, которых злые люди нередко натравливали на детей.

Были и встречи с волками и медведями. Дети знали, если медведь заметит их первым, - они пропали. Раздирали медведи людей в клочья. По этой причине по тайге шли всё время настороже, всматриваясь в каждый кустик. Чуть что - сразу в крик. Крика звери боялись.

В 1938 году отец ушел в тайгу на лесозаготовки и пропал. Звери разорвать его не могли - он хорошо знал их повадки, а вот люди... Но следов никаких не осталось. Жить без отца стало совсем трудно.

Тем временем девочки учились. И учились хорошо, особенно Амалия - на одни «пятерки». Мечтала стать учительницей. Тут грянула война...

20 октября 1942 года работоспособных (и несовершеннолетних девочек тоже) немецкой национальности, в том числе Амалию, числом 90 человек собрали, посадили в товарные вагоны и через всю европейскую часть России повезли в неизвестном для них направлении.

Ехали долго, больше месяца, но за все это время им лишь дважды дали есть. Из вагонов не выпускали. От голода, холода, болезней и вшей люди начали умирать. Их выбрасывали из вагонов на снег.

Близка к смерти была и Амалия – на правой руке у нее развилась туберкулез кости. Но это никого из конвоиров и сопровождающих не волновало и не интересовало.

22 ноября 1942 года оставшиеся в живых оказались в Бугуруслане. Из последних сил начали копать себе землянки, кто-то участвовал в строительстве барачков. Начали осваивать рабочие профессии. Амалии досталась работа штукатура. За баланду и кусочек хлеба работать приходилось с раннего утра до позднего вечера. Многие не выдерживали, умирали. Их хоронили в общей яме, которую по весне худосочный трактор заваливал землей. Места захоронений затеряны.

Амалия по складу характера была боевой, жизнерадостной, смелой, чем от губительного для многих уныния и спасалась. А с учетом ее умения работать, быть справедливой и честной, скоро избрали бригадиром девушек-штукатуров, которых тут же все прозвали «гарастами». Самым трудным для Амалии было делить хлеб и крошечные пайки между изголодавшимися подружками. Все хотели есть. А поели - сразу начинали петь: весело, задорно, громко. Но по лицам текли горькие слезы...

Так (кто выжил) дожили до конца войны.

Многие вышли замуж. В том числе и бригадир. Появились малыши - с работы пришлось уйти. Подрабатывала шитьем, пробивкой узоров, стиркой. Поставив на ноги дочек, пошла работать техничкой в магазин от ОРСа НГДУ «Бугурусланнефть».

И поскольку Амалии Яковлевне всегда до всего было дело - не только полы мыть, но и ящички с макаронами поднести, мешки с мукой-сахаром подтащить) словом, всем, чем можно, помочь продавцам – ее младшим продавцом и назначили. Через короткое время - старшим.

За добросовестный труд отмечена десятками благодарностей, ценными подарками, Почетными грамотами, Знаками «Ударник коммунистического труда», медалью «Ветеран труда». Занесена в Книгу Почета ОРСа НГДУ «Бугурусланнефть», неоднократно заносилась на Доску Почета.

Оставила трех дочерей, которые осуществили мечту матери - все получили педагогическое образование и трудятся сегодня учителями и воспитателями, 5 внуков и 6 правнуков. Похоронена рядом с мужем Иваном Фридриховичем Дамер на Баймаковском кладбище.

Из биографии Ивана Фридриховича Дамера

Дамер Иван Фридрихович, г.Бугуруслан

Родился 19 августа 1925 года в селе Красный Яр, Энгельского района, Саратовской области, откуда был этапирован в 1941 году в город Бугуруслан Чкаловской области. По воспоминаниям родных и близких, его, как и всех советских немцев, постигла участь трудармейца с той разницей, что он был несовершеннолетним. Но скидка на это практически не делалась. Исполнял самую черную, самую трудную и неблагодарную работу, недосыпал, недоедал, на ногах переносил болезни.

Многие его сверстники суровые условия труда и быта не выдержали - умерли в лазаретах или погибли на производстве, закопаны, как падший скот, неизвестно где. Иван выжил благодаря природному здоровью, умению не падать духом в самых сложных обстоятельствах. Он верил в справедливость, которая обязательно должна была совершиться, в лучшее будущее, в людей. И не ошибся.

Его добросовестное отношение к работе, невероятную исполнительность и уважительность к старшим, внимание к младшим и забота о более слабых были замечены. Зачислили рабочим нефтяных скважин треста «Бугурусланнефть». Производственная и бытовая жизнь от этого легче и лучше не стала, но появилась возможность проявлять себя в относительно цивилизованных условиях труда.

Он внес несколько рационализаторских предложений, усовершенствовал ряд приемов и способов ведения производственных операций, не допускал промахов в работе - с детства любил технику, умел с нею обращаться. Ему начали присваивать производственные разряды, объявлять благодарности, премировать, он был награжден ценными подарками и поездкой на ВДНХ. Выделили для покупки новую модель «Жигулей», что в те времена было редкостью. По путевке выезжал в Болгарию.

В послевоенные годы его портрет не сходил с Доски Почета Бугурусланского Управления буровых работ, которому он отдал луч-

шие годы своей невыносимо трудной жизни, чем и заслужил уважение руководства, почет среди товарищей по совместному труду.

По воспоминаниям Ивана Фридриховича, как ни трудно жилось репрессированным, но жизнь свое брала. В трудармии он встретил свою первую и последнюю любовь - Амалию Гарас. В День Победы 1945 года они поженились.

Жить было негде. За колючей проволокой в своей землянке их приютили такие же молодожены, как они, Зада и Петр Маэт. Как смогли, наладили быт, и через два года 30 апреля 1947 года у Ивана и Амалии родилась первая дочь – Нина.

В землянке и зимой, и летом было холодно, сыро, душно. Доямали голодные крысы. Потому колыбельку приходилось держать под самым потолком, чтобы твари не загрызли малышку.

Скоро молодые родители обзавелись своей землянкой, а в 1949 году им выделили комнатку в бараке, где у них появились еще две дочери: Лиля - в 1950 году и Таня - в 1954. Жизнь после войны налаживалась, но советским немцам по-прежнему запрещали говорить на родном языке, не разрешали вести переписку с родными и близкими, выезжать за пределы города и т.д.

Лишь смерть Сталина дала возможность начать поиски родителей, братьев и сестер, разбросанных по всей стране. К сожалению, многих не нашли, судьба их неизвестна.

Узнали только, что родители Амалии из Архангельской области были высланы в КазССР в село Урицкое. Сестра-двойняшка Софья всю войну проработала где-то на севере под конвоем - с ранней весны до зимних заморозков по пояс в воде сплавляла лес по реке Северная Двина. По рассказам знакомых, погибших и умерших на сплаве каждый день вывозили санями. Софью парализовало. Болезнь приковала ее к постели. Не дожив до сорока лет, она умерла.

Долгое время разыскивали двоюродных сестер Ивана Фридриховича - Софию и Анну Янсон. Отыскали только в 1967 году, причем почти рядом - в городе Октябрьский Башкирской АССР, который они подростками и строили: валили лес, таскали бревна, цемент, кирпич, месили раствор... делали все, что прикажут, часто недоедая в тех же промозглых землянках. Сейчас в живых никого нет.

Родителей Ивана Фридриховича этапировали в Красноярский край – село Большой Косуль, Боготольского района, Родного отца - Фридриха Дамер - забрали в НКВД еще в 1939 году. Сведений о нем после ареста не сохранилось. Остаток жизни мать Ивана - Юлия кля-

ла себя за то, что она родилась немкой на горе себе и всей своей семье. Внучки так и не смогли увидеть ни одного дедушки. Но отец часто рассказывал им о родном селе - богатом, чистом, красивом, утопающем в яблоневых садах. Яблок было так много, что ими кормили скот.

Родовой дом Дамер стоит в селе Красный Яр на том же месте до сих пор. На той же стене в нем висят и отсчитывают время старинные часы. Только живут в доме совсем другие люди.

Несладкой оказалась и жизнь детей бывших трудармейцев. Особенно больно и обидно было слышать ничем не заслуженные оскорбления: «фашисты», «гитлеровцы», «фрицы»... Да и само слово «немцы» звучало как пощечина.

Тем не менее все три дочери И.Ф. Дамер получили педагогическое образование, стали учителями и воспитателями, о чем мечтала их мама, в свое время лучшая школьница села - Амалия. Сегодня она бы с радостью узнала, что у нее 5 внуков и 6 правнуков. Но...

Как и многим, если не всем, невыносимые условия труда и быта в трудармии в годы Великой Отечественной войны, постоянные тяготы жизни, бесконечные ограничения и частые унижения репрессированных не могли не подорвать и крепкое от природы здоровье Ивана Фридриховича. У него открылась гипертония, начали болеть сердце и почки. По выходу на пенсию он тяжело заболел и 22 мая 1982 года в возрасте 56 лет скончался. Похоронен на Баймаковском кладбище. Мир праху его. Царство небесное. Память вечная. Он этого достоин.

Шмидт Л.Р. (Орск)

ТРУДАРМЕЙЦЫ ОРСКА

В годы Великой Отечественной войны г. Орск являлся одним из крупных промышленных центров, жители которого ковали Победу. Неслучайно поэтому то, что на орские предприятия и стройки было направлено большое количество трудмобилизованных немцев. Далее представлены собранные статьи воспоминания и биографические материалы лишь о немногих из них. Но в судьбах этих людей отразилась и история советских немцев и история всей страны.

Риффель Роберт Богданович и Риффель (Гоффер) Роза Рафаиловна¹

Риффель Роберт Богданович, г.Орск Риффель Роза Рафаэловна, г.Орск

Мои родители, Риффель Роберт Богданович, рожденный в 1920 году, и Риффель (урожденная Гоффер) Роза Рафаиловна 1923 года рождения были призваны в трудовую армию из Джамбульской области в Гурьевскую, а впоследствии направлены на спецпоселение в Орск, город, где им было суждено встретиться, полюбить друг друга и прожить (в любви и согласии) 40 лет.

И действительно удивительная и трогательная история: в суровое и страшное военное время, когда вся страна воевала на фронте и в тылу, когда молодые девушки и парни в трудармии, выполняя невероятно тяжелые работы в мороз и жару, мечтали о том, чтобы сыт-

¹ Из воспоминаний Пеньковой (Риффель) Эльвиры Робертовны, 1944 года рождения

но поест и выспаться, когда национальность «немец» в глазах окружавших людей становилась «позорным клеймом», когда, казалось, сил ни на что не оставалось, двое полюбили друг друга! Еще не был известен исход войны, еще никто не знал, что ждет впереди, а у них в 1944 году родилась я. Вот так и получилось, что молодость, любовь и жизнь победи войну! И как ни было трудно, они были счастливы, потому что все трудности и невзгоды уже преодолевали вдвоем - и тогда и потом!

Ушли из жизни они очень рано: папа погиб в 1984 году, мама скончалась через четыре года после смерти отца, так и не дожив до своей полной реабилитации. Обоим им было по 64 года. Они стойко выдержали все тяготы лагерной жизни, получили образование и никогда не сетовали на свою судьбу в силу жизнелюбия, сопутствующего им на протяжении всей их непродолжительной, но насыщенной и яркой жизни. Доброжелательность, честность, порядочность и непомерная любовь к труду - качества, которыми сполна были наделены мои родители.

Отец долгие годы работал в тресте «Центроспецстрой» мастером, затем, после окончания вечернего отделения Орского строительного техникума, прорабом, начальником участка на различных строительных объектах таких городов, как Орск, Гай, Пермь, Ижевск и Краснодар. Наградой же за многолетний труд и безукоризненную репутацию стали многочисленные премии, присужденные моему отцу Министерством строительства РСФСР.

Мама до 1950 года также занималась работами, связанными со строительством, затем поступила в Нефтяной техникум, закончив его в 1954 году. Будучи единственной студенткой, имевшей по всем дисциплинам «отлично» на протяжении всех учебных лет, она должна была быть направлена в Уфимский нефтяной институт для продолжения образования, чего, однако, не случилось вследствие принадлежности к немецкой национальности. Я очень хорошо помню, как в один из вечеров мои родители обсуждали дальнейшую перспективу обучения в Уфимском институте, колебания мамы и решительное «нужно ехать» отца. Каково же было их обоюдное разочарование, когда препятствием к этому стало не наличие к данному моменту двух детей, а национальная принадлежность. Несмотря на барьер, воздвигнутый судьбой, моей маме все же удалось получить высшее образование, успешно окончив Всесоюзный заочный политехнический институт. К этому времени она уже была матерью троих детей. Умело сочетая преподавательскую деятельность (по окончании института она стала препода-

вателем органической и аналитической химии), работу председателя цикловой комиссии по химическим дисциплинам, а также руководителя городской секции химиков с работой по дому и воспитанием детей, она являла собой прекрасный образец матери и специалиста в своем деле. Многие выпускники-аналитики, обучавшиеся у нее, признают себя обязанными ей своими отличными знаниями, отзываются о ней с уважением и помнят ее.

Нам же, трем дочерям, родителям удалось привить любовь к книгам и искусству, тягу к знаниям; помочь получить высшее образование, хотя сделать это было не просто, и все, что мы сейчас имеем, я считаю, это благодаря нашим родителям, их трудолюбию, заботе, неиссякаемой энергии, любви и преданности нам, а также России, при этом, не забывая о своей национальности и гордясь ею.

Как известно, чтобы оставить след на земле, человек должен построить дом, посадить дерево и родить ребенка. И мои родители в полной мере выполнили свое земное предназначение: их след не стираем и глубок. Наша семья становится все больше и больше, уже у наших детей появились дети, но никогда не забыть нам, и память эту мы передаем внукам, о счастливых встречах всей семьи на выходных и праздниках под кровом построенного нашими родителями дома, а летними теплыми вечерами под сенью посаженного ими сада.

Владимир Юльевич и Лина Людвиговна Курценбаумы

Курценбаумы Владимир и Лина, г.Орск

*Курценбаум
Юлий, г.Орск*

Владимир Юльевич родился в Баку. Сын комиссара полка, он мечтал о военной службе, успел перед войной закончить 2 курса школы военно-воздушных сил. Но началась война, и семья Курценбаумов была выслана в Казахстан, затем в Кемеровскую область. Владимир Юльевич в тяжелейших условиях работал в угольной шахте, на лесоповале под зорким оком вооруженной охраны. Из трудовой армии Владимир Юльевич освобожден только в 1947 г., его реабилитировали и наградили медалью за вклад в победу в Великой Отечественной войне.

В Орске Владимир Юльевич работал на нефтеперерабатывающем заводе и других предприятиях. Награжден медалью за доблестный труд. Суровые условия труда и быта не сломили Владимира Юльевича. С юных лет он увлекался музыкой, играл на аккордеоне, балалайке и других инструментах в эстрадном оркестре при ДК Нефтехимиков, руководил струнным оркестром нефтяного техникума. В настоящее время Владимир Юльевич является активным участником хора «Фройндшафт». Он всегда бодр, доброжелателен, является хорошим примером для молодежи.

Лине Людвиговне также пришлось нелегко. С 16 лет работала на строительстве установок нефтеперерабатывающего завода разнорабочей. После войны закончила курсы бухгалтеров, и до пенсии работала бухгалтером в ОАО «Орскнефтеоргсинтез».

Всю жизнь супруги Курценбаум прожили рука об руку, поддерживали друг друга, делили заботы и радости. Они воспитали двух прекрасных сыновей. Виктор Владимирович и Александр Владимирович имеют звание «Заслуженный газовик Оренбургской области». Трое внуков имеют высшее образование. Младшей правнучке 6 месяцев, а старший правнук готовится служить в армии.

Пфейфер Яков Вениаминович и Пфейфер (Ландес) Эрнестина Антоновна

Я, Пфейфер Виктор Яковлевич, 1936 года рождения, попробую рассказать о своих родителях.

Мой отец — Пфейфер Яков Вениаминович — родился 25 июня 1897 года в деревне Нойцюрихталь Феодосийского района Крымской области. Там же в 1910 году окончил сельскую школу. Затем поступил в 4-х классное училище в соседней деревне.

В 1918 году отец окончил техникум в Симферополе и до осени 1923 года работал учителем в родной деревне. С 1924 года работал учи-

гелем в деревне Цюрихталь. С 1931 года преподавал биологию и физику.

В 1924 году отец женился на моей маме — Ландес Эрнестине Антоновне.

В 1936 году работал учителем в Желябовской средней школе.

В семье отца было 8 братьев, трое из которых работали учителями, остальные работали в колхозе.

В 1938 году двоих братьев репрессировали и выслали в Казахстан, в Семипалатинскую область.

В августе 1941 года, в связи с началом Великой Отечественной войны, отца эвакуировали в Ставрополье, где он работал преподавателем в школе. 13 октября 1941 года его выслали в Новосибирскую область. В этом же году из Сибири отца призвали в трудармию.

До 1943 года мама получала от отца письма, а с 1943 года письма приходиться перестали, и что с ним стало, мы не знаем.

Моя мама — Пфейфер Эрнестина Антоновна (в девичестве Ландес) родилась 17 сентября 1900 года в деревне Нойцюрихталь Феодосийского района Крымской области. Там же окончила сельскую школу. Работала на сельхозработах.

В 1924 году мама вышла замуж за Пфейфера Якова Вениаминовича. В 1936 году у них родился сын Виктор, а в 1938 году — дочь Тамара. С этого времени мама стала домохозяйкой.

В августе 1941 года мама вместе с детьми была эвакуирована в Ставрополье, а в октябре 1941 года их выслали в Сибирь. В 1943 году её призвали в трудармию, а двоих маленьких детей оставили в Сибири с братом отца, который был инвалидом.

В трудармии мама работала на подсобном хозяйстве ЧМЗ Челябинской области. Летом к ней привезли детей. Там было много таких женщин.

Летом все жили в палатках, а зимой в землянках. Причем, палатки и землянки были рассчитаны на всех, как общежитие. Для каждой матери с детьми были отдельные нары. В зимнее время все дети находились в постелях, на нарах, потому что не было теплой одежды.

Позже мы с мамой жили в поселке Магнитка и поселке Озеро Зюраткуль, недалеко от г. Сатка Челябинской области. Жизнь была голодной и холодной. Там мама работала на стройке.

В 1950 году нас по вызову маминой племянницы перевели в г. Орск. Из Сатки в Орск мы ехали через Челябинск, и нас сопровождал сотрудник НКВД. Но в Орске выйти из поезда нам не разрешили, а привезли в Оренбург. Из Оренбурга до Орска мы добирались сами.

Денег на билеты у нас не было, помогли чужие люди.

В Орске мы жили в семье у маминой племянницы. С весны 1950 года работали на подсобном хозяйстве. Мне было 14 лет, и я тоже работал.

В декабре 1950 года меня приняли учеником слесаря по ремонту автомобилей в гараж СМУ-8 треста «ЦентроСпецСтрой». У мамы были проблемы со здоровьем, и она не могла больше работать. На мою зарплату ученика мы жили втроем: мама, я и сестра. Учеником я работал до того времени, пока мне не исполнилось 16 лет. Учился я в вечерней школе. Жить было очень трудно.

Начиная с 1951-1952 гг. людям стали выделять участки земли под сады-огороды. Это было большим подспорьем.

В 1957 году я окончил 10 классов вечерней школы и в ноябре этого же года меня призвали в армию. Мама с сестрой остались без средств к существованию. Пенсию маме не платили. Родственники писали в военкомат о таком тяжелом положении, и меня уволили в запас из армии по семейным обстоятельствам. Отслужил я только 2 года, а срок службы в то время был 3 года.

На службу я попал в г. Канск Красноярского края, в учебную роту стрелков-радиостов. Но там меня не оставили. Я думаю потому, что я немец по национальности. Было очень обидно. Так как когда проходил медкомиссию, в книжке было написано: «годен к летно-подъемной службе», здоровье позволяло, образование было 10 классов. Но не допустили.

В 1963 году мама умерла.

Об отце так ничего и не удалось узнать. Хотя мы писали в разные места. До января 1956 года наша семья находилась на спец.учете в комендатуре, т. к. мы были репрессированы.

В 1956 году нас реабилитировали.

Ирма Антоновна Кассовская. Воспоминания

Как до боли мне знакомы Саратовские товарные вагоны. Через Волгу нас везли не зная зачем, не зная куда. Помню слезы стариков, отцов и матерей, крик и плач своих друзей. Все я помню как вчера, 14 лет мне было тогда. 28 августа 1941 года Указ Верховный Совет издал, немцев всех в Сибирь сослал, Горкин, Калинин подписал. В грязных товарных эшелонах 16 суток нас везли, и в Томскую область привезли, там на баржу погрузили, по Оби нас две недели возили. Вши нас мучили, тогда холод был, голод и чесотка не забыты никогда. В Дергачи нас привезли, всех в неводник (это большая лодка) погрузили. Через речку перевезли, коменданту передали, строго строго наказа-

ли, отпечатки с рук взяли, расписаться приказали: из деревни – никуда. Ссылку навечно объявили, по бригадам разделили, на работу определили. Кому валить, кому пилить, кому сучья рубить, строго норму выполняй, пайку хлеба получай.

Ирма Антоновна Кассовская, г.Орск

Это было на Востоке, в районе Каргаска, могилы рыли там большие квадратные, такие, места всем хватало там: полякам, немцам, латышам. Осенью могилы рыли, а весной их зарыли. К кедрю досточку прибили, красным суриком начертили: «Спите, братцы, все спокойно, родные помнят вас всегда, не забудут никогда». Возле могилы там большой похоронен дед мой родной. Прости ты, дедушка, меня, не в силах мне посещать Тебя!

Шмидт Виктор Георгиевич

Мой дед по отцовской линии Шмидт Георгий окончил школу красных директоров, занимался продрозверсткой, затем продналогом. Работал в Москве, затем по состоянию здоровья в Крымщине. В 1938 году был арестован и в течение короткого времени осужден тройкой и расстрелян в Крымских горах.

Отец мой – Шмидт Виктор Георгиевич, родился в селе Добреньки в республике немцев Поволжья. После развода родителей жил то у отца, то у матери, то у мачехи. Последние годы жил в интернате. Пред отправкой в Сибирь работал в Саратовском порту грузчиком.

В 1941 году забрали в трудармию в г.Анджеро-Суджинск, работал в шахте, был страшный голод. В тюрьме для уголовников кормили

лучше. Чтобы выжить целенаправленно бросил работу, и был осужден на 7 лет. В 1945 году был освобожден, но был осужден еще на 6 месяцев, так как отказался принудительно строить новую зону (кодекс эзков).

Дед по материнской линии – Рупп Вильгем воевал во время гражданской войны в красных партизанах, затем работал в городе Бальцер охранником на небольшом предприятии. В 1941 году умер в трудармии в Пермской области от диареи.

Мать моей матери, Рупп Амалия Петровна (в девичестве Кропп) в 1941 году осталась одна с 4-мя детьми в далекой Сибирской деревне, чудом выжили.

Юнкер Карл Петрович

Юнкер Карл Петрович 01 марта 1923 года рождения. Призван в ряды Советской Армии 12 сентября 1942 г. Однако, в действительности он был этапирован с политическими заключенными в г.Орск. По прибытию в г.Орск отец числился в числе политических заключенных, однако, в списках нигде не состоял, но на отметки в спецкомендатуре ходил. Вместе с политзаключенными работал на ЮУНК, паспорта не имел, на ЮУНК отработал до 1973 года. На основании Постановления СНК СССР и ЦК ВКПб № 2060-935с от 12.09.1941 Юнкер К.П. был подвергнут политической репрессии по национальному признаку, как лицо немецкой национальности. В 1942 году мобилизован в трудармию в г.Орск Оренбургской области, где был поставлен на учет спецпоселения и находился на учете до 1956 года. На основании п. «В» ст.3 Закона РФ от 18.10.1991 «О реабилитации жертв политических репрессий» Юнкер Карл Петрович реабилитирован.

Ледекер (Неккер) Эльза Георгиевна

Ледекер (Неккер) Эльза Георгиевна, 1923 года рождения, уроженка Крымской области.

В 1941 году выселена в Джамбульскую область. В 1942 году была мобилизована в трудармию и направлена в Гурьевскую область. В октябре 1943 г. прибыла на спецпоселение в г.Орск Оренбургской области.

Снята с учета спецпоселения 13.01.1956. По окончании школы в 1941 г. мечтала поступить в медицинский институт в г. Симферо-

поль и стать врачом. Но свою мечту стать медработником осуществила в 1955-1957 гг., окончив Орское медицинское училище, имея уже 2-х детей. Работала старшей медсестрой лор.отделения, затем старшей медсестрой МСЧ з-да им.Чкалова. Стаж работы в этом учреждении 41 год. В 1945 г. вышла замуж за Ледекер Антона Ивановича, который прибыл в Орск также по мобилизации, работал в строительной организации СУ-6 «Центроспецстрой» прорабом, начальником участка.

Прожили в совместной жизни 51 год.

Снята с учета спецпоселения в 1956 году, после этого смогла посетить свою родину. Реабилитирована в 1991 году.

Майер Рейнгольд Яковлевич

Мой отец, Майер Рейнгольд Яковлевич, родился в 1924 г. в селе Алт-Веймар (старая Иванцовка) Палласовского района Волгоградской области в семье Якова и Анны-Лизбет Майер.

В семье было 11 детей, но я знаю только пятерых – остальные умерли в детстве.

Мой отец учился на каменщика. Когда началась Великая Отечественная война всю семью депортировали в Сибирь, в Алтайский край.

Но моего отца ждала другая судьба, не менее, а может быть и более трагическая, чем у тех российских немцев, кто попал в трудовую армию.

Эшелон, на котором отправляли депортированных, долго не отправляли, и отца, как самого молодого, отправили на поиски хлеба. Когда он вернулся – состав уже ушел.

В комендатуре, куда он пришел заявить о том, что отстал от поезда, его объявили дезертиром, и он был направлен на север, на Калыму, где и прошли семь долгих лет каторжного труда (осужденные строили аэродромы, валили лес). Жив остался чудом.

В 1948 году отец вернулся в Алтайский край, где и прожил до конца своей жизни.

(Майер Лилия Романовна)

Антонова Фрида Федоровна

Родилась в семье рабочего 29 января 1926 г. в селе Куттер Бальцерского района Саратовской области. Образование – 7 классов. В 1934 г. переехали семьей в г. Медногорск. В 1941 г. выслали в Домбаровку.

В 1942 г. забрали в трудармию в г.Орск на стройку в Нефтегазстрое, после на завод Чкалова (нефтеперерабатывающий завод). Награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Аман Елизавета Генриховна

Родилась в семье крестьянина 11 мая 1920 г. в селе Александровка Кошкинского района Самарской области. Образование – 10 классов, курсы немецкого языка (1940 г.), работала учительницей до 1942 г.

В трудармию забрали в сентябре 1942 г. в г.Орск. Работала на строительстве нефтеперерабатывающего завода землекопом, учетчицей, потом выучилась на бухгалтера и работала в ЖКО бухгалтером до выхода на пенсию в 1975 г. Награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Бенгель Ольга Ивановна

Родилась в семье рабочих 6 июня 1924 г. в деревне Выгода Бельковского района Одесской области. Образование – 7 классов.

В 1941 г. выслали в г.Орск, работала на строительстве нефтеперерабатывающего завода, потом лаборантом в нефтяном техникуме.

Бабий Леонида Федоровна

Родилась в семье рабочих 10 декабря 1925 г. в г. Красногоровка Марьинского района Донецкой области. Образование – 9 классов.

В 1941 г. выслали в Акмолинскую область Казахстана. В 1942 г. призвана в трудармию в г.Орск. Работала на шлакоблочном заводе табельщицей, потом мастером. С 1948 г. в туберкулезном диспансере сестрой-хозяйкой до выхода на пенсию. Имеет медаль Ветерана труда.

Вольф Елизавета Яковлевна

Родилась в семье крестьянина 19 февраля 1913 г. в селе Шилинч Бальцерского района Саратовской области. Образование – 2 класса.

В 1933 г. выехали с семьей в Горьковскую область, потом в Куйбышевскую область. В трудармию призвали в 1942 г. в г.Орск на строй-

ку. С 1962 г. на пенсии. Награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Брекинг Амалия Филипповна

Родилась в семье рабочих 6 июня 1926 г. в селе Бальцер Кугорского р-на Саратовской области. Образование – 5 классов.

В 1931 г. переехали в Московскую область, в 1934 г. переехали в Ашхабад. В 1943 г. призвали в трудовую армию в Челябинскую область г.Коркино пос.Роза на строительство в шахте. В 1950 г. переехала в г.Орск. Работала в СМУ-8 треста «Центроспецстрой» землекопом, с 1963 г. работала на заводе им.Чкалова помощником оператора. В 1971 г. вышла на пенсию. Имеет 2 медали «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Сельбах Барбара Христофовна

Родилась в семье крестьян 26 сентября 1918 в с.Семеновка Камшинского района Волгоградской области. В 1941 г. эвакуировали в Ташкентскую обл. совхоз Похтаорал. В 1942 г. призвали в трудовую армию в г.Гурьев, потом в Орск. Награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

Вексель Валентин Августович

Родился в семье крестьян 1 марта 1924 г. в с.Николаевка Н-Вольнского района Житомирской области. В 1935 г. отца арестовали, отсидел 5 лет. В 1963 г. переехали в Запорожскую область, Михайловский район, в с.Хохштадт. Образование – 9 классов. В 1941 г. выслали в Актюбинскую область, рудник Кимперсай, работал на стройке Кимперсайского рудника. В 1948 г. переехали в г.Орск на Никельстрой, работал столяром. С 1955 г. работал машинистом компрессора на кислородной станции. С 1969 г. по 1984 работал в трамвайном управлении слесарем. Награждена медалью «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны».

С песней по жизни¹

Иногда в этой квартире раздается веселая задушевная музыка и слышится мужской голос. Раньше это случалось чаще. Когда-то

¹ Ирина Бусурманова, Орская газета. №.11 (693). 2012. 14 марта

Христиан вместе с отцом и братьями выступал прямо на улицах Орска. Этот семейный ансамбль знал весь город.

У них пели всегда, несмотря ни на какие тяготы, потому что песня дает веру, надежду в самые отчаянные минуты. За чашкой чая с горячими пирожками эти скромные люди – Христиан Иванович и Мария Константиновна – поведали много интересного о своей жизни.

Родился Христиан в большой немецкой семье Шубертов на Украине в с. Маревка близ города Днепропетровска 22 июня 1925 года.

«Маревка – это маленькая деревня с домиками из красной глины и соломенными крышами, – вспоминает Христиан Иванович, – но огромное удовольствие мы, детишки, получали от рыбалки на реке Ворона. Бегали за ягодами, грибами».

Когда Христиану исполнилось 16, началась Великая Отечественная война. Семью эвакуировали в с. Талица под Семипалатинском.

«Год я проработал трактористом, – продолжает рассказывать Христиан Иванович. – В 1942-м отца мобилизовали в трудовую армию в Свердловскую область, маму в Архангельскую, а меня в Кемеровскую область в город Киселевск. Я трудился шахтером по 12 часов. Проработал до 1946 года и по причине сильного изнеможения был отправлен домой. В родном селе оставался лишь младший братишка, да и тот скитался. Спасибо добрым людям, которые помогли нам. А в 1947-м я встретил свою судьбу – Марию Константиновну, с которой создал семью».

Через год вся семья Шубертов обосновывается в Орске, так как старшая сестра Христиана в годы войны жила здесь.

«Сколько было радости, когда мы собрались вместе – мама, папа, братья, сестры! – продолжает Христиан Иванович. – Вот так мы оказались в Орске. В нашей семье все играют на музыкальных инструментах – на гитаре, балалайке, скрипке. Даже в годы войны нам удалось их сберечь. Выступали семейным оркестром не только перед знакомыми и родными, но и на улицах Орска. Да, это были добрые и радостные времена», с теплотой в голосе вспоминает Христиан Иванович.

В 1948 году он устраивается слесарем на завод им. Чкалова, на котором бессменно проработал 40 лет. За достигнутые показатели в работе неоднократно удостоивался чести быть занесенным на Доску почета. С 1988 по 1998 гг. работал плотником в ДК нефтехимиков.

В прошлом году Христиан Иванович и Мария Константиновна отметили 65-летие совместной жизни. Они воспитали двоих детей. У них есть внуки и правнуки, которые постоянно навещают. На заслуженном отдыхе Христиан Иванович увлекается разведением цветов. Мария Константиновна вяжет макраме, вся квартира — в оригинальных салфетках, вазах, накидках. В 80-е годы была организована персональная выставка ее работ в ДК нефтехимиков.

Вот такие замечательные, талантливые, творческие, добрые люди живут в нашем городе.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НЕМЦЕВ-ЛЮТЕРАН ОРЕНБУРЖЬЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД*

В первые десятилетия советской власти некогда многочисленная лютеранская община Оренбургского края резко уменьшилась благодаря массовой эмиграции на историческую родину в Германию и страны Прибалтики городского немецкого населения, принадлежавшего к имущим классам. В рамках провозглашённого большевиками курса на постепенное искоренение религии из общественной жизни в 1931 г. было репрессировано духовенство, а в 1936 г. закрыта единственная на весь регион лютеранская кирха г. Оренбурга, которая оставалась для верующих консолидирующим духовным центром. В результате небольшие лютеранские группы с элементами традиционной обрядности сохранились только в сёлах, основанных немецкими колонистами ещё до революции на территории современного Соль-Илецкого района.

Однако в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. за счёт депортированных лиц в Чкаловской (Оренбургской) области стремительно сформировались новые городские немецкие общины, прежде всего, в Орске и Соль-Илецке. Так же как это было во время Первой мировой войны, с началом боевых действий уже советские немцы снова попали под подозрение в сочувствии напавшей на СССР Германии всего лишь на основании их национальной принадлежности. В результате Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г. было принято решение о ликвидации Автономной Республики немцев Поволжья и их тотальном выселении в районы Русского Севера, Казахстана, Средней Азии и Сибири. В сентябре 1941 г. военнотружущих Красной Армии немецкой национальности стали снимать с фронта и отправлять в тыл. Наконец, по постановлениям Государственного Комитета Обороны от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 г. всех советских немцев трудоспособного возраста (мужчин от 15 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет) подвергли принудительной мобилизации в рабочие колонны, которые позже получили название Трудовой армии. Из мест своего жительства они переводились в

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

специальные лагерные зоны, оборудованные по нормам ГУЛАГа, для работы на строительстве промышленных объектов, жилья, инженерных коммуникаций, железных дорог, на рудниках и лесозаготовках. В Чкаловской (Оренбургской) области трудмобилизованные немцы из других регионов размещались в Бугуруслане, Домбаровке, Орске и Соль-Илецке.

Так, в октябре 1942 г. на строительство Орского нефтезавода направили 1300 немцев: 475 человек из Башкирской АССР, 250 – из Челябинской, 225 – из Свердловской, 150 – из Куйбышевской (ныне Самарской), 100 – из Молотовской (ныне Кировской) и 100 – из Тамбовской областей. В ноябре-декабре 1942 г. на строительстве № 2 «Главнефтестроя» был задействован уже 2801 гражданин немецкой национальности. По данным на январь 1943 г., к Орской конторе «Главнефтестроя» были приписаны в общей сложности 3500 советских немцев. В феврале 1943 г. из Средней Азии приехали мобилизованные в Трудовую армию женщины, которых направили на заводы № 322 (машиностроительный) и № 257 (механический), где по состоянию на май 1944 г. трудились 308 немцев. В августе 1943 г. на строительство нефтеперерабатывающего завода в Орск перевели в полном составе Ишимбайскую монтажную контору, в составе которой насчитывалось 150 немцев. В ноябре 1943 г. приехали ещё 70 мобилизованных немцев из города Краснокамска Молотовской области¹. Тогда же из Гурьевской области в Орск перебазировали строительство № 14 Центроспецстроя, состоявшее в основном из немецких рабочих. Они были заняты на сооружении нефтезавода, жилых домов, водоводов и коллекторов². В 1942–1943 гг. на комбинате «Чкаловуголь» в Соль-Илецке и Домбаровке работали 390 трудармейцев немецкой национальности. После окончания войны в Соль-Илецке активно селились советские немцы с территорий освобождённых Днепропетровской, Запорожской и Одесской областей Украины³. Большинство из них работало на соляном руднике и кирпичном заводе. Даже победа над Германией не дала депортированным советским немцам возможности вернуться домой. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. все они объявлялись переселёнными в новые районы «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Это предполагало необходимость ежемесячно отмечаться в спецкомендатурах с установлением уголовной ответственности за самовольный переезд. В результате на территории Чкаловской (Оренбургской) области к 1949 г. остались принудительно расселёнными

2512 немецких семей общей численностью 11879 человек. Все ограничения на их передвижения были полностью отменены лишь в 1972 г.⁴

Среди депортированных немцев, оставленных на жительство в Орске и Соль-Илецке, большинство составляли меннониты и католики, но имелись и лютеране. Со снятием лагерного режима содержания они стали тайно собираться в 1950-е годы для проведения религиозных обрядов в рабочих бараках и общежитиях Орска, за что подвергались преследованиям властей. С 1952 г. в Соль-Илецке образовалась объединённая религиозная община церковных меннонитов и лютеран. На протяжении многих лет её численность оставалась стабильной: в 1956 г. – 92 человека, в 1960 г. – 92, в 1965 г. – 95, в 1972 г. – 97, в 1976 г. – 95 человек⁵.

Продолжали функционировать и небольшие сельские группы верующих в Соль-Илецком районе из числа коренного немецкого населения. В 1960–1980-е годы были отмечены лютеранские общины в сёлах Дружба (10–16 человек) и Смирновка (16 человек). Их основу составляли женщины пожилого возраста, которые собирались вместе очень редко, только по большим церковным праздникам (на Рождество и Пасху), а также для проведения похорон и поминовения умерших. В отсутствие рукоположенных священнослужителей они ограничивались духовным пением и чтением молитв на немецком языке по дореволюционным изданиям и рукописным сборникам⁶. Малочисленные группы лютеран в сельской местности также объединялись для проведения религиозных обрядов с представителями других конфессий. Например, по данным 1969 г., в селе Дружба Соль-Илецкого района они собирались вместе с католиками под руководством Елизаветы Петровны Лейер (1906 года рождения), которая использовала печатный немецкий молитвенник 1800 г. и объёмистую тетрадь с молитвами и песнями⁷.

С середины 1970-х годов Советское государство изменило своё отношение к деятельности религиозных групп немецкого населения, которые прежде жёстко преследовались. Постановлениями Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 8 августа 1974 г. и 28 августа 1975 г. было рекомендовано ставить такие объединения на государственный учёт и регистрацию для установления реального контроля над верующими и ухода от конфронтации, разжигающей антисоветские настроения. Этой возможностью тут же воспользовалась объединённая религиозная община церковных меннонитов и лютеран г. Соль-Илецка, подавшая в 1975 г. заявление о постановке на учёт⁸.

8 июня 1976 г. она купила дом на ул. Урицкого, 34, который по договору с местным исполкомом был передан прихожанам в пользование и перестроен под молитвенное здание. Наконец, 5 июля 1977 г. религиозная группа была поставлена на государственный учёт. В отсутствие собственного священнослужителя её духовно окормлял пастор **Петерс**, который приезжал из г. Мартук Казахской ССР. Проповедниками же в самой общине служили без права совершения таинств: в 1977–1986 гг. – **Иван Адамович Фризен**, а после его отъезда в 1986–1996 гг. – **Готлиб Феттер** (1917–29.05.2012)⁹. Под их руководством верующие собирались для чтения проповеди и молитвы 3–4 раза в неделю. К 1980-м гг. численность прихожан сократилась и составляла: в 1980 г. – 52 человека, в 1984 г. – 51, в 1985 г. – 53, в 1986 г. – 52 и в 1989 г. – 52 человека¹⁰.

В городе Орске при регистрации объединённой общины баптистов и меннонитов в 1971 г. к ним примкнули и местные лютеране, чтобы иметь право легально собираться на молитву¹¹. Однако либерализация государственной этноконфессиональной политики позволила им поставить вопрос о выделении своей самостоятельной общины. В 1977 г. верующие подали документы на государственную регистрацию, но получили отказ¹². Тем не менее, с 1980-х гг. они стали собираться на молитву отдельно 1 раз в неделю под руководством собственного проповедника **Рейнгольда Грамса** в частном доме по ул. Каховской, 78. В 1980–1984 г. местная лютеранская община насчитывала уже 58 человек¹³. 8 апреля 1986 г. инициативная группа горожан немецкой национальности в составе 24 человек подала новое ходатайство об официальной регистрации лютеранской общины г. Орска. На этот раз его поддержали горисполком, облисполком и уполномоченный Совета по делам религий по Оренбургской области Г. М. Юдин, который отметил, что «религиозное общество лютеран в г. Орске действует многие годы» и лояльно относится к власти. Постановлением Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 24 июня 1986 г. № 7/1 была официально зарегистрирована местная лютеранская организация. Её составляли преимущественно женщины пенсионного возраста немецкой национальности. Председательницей исполнительного органа общины была избрана Фреда Вильгельмовна Креккер (1912 года рождения), а проповедником в 1986–1997 гг. служил **Эвальд Фридрихович Гульц** (1910 года рождения)¹⁴. Орские лютеране, привыкшие скрывать свою религиозную жизнь от преследований со стороны атеистического государства, вливались в официально

разрешённую организацию постепенно. Если при регистрации в 1986 г. она объединяла 40 человек, то в 1989 г. – 45, а в 1990 г. – 56 верующих¹⁵.

Таким образом, в первые десятилетия советской власти некогда многочисленная лютеранская община Оренбургского края резко уменьшилась благодаря массовой эмиграции на историческую родину в Германию и страны Прибалтики городского немецкого населения, принадлежавшего к имущим классам. В рамках провозглашённого большевиками курса на постепенное искоренение религии из общественной жизни в 1931 г. было репрессировано духовенство, а в 1936 г. закрыта единственная на весь регион лютеранская кирха г. Оренбурга, которая оставалась для верующих консолидирующим духовным центром. В результате небольшие лютеранские группы с элементами традиционной обрядности сохранились только в сельских населённых пунктах, основанных немецкими колонистами до революции на территории современного Соль-Илецкого района. Однако в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Оренбургской области стремительно сформировались новые городские немецкие общины в Орске и Соль-Илецке за счёт депортированных лиц, среди которых имелись лютеране. С 1950-х гг. они стали негласно собираться для проведения религиозных обрядов, нередко объединяясь по причине своей малочисленности с представителями других конфессий: меннонитами, баптистами и даже католиками. Либерализация политики атеистического Советского государства по отношению к религиозным группам немецкого населения, переход от их преследования к регистрации для установления более эффективного государственного контроля позволили легализоваться лютеранским общинам с 1977 г. в Соль-Илецке и с 1986 г. в Орске. Ко времени распада Советского Союза лютеране Оренбургской области вплотную подошли к возрождению полноценной религиозной жизни, которому препятствовало отсутствие рукоположенных пасторов с правом совершения таинств, подменявшихся проповедниками для проведения общественной молитвы.

Примечания:

¹ Моргунов К. А. Трудовая мобилизация и специфика правового положения немецкого населения Чкаловской области в военные и послевоенные годы // Южный Урал в годы Великой Отечественной войны. Национальная и этноконфессиональная политика: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2010. – С. 141–166.

² Нижник Е. Трудармейцы в Орске // Орская хроника. – 2002. – 25 мая. – № 134–135.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 617. Оп. 1. Д. 401. Л. 25.

⁴ Моргунов К. А. Трудовая мобилизация немецкого населения на Южном Урале в военные и послевоенные годы // Современное состояние межэтнических и этноконфессиональных отношений в регионах России: проблемы повышения толерантности населения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2007. – С. 157–188.

⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 337. Л. 3.

⁶ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 402. Л. 15; Д. 408. Л. 22; Д. 415. Л. 12; Д. 432. Л. 16.

⁷ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 292. Л. 13.

⁸ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 409. Л. 21.

⁹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 411. Л. 22; Возрождённые из пепла. История Евангелическо-Лютеранской общины города Соль-Илецка // Надежда. – 2012. – № 73. – С. 4.

¹⁰ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 431. Л. 49; Д. 440. Л. 135–137; Д. 450. Л. 96.

¹¹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 409. Л. 21.

¹² ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 411. Л. 4.

¹³ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 431. Л. 38 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 467. Л. 1–11.

¹⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 450. Л. 83; Д. 486. Л. 49.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩИНЫ НЕМЦЕВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Сложная религиозная ситуация, сложившаяся в современной России, существующие проблемы в государственно-конфессиональном и межконфессиональном взаимодействии, отсутствие четкой и продуманной концепции государственной политики в вероисповедной сфере обращают исследователей к необходимости учета накопленного в этой области исторического опыта. История взаимоотношений государства и религиозных объединений в последние годы – одна из приоритетных тем в отечественной историографии. Исследование проблемы предполагает конкретно-исторический анализ деятельности каждого из участвовавших в процессе взаимодействия государственных и религиозных институтов как в целом в Российской Федерации, так и в каждом отдельно взятом регионе, в различные временные отрезки. В представленной статье предпринята попытка проследить ситуацию, сложившуюся вокруг верующего немецкого населения на Южном Урале в 1940 – 1950-е гг.

По своей религиозной принадлежности значительное число верующих российских немцев относилось к меннонитам, последователям протестантской секты, возникшей в XVI в. в Голландии, откуда она получила распространение в Германии, США, Канаде, Франции и других странах. На территории России появление меннонитов было связано с прибытием первых колонистов из Германии в XVIII в. К концу XIX в. на Урале в результате переселенческого движения, связанного с образованием дочерних (к поволжским) колоний немецкое население значительно выросло. Согласно переписи 1897 г. количество немецкоязычных жителей в Оренбургской губернии составляло 5457 человек [1].

После 1917 г., вследствие того, что меннониты придерживались религиозных догм, таких как отказ от воинской службы и участия в общественно-политической жизни, они не подлежали официальной регистрации в СССР, их организации считались незаконными и находились под контролем органов государственной безопасности.

Среди меннонитов по особенностям религиозных догм выделялось два самостоятельных течения «Евангельская церковь», в среде которых большую роль играли старшие проповедники (богослуже-

ние проводились по воскресным дням, не возбранялось курение и посещение культурных учреждений) и более многочисленная «Братская община», в которой служба и пение проходили на немецком языке (догматические особенности аналогичны баптистским). Большинство молитвенных домов представителей евангельской церкви в Чкаловской области закрылись в 1927 г. после отъезда семей, составлявших ядро этого направления. Оставшихся верующих приняли в «Братскую общину» без прохождения крещения. Молитвенные дома функционировали до 1931 г., когда с согласия верующих были временно заняты под пункты «Заготзерно». Впоследствии помещения регулярно засыпали зерном, а молитвенные собрания, несмотря на запреты, проводили в частных домах.

Борьба с религиозностью российских немцев стала одним из направлений репрессивной политики советского государства. Религия не случайно была выбрана в качестве объекта преследований – в ней сосредоточилась основа этнической культуры немцев. Уход в религию становился своеобразным сопротивлением тоталитарному режиму. Основным объектом преследования являлись проповедники. В частности, в 1937 г. репрессировали менонитского проповедника из с. Донское Буртинского (Беляевского) района Я.Ф. Мартенса (реабилитирован в 1989 г.). В 1938 г. ряд проповедников подверглись репрессиям, это обезглавило общины, но их деятельность не прекратилась [2]. Согласно данным Всесоюзной переписи 1939 г. на Южном Урале проживало в Челябинской области – 4489, в Чкаловской (Оренбургской) области – 18594, Башкирской АССР – 6030 немцев [1].

В военные годы, в годы депортации, призывов всего мужского, а затем и женского населения в трудовую армию, условия которой ничем не отличались от лагерей строгого режима, возрастает религиозность немцев. Они становятся «одним самых религиозных народов СССР» [3]. Ущемление национальных чувств на фоне отрицательного отношения к немцам вообще усиливало стремление к религиозному объединению. С 28 августа 1941 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», все советские немцы становились спецпереселенцами. Многих немцев, депортированных из западных районов СССР в Сибирь и Казахстан, а также проживавших в Сибири и в других регионах, в мобилизационном порядке перевели в трудовую армию на Урал, где они содержались в условиях лагерного режима. Основанием для их привлечения к принудительному труду послужили По-

становления ГКО СССР от 10 января, 14 февраля и 7 октября 1942 г. Взрослое немецкое население Чкаловской области мобилизовали в трудовые батальоны или привлекали на промышленное строительство. 20 марта 1942 г. в трудармию призвали военнообязанных мужчин и юношей из немецких сел, 12 ноября – женщин и девушек. Так, по неполным данным только из 14 сел Переволоцкого и Покровского районов Чкаловской области 432 человека направили в шахтерский городок Коркино Челябинской области. В Чкаловской области зоны «мобилизованных немцев» размещались в Орске, Бугуруслане, Соль-Илецке и с. Домбаровка Домбаровского района численностью контингента 4743 человек. Советские немцы, мобилизованные в промышленность, содержались на территории Челябинской области в отдельных зонах – в Каслях, Челябинске, Копейске, Коркино, Вахрушево, Еманжелинске, а также в Полтавском районе общей численностью 13932 человека по данным на 1 января 1944 г. На территории Башкирской АССР они дислоцировались в районах городов Ишимбай, Куганак, Стерлитамак, Туймазы, Уфа численностью 5543 человек на тот же период времени [4]; [1].

Сохранять принадлежность к религиозной организации в условиях существования трудовой армии было сложно. Но оказавшись в тяжелых бытовых условиях, немцы еще больше тянулись к вере. Так, в Челябинске создание общины меннонитов началось в 1942 г. из состава трудармейцев. В 1945 – 1946 гг. стали проводиться регулярные собрания. Руководили меннонитами В. Фризен, И. Буллер, Э. Шеллинг, А. Дик, Э. Комник и другие. Собирались группами не больше пяти человек. В послевоенные годы среди интернированных и эвакуированных граждан стали возникать церкви в бараках. Без священников, без проповедников, в углу барakov и в землянках они читали друг другу шепотом, что помнили. Молитвы с детства знали наизусть [5].

Элементом, активизирующим религиозные настроения в среде немцев, стали спецпоселенцы и переселенцы, перемещенные из других областей. К примеру, в п. Соль-Илецк Чкаловской области прибыли из Днепропетровской, Запорожской и Одесской областей 70 немецких семей (верующих 350 – 400 человек). Во время Великой Отечественной войны они находились на оккупированной территории. Насильственных переселенцев приняли Бугуруслан и Орск, где были оборудованы специальные поселки. В Домбаровке и Соль-Илецке немцы жили при шахтах. Обращение к национальным, культурным

традициям сопрягалось с большими трудностями. Говорить на своем родном языке в годы войны и в первые послевоенные годы немцы могли лишь дома, и то с опаской [6].

В апреле 1946 г. когда трудовая армия была ликвидирована, немцев перевели на спецпоселение под административный надзор территориальных органов МВД. В послевоенный период все больше проявляются стремления меннонитов не просто объединиться в общину, но и получить возможность осуществлять легальную деятельность. Определенную роль в этом сыграли и изменения, произошедшие в отношениях государства и доминирующих конфессий в годы Великой Отечественной войны.

В Чкаловской области первое ходатайство об открытии молитвенного дома поступило в июне 1946 г. от верующих с. Плешаново Люксембургского района. Возглавил религиозное движение старший агроном Люксембургской МТС Герхард Яковлевич Дерген. Среди других инициаторов – И.А. Янцен, К.А. Дик, в Переволоцком районе – П.Я. Зименс. Однако, меннониты не подлежали официальной регистрации в СССР из-за догматических ограничений (например, отрицание службы в рядах Советской Армии). Все их организации считались незаконными и находились под строгим контролем со стороны органов государственной безопасности. Дальнейшее существование общины могло осуществляться или в продолжении нелегальной деятельности или вхождение в конфессионально родственную зарегистрированную общину.

В связи с этим, некоторые верующие стремились перейти в менее преследуемые общины, в ряды евангельских христиан баптистов. При этом принимались догмы ЕХБ, но службы и молитвенные пения проводились на немецком языке. Характерно, что первоначально верующие немцы ходатайствовали об открытии меннонитских молитвенных домов, но получая отказы, обращались с просьбами о регистрации баптистских общин. Такие заявления в 1948 г. поступали из сел Клубниково Переволоцкого района и Плешаново Люксембургского района Чкаловской области. Ходатайства подписали соответственно 93 (среди них подписи женщин составили 78%) и 174 (98%) жителей близлежащих селений. В Переволоцком районе инициатором ходатайств верующих ЕХБ стал Г.М. Унрау, которого с 1941 – 1946 гг. выслали в г. Коркино Челябинской области на строительство угольных шахт. Вернувшись в 1946 г. в Переволоцкий район, Генрих Мартынович год возглавлял колхоз им. К.Либкнехта, но впоследствии его

сняли с должности председателя, а затем исключили из колхоза за развал трудовой дисциплины. В Челябинской области активными организаторами баптистских групп стали переселенцы из западных областей Украины и Белоруссии, перемещенные в порядке трудовой мобилизации. К примеру, среди спецпоселенцев г. Миасса деятельность сектантов «оживилась» после приезда немца Х.К. Кремера. Молитвенные собрания проводились на частных квартирах, в отдельные дни собирались 30 человек. 19 марта 1948 г. Советом по делам религиозных культов было дано указание №355 о более глубоком изучении перехода меннонитов в ЕХБ [7].

Активное распространение религиозных меннонитских идей наблюдалось в местах компактного расселения немцев в конце 1940-х годов в Чкаловской области: в Люксембургском, Покровском, Переволоцком, Павловском, Белозерском и Александровском районах. О пристальном внимании со стороны органов государственной безопасности и партийных властей свидетельствуют архивные документы, согласно которым наибольшую активность проявляли меннониты в Сорочинском, Новосергиевском, Шарлыкском районах. На их территории действовало 39 групп, более 2000 участников, 77 проповедников. В Люксембургском районе в с. Плешаново располагался молитвенный дом евангельской церкви, в селах Донское и Луговское – братской общины. В Переволоцком районе соответственно в селах Степановка и Клубниково, в Покровском – села Карагуй, Суворовка и Претория. Свидетельством подъема религиозных настроений среди меннонитов стало проведение в 1949 г. объединенных собраний верующих из колхозов им. К. Маркса, «Рот-Фронт» и «Красная Претория». В населенных пунктах Люксембург, Подольское и Богомазово Люксембургского района верующие периодически собирались, в Праздник урожая, число участников достигало 500 человек. (Праздник урожая традиционно устраивался после посевной, церковь или молитвенный дом украшались плодами нового урожая, устраивались народные гуляния.) Молитвенные собрания проводились регулярно в домах верующих в воскресные дни по два – три часа, в дни религиозных праздников – несколько раз в день. Так, в рабочем поселке Соль-Илецк Чкаловской области для этих целей использовали 40 квартир. В связи с отсутствием большого помещения собирались одновременно в нескольких домах по 40 – 60 человек. Социальный состав участников включал детей, верующих с 18-летнего возраста, глубоких стариков [8]. Религия для многих становилась единственным

источником национальной культуры, средством защиты национальной самобытности.

Ограничение легального функционирования молитвенных домов приводило к тому, что в ряде населенных пунктов систематически проводились «нелегальные сборища». Наибольшую активность проявляли группы меннонитов в селах Люксембургского и Белозерского районов. В Покровском районе регулярно проводились молитвенные собрания в поселках Суворовка, Претория, Карагуй, Юнгштурм, Камышовка, Черноозерка, Зеленовка, в которых принимали участие от 100 до 470 меннонитов [9]. В качестве активных проповедников выступали П.П. Эпп, тракторист по роду деятельности, А.И. Дик – плотник, П.Д. Литке – завхоз, Г.Г. Янцен – шофер, П.Г. Берген – конюх сельпо, Г. Абрам – свинарь, И.И. Дик – колхозник. По мнению А.И. Ипатова, стремление проповедников устроиться на должности скотников, сторожей и т.д., позволяло «без отрыва от производства читать религиозную литературу и готовиться к проповедям, представляло возможности для усиления личных контактов» [10, С. 173]. По свидетельству Уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Чкаловской области В.В. Опитина, на молитвенных собраниях против советской власти не выступали, но допускались высказывания подобного рода: «нас держат в цепях, не разрешают молиться и переселяться» [11].

В руках руководителей групп сосредотачивалась основная масса рукописной и печатной религиозной литературы; конспекты проповедей, планы и графики проведения молитвенных собраний, списки членов общин, адреса иногородних меннонитских лидеров, переписка с другими общинами. Поэтому репрессиям подвергались в первую очередь меннонитские проповедники. В 1948 – 1952 гг. в Чкаловской области ряд «сектантских авторитетов» привлекли к уголовной ответственности за антисоветскую деятельность. Впоследствии выслали еще 14 проповедников, но появлялись другие. Возвращаясь из лагерей и тюрем, лидеры меннонитских общин вновь активизировали религиозную жизнь. Как свидетельствуют документы органов КГБ «в каждом немецком селе и поселке меннониты объединялись в нелегальные действующие общины и группы во главе с советами общин из 8 – 10 сектантов». Несмотря на преследования, верующие не отказывались от своих убеждений, собирались на моления в лесопосадках и конспиративных местах. Большая часть среди верующих представлена женщинами. По указу Министерства внутренних дел СССР из 13

немецких колхозов Люксембургского района Чкаловской области в мае 1949 г. было выселено свыше 200 человек. Так, в колхозе «Рот-Фронт» осталось только двое мужчин и 15 трудоспособных женщин, в колхозе им. В.П. Чкалова 5 мужчин и 25 женщин [12].

Произошедшее с середины 1950-х годов ослабление тоталитарного режима в стране, отразилось и на положении советских немцев. Ликвидация режима спецпоселения в середине 1950-х годов активизировала миссионерскую деятельность проповедников, привлекавших на собрания не только немцев, но и украинцев. Тесные контакты между меннонитами были не только внутри религиозных групп, они стремились поддерживать отношения с единоверцами из других регионов. К примеру, проповедники из Покровского района Чкаловской области общались с руководителями общин Люксембургского, Александровского, Белозерского районов и имели постоянные связи с меннонитами Челябинской области. Я. Классен, А. Зудерман, проповедники из Соль-Илецка, контактировали с представителями Кировской, Омской, Молотовской и других областей. Проповедник Г.Ф. Фот из Молотовской области неоднократно приезжал в Соль-Илецк для совершения обряда крещения [13].

Определенное влияние на религиозное движение оказывало в этот период и распространение «сектантской» литературы. Многие немцы вели переписку с родственниками, проживавшими в Америке и Канаде, получали посылки с религиозной литературой. Установление дипломатических отношений с ФРГ в 1955 г., укрепило связи с зарубежными менонитскими центрами, рассылавшими воззвания и статьи.

«Оживление в среде сектантов» проявлялось в активизации работы с молодежью. Активы менонитских общин и ЕХБ в Чкаловской области, в противовес широкой антирелигиозной пропаганде, проводили мероприятия, направленные на расширение социальной базы. Так, в с. Подольское Люксембургского района И. Мартенс организовала драматический кружок и ставила спектакли религиозного содержания для участников секты и всех желающих. В с. Романовка Белозерского района представители молодого поколения под руководством А.И. Гесс отказывались посещать сельский клуб, кино и библиотеку, «считая это большим грехом». При общинах функционировали струнные оркестры и хоры. Молитвенные собрания сопровождалась игрой на фисгармонии и аккордеоне. В с. Красиково Люксембургского района М. Герцен организовала курсы кройки и шитья, готовила

постановки с библейскими сюжетами, разучивала с детьми религиозные стихи, песни, гимны (меннониты признавали песни только религиозного содержания). Религиозные постановки проходили в селах Богомазово Люксембургского района и Степановка Переволоцкого района. Особое негодование у государственных органов вызывала благотворительная деятельность меннонитов и проведение рождественских праздников. К примеру, 25 декабря 1956 г., проповедники Покровского района Дик и Берген для школьников, детей верующих организовали елку с раздачей подарков [14].

К концу 1950-х гг., по оценкам уполномоченных Совета по делам религиозных культов, в составе многих немецких общин присутствовала значительная доля молодежи. Немецкие общины, в том числе и немецкие группы, были достаточно молодыми в демографическом отношении. Так, один из руководителей группы верующих ЕХБ г. Орска Н. Гроднюк подвергся аресту НКГБ «за проведение антисоветской агитации и разложенческой работы» среди молодежи. В религиозной группе, состоящей из 69 членов, более 20% составляли молодые люди [15]. Влияние этой общины было заметным в г. Новотроицке, на Аккермановском руднике, в среди немцев.

Под давлением Совета по делам религий пленум Всесоюзного совета ЕХБ (ВСЕХБ) в 1959 г. принял «Положение о союзе ЕХБ в СССР» и «Инструктивное письмо старшим пресвитерам». Эти документы ограничивали расширение численности общин, рекомендовали свести крещение молодежи в возрасте от 18 до 30 лет к самому минимальному количеству, вводили целый ряд ограничений, касающихся канонической жизнедеятельности. Запрещалось крестить студентов, военнослужащих, учащихся, допускать на молитвенные собрания детей [16]. Фактически эти документы противоречили основным баптистским принципам. Подобные ограничения послужили поводом к расколу внутри ЕХБ.

Несмотря на предпринимаемые меры по борьбе с религиозными сектами среди немецкого населения, в конце 1950-х годов наблюдается новое оживление религиозной активности меннонитов на территории Южного Урала. Так, в Чкаловской области, где представители меннонитов компактно проживали в Люксембургском, Александровском, Адамовском, Белозерском, Покровском, Переволоцком и Соль-Илецком районах действовали 12 групп, каждая из которых насчитывала от 35 до 100 человек, в с. Сузаново Покровского района до 300, в колхозе им. К. Маркса – до 900 человек [17].

Особую роль в среде меннонитов играла семья. К религиозной культуре приобщали детей: по вечерам и воскресным дням обучали «божьей грамоте». Библейские школы действовали в селах Степановка, Карагуй Переволоцкого района Чкаловской области. Для изучения религиозной литературы составлялись календарные планы чтения Библии. К примеру, в Александровском районе религиозные семьи должны были за полугодие изучить «Ветхий Завет». Выполнение проверялось активами общин. Последовательное воспитание конструктивных черт характера: стремление к аккуратности, негативное отношение к алкоголю, трудовое воспитание приносили позитивные плоды. Меннонитские общины отличались дисциплиной и сплоченностью. К примеру, в 1954 г. в колхозе им. М.И. Калинина Переволоцкого района Чкаловской области сгорела конюшня, меннониты попросили не отдавать под суд виновного в этом заведующего фермой и в течение одного месяца построили другую. Даже будучи занятыми на многих тяжелых и трудоемких работах, члены общин стремились обязательно выполнять задание.

Преследование немцев по религиозным мотивам в той или иной форме стало одним из направлений репрессивной политики государства, а объединение в религиозную общину и обращение к религиозным традициям в 1940–1950-е годы позволяло сохранять элементы традиционной культуры российских немцев в иноконфессиональной и иноэтнической среде. Религия являлась духовной опорой, которая помогала многим немцам пережить депортацию, трудовую мобилизацию. Общины выступали в роли своеобразных очагов национальной культуры, следили за религиозным воспитанием и моральным обликом своих соотечественников.

Обращение к изучению опыта взаимодействия государственных институтов и религиозных организаций в прошлом может помочь избежать повторения прежних ошибок и может способствовать созданию более совершенной современной модели государственно-церковных отношений, которая в наибольшей степени будет содействовать созданию атмосферы толерантности в отношениях между представителями различных конфессий, между верующими и неверующими, и таким образом, способствовать формированию гражданского общества в России.

Примечания

1. Кириллов В.М., Маламуд Г.Я. Немецкое население Урала и трудовая мобилизация // <http://www.rusdeutsch.ru/?tagil=2&put>

2. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНННННН). Ф.371. Оп.12. Д.137. Л.16.
3. Вебер, В. Советские немцы: сохранить веру вопреки судьбе // На пути к свободе совести. – М.,1989. – С.373.
4. Потемкина, М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны (на материалах Урала) // Отечественная история. – 2002. – №3. – С.148–156; ЦДНННННН. Ф.371. Оп.12. Д.137. Л.14.
5. Белочкин, Е. Бог посреди народа Своего в г. Челябинске // Евангелист. – 2006. – №3.
6. ЦДНННННН. Ф.371. Оп.19. Д.185. Л.57; Вебер, В. Советские немцы: сохранить веру вопреки судьбе // На пути к свободе совести. – М., 1989. – С.373.
7. ЦДНННННН. Ф.371. Оп.12. Д.137. Л. 5 – 7,6,17,19; Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). П.Ф.288. Оп.18. Д.30. Л.32.
8. ЦДНННННН. Ф.371. Оп.14. Д.173. Л.18; Оп.19. Д.185. Л.57.
9. Из истории оренбургских немцев. 1917 – 1974 гг. М., 2000. С.237.
10. Ипатов, А.И. Меннониты. – М., 1978. – С.211; ЦДНННННН. Ф.371. Оп.17. Д.207. Л.70.
11. ЦДНННННН. Ф.371. Оп.14. Д.173. Л.18; Оп.19. Д.185. Л.14,15.
12. ЦДНННННН. Ф.371. Оп.14. Д.173. Л.18; Оп.17. Д.207. Л.70 Оп.33.Д.80.Л.17;
13. ЦДНННННН. Ф.371. Оп.19. Д.185. Л.17,58.
14. ЦДНННННН. Ф.371. Оп.19. Д.185. Л. 13 – 14, 17, 57; Ф.788. Оп.5. Д.8. Л.15.
15. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.617. Оп.1. Д.173. Л.45; Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп.125. Д.506. Л.55.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.6991. Оп.4. Д.133. Л.13.
17. РГАСПИ. Ф. 556. Оп. 15. Д. 25. Л. 18.

НЕМЕЦКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮЖНОГО УРАЛА В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Особым направлением реализации государственной национальной политики в послевоенные годы являлась продолжение репрессивной политики по отношению к отдельным этническим общностям. В Оренбургской (до 1957 г. – Чкаловской) области они в основной своей массе были представлены немцами – бывшими трудармейцами.

Ожидаемая немцами-трудармейцами после завершения войны демобилизация не была объявлена. В октябре 1945 г. несколько изменился режим содержания мобилизованных немцев. С зон была снята охрана, ликвидировалось ограждение, а жилищно-бытовые условия формально приравнивались к условиям жизни прочих рабочих предприятий. Приказом НКВД от 8 января 1946 г. немцы-трудармейцы были окончательно переведены на положение спецпереселенцев, зоны были ликвидированы, мобилизованные немцы получили право размещаться в общежитиях и могли вызвать к себе свои семьи.

Бытовые условия жизни немцев оставались крайне тяжелыми. Так, рабочие 1-го участка треста № 1 Главнефтестроя, располагавшегося в г. Орске, значительную часть которых составляли немцы, жили в непригодных помещениях, сараях, котельных, подвалах. Сарай были старыми, из-за прогнивших досок в одном из общежитий обвалилась крыша. Практически все помещения находились в аварийном состоянии. Но даже и такого жилья не хватало. На человека в среднем приходилось по 2 кв. м. жилой площади. Многие рабочие не имели матрацев и были вынуждены спать на голых досках. Отсутствовали условия для стирки белья, не хватало одеял, простыней, полотенец¹.

Из 6736 мобилизованных немцев, занятых на работах в Чкаловской области к августу 1946 г. абсолютное большинство находилось в ведомстве министерства строительства топливных предприятий – 5112 человек. Еще 1076 немцев трудились на предприятиях министерства нефтяной промышленности. К министерству топливной промышленности относились 268 мобилизованных и еще 280 немцев находились в подчинении министерства сельхозмашиностроения.

*Молодежь из с.Красиково (г.Орск, июнь 1946 г.)**

Спецпереселенцы из с.Богомазово в Орске (октябрь 1946 г.)

*Группа меннонитов, организационно вошедшая в общину ЕХБ г.Орска.
В центре пресвитер Генрих Петрович Реймер (г.Орск, май 1947 г.)*

* В статье использованы фото из книги «Neu Samara am Tock (1890-2003). Warendorf, Deutschland, 2003 и сайтов: <http://www.neu-samara.de/>; http://www.shdanowka.de/index_rus.htm

*Ученики ФЗУ из немецких с. Богомазово и п. Долинск.
(г.Орск, сентябрь 1947 г.)*

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. регламентировалось создание спецкомендатуры МВД курирующей работу со спецпереселенцами. Этот же указ закреплял, что переселение немцев «... проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»². Однако немцы, проживавшие до 1941 г. на территории Южного Урала и не подвергшиеся выселению в основной своей массе избежали постановки на учет в спецкомендатурах. Так, из 14300 немцев, проживавших в Чкаловской области на учет было поставлено только 399 человек³.

*Молодежь сел Сузаново и Донское на празднике урожая
в октябре 1948 г.*

К этому времени многие семьи немцев сумели воссоединиться. В соответствии с приказом МВД от 19 февраля 1949 г. «Об организации персонального учета выселенцев, спецпереселенцев по новой системе» был произведен переучет спецпереселенцев и все они были отнесены к категории «выселенцев». В целях упорядочения контроля за выселенцами вводился посемейный и персональный виды учета. В Чкаловской области к этому времени было расселено 2512 семей немцев – выселенцев (всего 11879 человек, из них 3097 – мужчины, 6050 – женщины и 2732 – дети в возрасте до 16 лет). Почти столько же – 2656 семей размещалось в Башкирской АССР (всего 11548 человек, из них 2396 – мужчин, 6180 – женщин и 2972 – детей). Гораздо большее количество семей воссоединилось в Челябинской области – 7973, составив общий контингент выселенцев в составе 38440 человек (из них 15470 – мужчин, 13470 – женщин и 9376 – детей). Всего же к концу 1948 г. на работах в Чкаловской области использовалось 7539 немцев – выселенцев, в Башкирии – 7284 человек и в Челябинской области – 23265 человек (Таблица 1).

Таблица 1 – Количество выселенцев – немцев, расселенных на Южном Урале (на IV квартал 1948 г.)⁴

Республика, область	Всего расселено		В том числе:			Всего трудоспособных	Всего использует-ся на работах
	Семей	Человек	Мужчин	Женщин	Детей до 16 лет		
Башкирская АССР	2656	11548	2396	6180	2972	7674	7284
Челябинская обл.	7973	38440	15470	13594	9376	23282	23265
Чкаловская обл.	2512	11879	3097	6050	2732	7613	7539

Прибывали на спецпоселение на территорию Южного Урала и представители других национальностей. Так, из районов Западной Украины к ноябрю 1949 г. на поселение в Челябинскую область прибыло 2433 семей «оуновцев», общее количество которых составляло 7183 человека. Это почти десятая часть от всех переселенных к этому времени из районов Западной Украины «оуновцев» и членов их семей (25877 семей, 74799 человек). К 1951 г. численность «оуновцев» и членов их семей в Челябинской области заметно сократилась. На этот период здесь находилось 1934 семей «оуновцев», что в общей сложности составляло 5860 человек (из них 1374 мужчины, 2901 женщина и 1584 детей)⁵.

Члены правления колхоза им. К.Либкнехта (март 1947 г.)

Трактористы Петр Зименс и Петр Дерксен (с.Ждановка, 1947 г.)

*Трактористы колхоза «Комсомолец» И.А. Функ и Я.Г. Классен.
(с.Богомазово, 1948 г.)*

Количество немцев в регионах Южного Урала постепенно увеличивалось, как за счет переводов из других территорий, так и в результате, пусть и незначительного, естественного прироста. К декабрю 1950 г. в Башкирской АССР на учете состояли 18 511 спецпоселенцев, из них 11 691 немец (кроме того, еще 4 334 человек – выселенные из Крыма, «власовцев» – 2 228, принято от ГУЛАГа МВД СССР из ИТЛ строительства № 18 – 263 человека, из них 202 немца). В Челябинской области на учете состояли 52664 спецпоселенцев, из них 41634 немца (остальные: 6163 «оуновцев», 429 «власовцев», 36 выселенцев из Крыма, 9 калмыков, 5 выселенцев из Северного Кавказа и еще 4388 человек принято от ГУЛАГа МВД СССР, из них от Челябинска приняты 310 немцев и от ИТЛ строительства 247 – 4036 немцев). В Чкаловской области на учете стояли 12813 спецпоселенца, при этом все они были немецкой национальности⁶. Несмотря на то, что формально трудармии не существовало, принудительный труд немцев продолжал использоваться достаточно активно. Об этом свидетельствует хотя бы факт того, что после принятия постановления Совета Министров от 24 марта 1952 г. об увеличении добычи нефти в Татарстане и Башкирской АССР спецпереселенцы-немцы, высвобождающиеся от работы в объединении «Бугурусланнефть», в виде исключения, были переведены на новые места работы.

В этот период все немцы спецпоселенцы делились на пять подконтингентов: «выселенные», «репатриированные», «местные», «мобилизованные» и «другие» (т.е. спецпоселенцы других национальностей, выселенные вместе с немцами). К началу 1953 г. в системе ГУЛАГа МВД СССР только в Башкирской АССР числилось 13 158 немцев – спецпоселенцев, из них 8 039 человек относились к категории выселенцев, 3 206 – относились к местным немцам, 1 132 – к мобилизованным и 773 – к репатриированным. В Чкаловской области находилось 13 359 немцев – спецпоселенцев, в их числе 8257 – выселенцев, 382 – местных, 2767 – мобилизованных и 1973 – репатриированных. В Челябинской области общее количество спецпоселенцев – немцев составляло 48 803 человека, из которых 29 864 выселенца, 6 011 – местных, 5 759 – мобилизованных, 4 264 – репатриированных и еще 2 522 немца трудились на спецстройке № 40. Всего же к 1 января 1953 г. на территории Южного Урала в системе ГУЛАГа находилось 72 798 немцев – спецпоселенцев, что составляло всего около 6 процентов от общего количества спецпоселенцев в СССР (Таблица 2).

Таблица 2 – Количество спецпоселенцев – немцев, находящихся в системе ГУЛАГа МВД СССР на 1 января 1953 г.⁷

Республика, область	Находится в наличии				Кроме того		Всего состоит на учете
	семей	человек	Из них:		числит-ся в розыске	в местах лишения свободы	
			взрос-лых	детей до 16 лет			
Башкирская АССР							
- выселенные по решениям Правительства	1871	7985	5524	2461	2	52	8039
- местные	905	3194	2127	1067	—	12	3206
- мобилизованные	331	1104	744	360	2	26	1132
- репатриированные	170	765	525	240	—	8	773
- другие национальн., не входящие в состав семей спецпоселенцев - немцев	—	3	3	—	—	—	3
Всего	3277	13051	8923	4128	4	98	13158
Челябинская обл.							
- выселенные по решениям Правительства	6105	29621	20936	8685	20	193	29834
- местные	1091	5981	3624	2357	2	28	6011
- мобилизованные	1323	5720	4116	1604	—	39	5759
- репатриированные	956	4172	2839	1333	12	80	4264
- другие национальн., не входящие в состав семей спецпоселенцев – немцев	9	413	384	29	—	—	413
- Спецстройка № 40	312	2335	1824	511	149	38	2522
Всего	9796	48242	33723	14519	34	378	48803
Чкаловская обл.							
- выселенные по решениям Правительства	1866	8157	5909	2248	5	75	8237
- местные	165	382	327	55	—	—	382
- мобилизованные	540	2708	2309	399	2	57	2767
- репатриированные	558	1921	1272	649	4	48	1973
Всего	3129	13168	9817	3351	11	180	13359
Итого	15890	72126	50639	21487	49	618	72798
Всего по СССР							
- выселенные по решениям Правительства		846340	560112	2866228	642	8692	855674
- местные		110332	69188	41144	25	967	111324
- мобилизованные		48001	35555	12446	20	561	48582
- репатриированные		203796	134004	69792	147	4445	208388
- другие национальн., не входящие в состав семей спецпоселенцев – немцев		961	808	153	—	2	963
Итого		1209430	799667	409763	834	14667	1224931

5 июля 1954 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев», в соответствии с которым с учета снимались все дети спецпоселенцев в возрасте до 16 лет. Немцы-спецпоселенцы старше 16-летнего возраста получили возможность свободно проживать и перемещаться в пределах республик, краев и областей, на территории которых они проживали⁸. К февралю 1955 г. в местах поселений по всему СССР находилось 718 608 немцев, как российских, высланных на спецпоселения в период Великой Отечественной войны, так и репатриантов из Германии, которые были вывезены в Советский Союз для работы уже после войны. Из них на территории Челябинской области размещалось 25 177 немцев. В условиях острого дефицита кадров, спецпоселенцы были просто незаменимы на производстве. Начальник Орского строительного управления № 8 В. Таранухин в феврале 1955 г. жаловался вышестоящему руководству на отсутствие квалифицированных и политически благонадежных работников, вследствие чего он был вынужден привлекать на руководящие должности «спецконтингент» из числа немцев, не внушающих политического доверия и не имеющих нужной квалификации. Низовой технический персонал строительного управления также состоял в основном из немцев-спецпоселенцев «используемых на технических должностях только потому, что нет лучших кандидатур»⁹.

Немки – работницы кирпичного завода в г.Оренбурге (1949 г.)

Работницы из с. Богомазово в трудармии в г. Орске (1953 г.)

Осознавая необходимость некоторого послабления отношения к спецпоселенцам, в интересах нормализации отношений между СССР и ФРГ, ЦК КПСС 29 июня 1955 г. принял постановление «О мерах по усилению массово-политической работы среди спецпоселенцев». Предоставление большей свободы для спецпоселенцев, по мнению партийных идеологов, должно было сопровождаться усилением агитационной работы. После визита в сентябре 1955 г. в Москву канцлера ФРГ К. Аденауэра было принято решение об отмене для немцев режима спецпоселения. 13 декабря 1955 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении», в соответствии с которым немцы-спецпоселенцы снимались с учета и освобождались из под административного надзора (что означало отмену унижительных ежемесячных посещений спецкомендатуры). Однако компенсация утерянного или конфискованного имущества не предусматривалась, немцам было также запрещено возвращаться в места своего прежнего проживания. С немцев даже брали расписки о том, что они не будут требовать возмещения имущества и пытаться вернуться на прежние места проживания. С юридической же точки зрения, уже сам факт того, что советское руководство допускало возможность возмещения имущества, само по себе свидетельствует о признании своей вины со стороны государства. Уже даже это являлось, по нашему мнению, большим достижением.

В соответствии с директивами из Центра на местах развернулась активная работа с немецким населением. В развитие постановления ЦК КПСС от 29 июня 1955 г. Оренбургским областным комитетом партии 21 мая 1957 г. было принято постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической работы среди немцев». К этому времени на территории области, главным образом на территории Александровского, Белозерского, Люксембургского, Покровского и Переволоцкого районов, проживало порядка 12 тыс. немцев. В ходе проведенной проверки была выявлена масса недостатков в организации работы с немецким населением. Система массовой пропаганды в немецких селах практически отсутствовала. Лекции на политические и научные темы читались эпизодически. Лекторы, приезжая из райцентров, выступали в основном в центральных усадьбах колхозов и поэтому охват лекционной работой немецкого населения был крайне незначительным. Местная же интеллигенция, из немцев, к чтению докладов не привлекалась. Даже в таком крупном немецком селе как Кичкас Переволоцкого района, где проживало достаточно много учителей, медицинских работников, специалистов сельского хозяйства, лекторского объединения не было создано и ни один из местных интеллигентов, знающих немецкий язык, не являлся членом общества по распространению политических и научных знаний¹⁰.

Не лучше обстояло дело и с культурно-просветительской работой. Показ кинофильмов в немецких селах происходил не чаще раза в месяц, колхозные клубы зимой отапливались нерегулярно, кружки художественной самодеятельности при них созданы не были, культурные мероприятия практически не проводились. Концертные и театральные бригады из областного центра в немецкие села также не посылались. Фонды библиотек не пополнялись научно-популярной и антирелигиозной литературой.

Особенно обращалось в ходе проверки на состояние работы с молодежью. Комиссия констатировала запущенное состояние комсомольской работы. Так, комсомольская организация колхоза им. К.Маркса Покровского района, насчитывающая в своем составе 30 комсомольцев, в том числе – 12 немцев по национальности, в течение года провела всего четыре собрания. Молодежные вечера в колхозе не проводились, после двух занятий кружок текущей политики распался. В течение года в комсомол было принято только три новых члена и столько же выбыло из комсомольской организации по религиозным убеждениям. В колхозе им. Буденного Белозерского района (не-

мецкие села Ждановка, Романовка, Федоровка, Николаевка, Каменка) проживало более 500 молодых людей комсомольского возраста, из них в комсомольской организации состояло всего 38 человек. В течение двух лет, предшествовавших проверке, в комсомол был принят только один молодой колхозник, а вышло по религиозным мотивам – четыре. Партийная организация колхоза насчитывала всего 11 человек, в том числе 7 немцев. Столько же членов и кандидатов в члены партии было и в колхозе им. Жданова Александровского района (центр – с.Хортица), из них немцами по национальности были только два человека - председатель колхоза и радиотехник. В колхозе им. Тельмана этого же района (центр – с.Петровка) партийным был только один представитель немецкого населения. Один немец был в числе девяти членов партийной ячейки колхоза им. К.Маркса Покровского района. Также всего один немец числился в партийной ячейке колхоза им. К.Маркса Люксембургского района, состоящей из шести человек¹¹.

Детский сад в п.Долинск (1952 г.)

Детский сад в с.Клинок (1955 г.)

Детский сад в с.Деевка (1955 г.)

Детский сад в с.Богомазово (1960 г.)

Кичкасской средней школе было всего 30 пионеров (из 130 учеников пионерского возраста) и 19 комсомольцев. В Петровской семилетней школе Александровского района ученической комсомольской организации не было вообще. В начальных школах сел Федоровка, Николаевка Белозерского района, с.Канцеровка Александровского района, с.Красиково Люксембургского района и целом ряде других школ пионерских организаций либо не было вообще, либо в них состояло всего 2-5 пионеров. В Ишальской начальной школе Люксембургского района было из 26 учеников только 3 были пионерами. В Красиковской школе этого же района пионерами числились 6 учеников из 27. Здесь сказывалось влияние традиций меннонитов, которые отвергали всякие формы взаимодействия с государством. Так, пяти пионерам Преторийской средней школы родители запретили носить красные галстуки. Многих детей родители не пускали на

школьные вечера. Взамен этого, члены менонитских общин устраивали для детей рождественские елки, в дни религиозных праздников обходили все дворы и делали детям подарки. Отмечалось посещение детьми и религиозных собраний. С одобрением меннониты относились к изучению детьми точных наук: математики, физики, химии, черчения, русского и иностранных языков. Литература и история объявлялись ложными науками. В школах немецких сел отмечался достаточно низкий образовательный уровень педагогических работников. Кроме того, сами учителя нередко были людьми религиозными. Например, учитель Степановской школы Переволоцкого района Нейфельд ушел из школы и стал проповедником. Учитель Сузановской школы Покровского района был замечен на религиозных собраниях меннонитов. И подобные факты не были единичными. За связь с менонитской общиной был снят с должности и исключен из партии председатель колхоза им.Тельмана Александровского района А.П. Энс¹².

Ученики Богомазовской школы (1959 г.)

Торжественная линейка учеников школы п.Долинск по случаю принятия в пионеры и октябрята (1960 г.)

*Ученики из немецких п.Долинск, сел Богомазово и Донское
на общем собрании (п.Долинск, 1962 г.)*

Несколько лучше обстояли дела с работой с немецким населением в Покровском районе, где в селах колхоза им. К.Маркса (центр – с.Претория) проживало 1252 представителя немецкого населения. 8 из 15 депутатов Преторийского совета были немцами. Один представитель немецкого населения был депутатом районного совета. Еще в октябре 1955 г. районным комитетом партии был рассмотрен вопрос об усилении массово-политической и антирелигиозной пропаганды среди немецкого населения в колхозе им. К.Маркса. Для улучшения кинообслуживания немецкого населения было решено выделить новую киноустановку. Для заведывания Преторийским сельским клубом был подобран опытный культработник. Для чтения лекций, докладов и выступлений с концертными программами были организованы регулярные выезды в с.Претория студентов и преподавателей областной культпросветшколы. С учителями школ, воспитателями детского дома и работниками культпросветучреждений было проведено совещание по вопросам улучшения культурно-массовой и антирелигиозной работы. Летом 1956 г. в селах колхоза им. К. Маркса побывал чкаловский планетарий сотрудниками которого было прочитано 9 лекций.

В результате проверки членами комиссии был сделан вывод о том, что местные партийные органы, довольствуясь относительным благополучием в хозяйстве немецких колхозов, не обращали должного внимания на необходимость проведения политической и культурно-просветительской работы с немецким населением. Все это приводило к сохранению влияния религиозных организаций и менонитских проповедников на немецкое население¹³.

1-го сентября в школу идут ученицы Маргарита и Елена Кран, Елена и Катерина Вибе (с.Ждановка, 1964 г.)

После обсуждения на бюро обкома партии вопроса о политико-массовой работе среди немецкого населения Александровским и Люксембургским райкомами КПСС были разработаны планы мероприятий по усилению партийно-комсомольской, агитмассовой, культурно-просветительской и пионерской работы среди немецкого населения на второй квартал 1957 г. В этот период в немецких селах было прочитано 38 лекций на естественно-научные и атеистические темы, проведены 19 сеансов кинофильмов, проведены партийные и комсомольские собрания. После проверки специалистами обкома состояния работы с немецким населением в этих районах было предложено передать под культпросветучреждение здание расформированного детского дома в с.Подольское. При управлении культуры предлагалось организовать двухмесячные курсы руководителей художественной самодеятельности и культпросветработников из клубных учреждений немецких колхозов. В связи с тем, что ученики первых классов плохо владели русским языком предлагалось открыть при школах подготовительные классы, или укомплектовать детские сады соответствующими сотрудниками, которые прививали бы детям навыки разговорной речи на русском языке. Поднимался и вопрос о подготовке учительских кадров из немцев, которые могли бы общаться с учениками на родном для них языке. Для этого предлагалось принимать их в педагогический институт и педучилища вне конкурса¹⁴.

Люксембургский райком партии предлагал направлять пропагандистские кадры непосредственно из немецкого населения на краткосрочные пропагандистские курсы, курсы подготовки руководи-

лей музыкальных и технических кружков, а также в культпросветшколы области. В немецких колхозах предлагалось ввести штатную единицу секретаря партийной организации. Кроме того, планировалось улучшить снабжение немецких сел строительными материалами для строительства клубов, красных уголков и школ. Кабинеты партийного просвещения и отделения общества по распространению политических и научных знаний предполагалось снабдить дополнительной антирелигиозной литературой по менонитскому течению. В дополнение к этому районная партийная организация просила чаще направлять в немецкие села областные театральные коллективы, концертные бригады, передвижные цирки.

В районы области с немецким населением было решено направить пропгруппы обкома партии для оказания помощи местным органам в организации массово-политической работы с немцами. В состав пропагандистских групп вошли работники обкома КПСС и ВЛКСМ, облоно, управления культуры, лекторы областного планетария, общества по распространению научных и политических знаний. Каждая пропгруппа имела кинопередвижку. С 12 по 30 июня 1957 г. она работала в Белозерском, Переволоцком, Покровском, Александровском, Соль-Илецком и Люксембургском районах. В немецких колхозах членами групп проводились совещания и семинары с агитаторами, комсомольские собрания, было прочитано 79 лекций, в том числе 65 на научно-естественные темы, 8 – о международном положении, 4 – на молодежные темы и 2 – на сельскохозяйственные темы, было продемонстрировано 58 сеансов документальных и художественных кинофильмов.

Местным органам было рекомендовано обустроить в немецких селах спортивные площадки и стадионы, открыть колхозные и межколхозные пионерские лагеря¹⁵.

Александровский райком пересмотрел состав агитаторов, в немецких селах, подобрав 10 человек, немцев по национальности, которые могли вести разъяснительную работу с населением на их родном языке. Руководителем агитколлектива был утвержден также немец – Рампель, который прошел в 1957 г. обучение на областных курсах пропагандистов. Лучших политически грамотных производственников – немцев, направил в агитколлективы Люксембургский райком. В этом же районе на должность второго секретаря райкома ВЛКСМ был избран активист из немцев – Нейфельд. В Люксембургской МТС был проведен семинар секретарей партийных организаций, председа-

телей сельских советов по вопросам организации политической и культурно-просветительской работы среди немецкого населения. В этом же районе был организован трехдневный семинар для заведующих клубами, избами-читальнями и библиотеками немецких сел. В поселке Сузаново Покровского района была открыта библиотека, насчитывающая около 150 читателей. Для Преторийского клуба был приобретен баян и 10 пар лыж¹⁶.

Более благополучной с точки зрения культурно-массовой и пропагандистской работы среди немецкого населения была в Соль-Илецком районе. Здесь немцы трудились на сольруднике, кирпичном заводе, Перовской МТС, втором отделении совхоза «Маяк», колхозах «Прогресс» и «Аще-Бутак», в первой полеводческой бригаде колхоза им. Калинина.

В частности, из 559 рабочих сольрудника 159 человек были немцами по национальности. По свидетельству руководства рудника все они выполняли и перевыполняли нормы выработки. Например, бурильщик Берг выполнял норму на 124 %, проходчик Гунн – на 127 %, машинист Реш – на 124 %. Немецкие рабочие были активными рационализаторами. По предложению рабочих Класена и Рейнера на сольруднике была внедрена система многопоточной подачи соли.

Культурно-массовая работа на сольруднике также была налажена. При клубе были организованы драматический, хоровой и музыкальный кружки, в которых занималось около 80 человек, в основном из немецкой молодежи.

Многие немцы занимали руководящие должности. В Перовской МТС 7 из 9 тракторных бригад возглавляли бригадиры немцы. Немец Вингердт возглавлял Соль-Илецкий механический завод, директором Красномаякской средней школы был также немец – Гильдебрант. Во всех немецких колхозах района действовали партийные и комсомольские организации. В течение 1956 и 1957 годов в партийные организации района было принято 18 немцев¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что только к концу 1950-х годов, во многом благодаря внешнеполитическим факторам, правовое положение немецкого населения было несколько выровнено, а советское и партийное руководство как в Центре, так и на местах, обратило самое пристальное внимание на необходимость активной пропагандистской работы с советскими немцами. Но до конца проблема в этот период так и не была решена, так как сохранялись ограничения в свободе передвижения для немецкого населения.

Доставка питьевой воды для комбайнеров во время уборки
(с. Юговка, 1959 г.)

Доярки из с. Ишалка (1960 г.)

Уборочная в с.Донское (1960-е гг.)

Лишь только Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1964 г. «О внесении изменений в Указ Президиума ВС СССР от 28 августа 1941 г. «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» были частично отменены обвинения в пособничестве, а насильственное переселение немцев признавалось необоснованным. Однако вернуться в места, где немцы проживали до депортации или мобилизации позволено снова не было. Это мотивировалось тем, что немецкое население «благодаря большой помощи Коммунистической партии и Советского государства» укоренилось по новому месту жительства. Республиканским органам власти предлагалось и впредь оказывать помощь и содействие немецкому населению в хозяйственном и культурном строительстве с учетом его национальных особенностей и интересов¹⁸. Ограничения в выборе места жительства были сняты только в 1972 г. ЦК КПСС 26 октября 1972 г. было принято постановление «Об отдельных категориях граждан, переселенных в прошлом из мест их проживания в другие районы СССР».

Вслед за этим документом, в 1974 г. было принято еще одно постановление ЦК КПСС «О мерах по улучшению работы среди граждан СССР немецкой национальности». В исполнение этого акта бюро Оренбургского обкома партии 23 июля 1974 г. приняло собственное постановление о выполнении решений ЦК партии в районах Оренбургской области с немецким населением. По итогам отчетов из городов и районов области можно сделать определенные выводы о положении немецкого населения в области.

В Александровском районе, в колхозах им. Жданова и «Прогресс» имелось семь населенных пунктов, в которых проживало 4630 граждан немецкой национальности. В их числе было 98 коммунистов и 415 комсомольцев. Районные власти рапортовали о своей активной работе по привлечению лиц немецкой национальности в общественно-политическую, хозяйственную и культурную жизнь, выдвижению на руководящую работу. Немцами по национальности было 4 секретаря партийных организаций, инструктор райкома партии, 2 председателя исполкомов сельских советов, первый секретарь райкома ВЛКСМ, заведующий сельскохозяйственным отделом районной газеты «Звезда», председатель колхоза, 3 директора средних и 2 – восьмилетних школ, депутат областного совета, 7 депутатов районных и 45 – сельских советов. В школах немецких сел работало 128 учителей, 43 из них имели высшее образование. Немецкий язык преподавало 12 учителей, в том числе 8 – с высшим образованием. В вечерних и заочных

Школах сельской молодежи занималось 212 человек. Около 500 человек в немецких селах участвовало в художественной самодеятельности. Активно внедрялись новые обряды и традиции. Из 95 зарегистрированных в немецких селах в 1974 г. рождений детей, 48 произошли в торжественной обстановке. Также торжественно в сельсоветах отметили 24 из 37 бракосочетаний. Райком партии поставил перед собой задачу изучения социальных процессов среди немецкого населения района, улучшения работы по культурному развитию, интернациональному, патриотическому и атеистическому воспитанию советских немцев с учетом их традиций и интересов¹⁹.

Урожай картофеля в п.Долинск (1970-е гг.)

Жители с.Кубанка 1970-е годы

Детский сад с.Подольск (1970-е гг.)

*Без оркестра в немецких селах не проходила ни одна свадьба
(с.Ждановка, 1970 г.)*

В Беляевском районе, в основном в селах Старицкое, Блюменталь, Андреевка, Ключевка, входящих в колхоз им. Р.Люксембург, а также в с.Цветочное и на центральной усадьбе совхоза «Буртинский» проживало 1995 немцев. Местными властями отмечался рост численности немцев в составе партийных организаций, советских органов, на руководящих должностях. К 1974 г. в районной партийной организации числилось 72 члена немецкой национальности. Все управляю-

щие отделениями колхоза им. Р.Люксембург и 10 бригадиров и специалистов этого колхоза были немцами. В совхозе «Буртинский» на руководящие должности были выдвинуты 6 немцев. В составе депутатов райсовета было 4 немца, и еще 21 представитель немецкого населения был депутатом сельских советов. В школах района работало 37 учителей немецкой национальности.

Только в 1973 г. государственными орденами и медалями было награждено 20 немцев, проживающих в Красногвардейском районе. В областной совет входили 2 представителя немецкого населения, проживающего в Красногвардейском районе, еще 16 депутатов входило в районные и 56 – в сельские советы. Главными специалистами колхозов и совхозов района работали 15 человек. 48 немцев являлись пропагандистами, агитаторами и политинформаторами²⁰.

В Адамовском районе, в селах совхозов «Аниховский», «Комсомольский» и им. В.М. Комарова проживало 1544 немца. Среди них было 27 коммунистов и 163 комсомолец. В составе районного совета депутатов было 3 представителя немецкого населения. Еще 16 немцев были избраны в составы сельских и поселковых советов. Представлены были немцы и среди руководителей. Должность заведующего культотделом при райисполкоме занимал Г.Г. Клипенштейн. П.Я. Нейгум был заместителем директора по учебной работе Кумакской школы. Еще один немец, Г.Г. Гауф, был председателем районного комитета общества «Красного креста и красного полумесяца». За период с 1971 по 1973 гг. шесть граждан немецкой национальности были награждены советскими орденами и медалями.

В Акбулакском районе немецкое население проживало в совхозе «Заря» и колхозе им. Ворошилова. 8 августа 1974 г. на заседании райкома партии был разработан план мероприятий по усилению работы с немецким населением. В районной партийной организации числилось 60 коммунистов и 160 комсомольцев немецкой национальности. 24 немца было избрано депутатами районного и сельских советов, 30 – выдвинуто на руководящие должности, 2 – избрано секретарями партийных организаций, 3 представителя немецкого населения были членами и кандидатами в члены райкома партии, и еще 5 – членами райкома ВЛКСМ

В г. Бугуруслане и районе проживало 1252 советских немца. В их числе более 40 инженерно-технических работников и 30 работников народного образования, здравоохранения и культуры. В партийной и комсомольской организациях состояло на учете 58 коммунистов и 242

комсомольца немецкой национальности. В ходе отчетно-выборной компании в состав парткомов и партбюро было избрано 14 представителей немецкого населения, еще 12 немцев были избраны секретарями цеховых партийных организаций и групппарторганами, более 30 человек – в состав комсомольских комитетов, при этом 7 из них возглавили эти комитеты²¹.

В Гайском районе проживало 649 граждан немецкой национальности. Из них 33 человека являлись членами партии, 6 избраны депутатами районного, сельских и поселковых советов. Многие немцы занимали видные руководящие должности. Так, Э.М. Баймлер работал инструктором райкома партии, Р.А. Генкель – заведующим районным отделом образования, Г.А. Гюнтер – директором средней школы г.Гая, Э.К. Бальке – начальником передвижной мехколонны треста «Южуралтяжтрест».

В г. Новотроицке проживало всего 493 немца, при этом руководящие должности на предприятиях, в учреждениях и учебных заведениях занимали более 50 человек.

На территории Кваркенского района проживало 400 представителей немецкого населения. Среди них было 22 члена партии и 56 комсомольцев. Депутатами районного, сельских и поселковых советов было избрано 8 немцев.

Рабочие немецкой национальности в Октябрьском районе г.Орска работали в основной своей массе на 3 промышленных предприятиях: в тресте «Орскпромстрой», на заводе им. Чкалова и в СУС-6 Центроспецстроя.

На заводе им. Чкалова работали 236 рабочих немецкой национальности, причем 80 % из них трудилось в тарном цехе, возглавляемом депутатом горсовета К.К. Реклингом. В составы партийных бюро цехов были избраны 4 представителя немецких рабочих, в состав заводского и цеховых комитетов профсоюзов были избраны еще 20 немцев, 8 человек были избраны профгруппорганами, в выборные комсомольские организации были избраны 9 немцев.

В тресте «Орскпромстрой» им. 50-летия СССР трудилось 350 немецких рабочих, из них 50 человек являлись членами партии и 90 – членами ВЛКСМ, 10 – пропагандистами сети партийного просвещения, 45- политинформаторами и агитаторами, 60 – активистами добровольных народных дружин. Кроме того, один немец входил в профком треста и два являлись председателями построечных комитетов.

В СУС-6 Центроспецстроя работало всего 32 немца, при этом 4 из них на должностях главных специалистов, 2 – пропагандистов, 13 – в комиссиях при постройкоме. Среди немецких специалистов, работающих в СУС-6 был депутат райсовета, секретарь комсомольской организации и руководитель школы экономики и управления.

Однако руководством Октябрьского района г.Орска отмечалось и сохранение некоторых пережитков, в частности причастности некоторых немецких рабочих и пенсионеров к религиозным сектам. Так, рабочий тарного цеха завода им. Чкалова Г.И. Петерс возглавлял нелегально действующую религиозную организацию, в состав которой входило 64 человека (40 из них – пенсионеры). После того, как рабочим завода было предложено подписаться на периодические издания из ГДР, только 3 человека оформили подписки. Тем не менее, руководство завода решило не игнорировать интересы немецких рабочих и организовало в библиотеке выставку литературы из ГДР. Библиотекой им. Горького было закуплено полное собрание сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса на немецком языке.

В школах города были созданы клубы интернациональной дружбы, проводились вечера на немецком языке. Активно немецкое население участвовало в работе кружков художественной самодеятельности.

На районном партийном собрании коммунистов – учителей были даны рекомендации учителям по общественным дисциплинам приводить примеры самоотверженного труда в первые годы пятилетки представителей всех национальностей, называть лиц немецкой национальности, награжденных правительственными наградами, воспитывать интернациональные чувства у учащихся. При комплектовании состава слушателей вечернего университета марксизма-ленинизма, были привлечены и представители немецкого населения города²².

В г. Оренбурге проживало 1640 советских немцев. В состав городского и районных советов было избрано 8 депутатов немецкой национальности. Среди них депутаты горсовета В.Ф. Штейнбек, М.В. Крекер, Р.С. Штейнке и другие. 37 жителей города немецкой национальности являлись руководителями промышленных предприятий, главными специалистами, начальниками отделов, смен, мастерами, бригадирами. Например, главный инженер управления строительства «Оренбургэнергострой» Ю.Ф.Келлер, начальник

мехколонны №121 Р.Н. Шауфлер, главный механик завода РТИ Г.Г. Фризен, генеральный директор Оренбургской фирмы «Радиатор» Л.А. Фольц, главный инженер треста «Оренбургспецстрой» И.П. Эверст, преподаватель педагогического училища № 1 В.Д. Моор. 18 представителей немецкого населения являлись пропагандистами сети партийного и экономического образования, 36 работали политинформаторами, агитаторами, более 100 немцев участвовали в художественной самодеятельности. На городскую доску почета была помещена фотография лучшего пропагандиста города Г.Г. Фризена. Руководитель народного вокально-инструментального ансамбля А.И. Кайзер был удостоен звания «Заслуженный деятель культуры РСФСР».

В городской партийной организации числилось 85 немцев, более 800 человек – в комсомольской организации города. Многотиражные и стенные газеты, местное радиовещание, освещали на своих страницах и в передачах различные аспекты участия советских немцев в общественной жизни, промышленном строительстве, постоянно публиковались материалы о крепнущей дружбе народов.

Особое внимание уделялось воспитанию интернационализма в детской и молодежной среде. В школах, ГПТУ и других учебных заведениях города работало более 90 клубов интернациональной дружбы. Городскими районными отделениями общества «Знание» были разработаны тематики лекций по интернационалистскому, патристическому и атеистическому воспитанию. Только в 1974 г. на эти темы было прочитано более 8 тыс. лекций. В библиотеках города были составлены списки литературы, рекомендованной для чтения по вопросам национальной политики и межнациональных отношений²³.

Таким образом, немецкое население было объектом особого внимания советских и партийных органов. Столь пристальное внимание к советским немцам в послевоенные десятилетия во многом было обусловлено внешнеполитическим фактором, стремлением нормализовать отношения между СССР и ФРГ. Несомненно, также и то, что активное вовлечение немецкого населения в советское и партийное строительство, развитие системы культурно-массовой работы в местах компактного проживания немцев было обусловлено стремлением нивелировать последствия репрессивной политики государства в военные и послевоенные годы. Советское руководство осознавало факт того, что подвергшиеся репрессиям народы в силу своего неполноценного

политико-правового статуса были искусственно выведены из гражданской общности «советский народ» и непременно условием возвращения их в единый советский социум являлось усиление пропагандистской и культурно-массовой работы. О результативности этой работы, в некоторой степени свидетельствует тот факт, что в конце 1980-х – начале 1990-х годов из 47,5 тыс. немцев, проживающих на территории области около 40 тыс. предпочли переехать на свою историческую родину.

Примечания:

¹ ЦДНН ОО. Ф. 2979. Оп. 1. Д. 50. Л. 7, 21; Тюлюлюкин Е. Российские немцы в истории Оренбуржья (конец XIX – XX вв.). – Оренбург: Пресса, 2006. – С. 155.

² Цит по: Федорова А.В. «На работу в колонии НКВД» // Немцы Оренбуржья: прошлое, настоящее, будущее. Материалы научно-практической конференции. – Оренбург: «ДИМУР», 1997. – С.22.

³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960. – М.: Наука, 2005. – С.128.

⁴ Составлено по: Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XII. Документальные источники ЦГАОР СССР. Часть I. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. – С.136-138. (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д.432. Л. 174-175.)

⁵ Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». – М.: Наука, 2006. – С. 139.

⁶ Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XII. Документальные источники ЦГАОР СССР. Часть I. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. – С. 136, 168, 178, 186.

⁷ Составлено по: Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Материалы к серии «Народы и культуры». Выпуск XII. Документальные источники ЦГАОР СССР. Часть I. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. – С. 208, 242, 296, 300, 303, 318, 322.

⁸ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. док. – С. 111, 325.

⁹ ЦДНН ОО. Ф. 1664. Оп. 9. Д. 141. Л. 8.

¹⁰ ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 1-2.

¹¹ ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 12,16, 36-37.

¹² ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 3-5, 16, 20.

¹³ ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 8-12.

¹⁴ ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 37-38.

¹⁵ ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 40, 44, 48.

¹⁶ ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 62.

¹⁷ ЦДНН ОО. Ф. 371. Оп.19. Д. 598. Л. 58-60.

¹⁸ Бруль В. Сравнительный анализ причин и последствий депортаций российских немцев, поляков, калмыков, литовцев, эстонцев, латышей в Сибирь (1935 – 1965 гг.) // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. – М.: Готика, 1999. – С. 341.

¹⁹ ЦДНН ОО. Ф371. Оп. 48. Д.100. Л.5-7.

²⁰ ЦДНН ОО. Ф371. Оп. 48. Д.100. Л.9-11, 21.

²¹ ЦДНН ОО. Ф371. Оп. 48. Д.100. Л.3-4, 13.

²² ЦДНН ОО. Ф371. Оп. 48. Д.100. Л.39-42.

²³ ЦДНН ОО. Ф371. Оп. 48. Д.100. Л.39-42.

КАТОЛИЧЕСКИЕ ГРУППЫ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННОМ ОРЕНБУРЖЬЕ (1945–1991 ГГ.)*

В годы Великой Отечественной войны немецкое население Оренбуржья существенно увеличилось за счёт принудительно перемещённых лиц, мобилизованных в Трудовую армию с лагерным режимом содержания. Советские немцы, попавшие под необоснованные подозрения в тайных симпатиях к фашистской Германии, массово переводились в область из других регионов на работы в промышленности и строительстве. Так, в ноябре-декабре 1942 г. были направлены в г. Бугуруслан на сооружение объектов «Азнефтегазстроя» 4200 и «Бугурусланнефти» 5440 граждан немецкой национальности. В январе 1943 г. на строительстве Орского нефтезавода были задействованы 3500 представителей этого народа. По состоянию на май 1944 г. ещё 308 немцев, мобилизованных из Средней Азии, трудились в Орске на заводах № 257 (механическом) и № 322 (машиностроительном). В 1942–1943 гг. на комбинате «Чкаловуголь» в Соль-Илецке и Домбаровке работали 390 трудармейцев немецкой национальности¹. После окончания войны в городе Соль-Илецке и Соль-Илецком районе к коренному немецкому населению активно подселялись соплеменники с территорий освобождённых Днепропетровской, Запорожской и Одесской областей Украины. Среди немецких спецпоселенцев в Оренбуржье оказались представители различных конфессий: католики, лютеране, меннониты, баптисты.

С отменой лагерного режима содержания трудармейцев и общей либерализацией религиозной политики Советского государства в послевоенный период местные католики стали негласно собираться в частных домах и квартирах для проведения общественной молитвы. Как правило, её возглавляли миряне старшего поколения, хорошо знавшие богослужебные тексты, а в отдельных случаях – даже рукоположенные нелегальные священнослужители.

Так, в городе Бугуруслане верующие впервые устроили молитвенное собрание на католическое Рождество, 25 декабря 1949 г. На протяжении шести с половиной лет группа численностью до 30 человек организовывала встречи у домашних алтарей, а в 1957 г. даже об-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Оренбургской области научного проекта №13-11-56005.

дела собственного священника – о. Александра Зарецкого с Украины. В течение 3 лет он тайно служил литургии в домах немецких семей Мерц, Мосман и Циммерман, окрестил 15 человек и провёл 3 венчания. Однако в 1960 г. незарегистрированный пастор был выслан советскими властями в Караганду, где и скончался в местной тюрьме 30 октября 1963 г.².

Несмотря на преследования со стороны атеистического государства, к 1964 г. на территории Оренбургской области неофициально действовали уже 10 религиозных групп католиков общей численностью 270 человек: в городах Бугуруслане, Орске, Соль-Илецке, сёлах Ащибутаке, Дружба, Мещеряковка, Перовка, Смирновка, посёлке Маячный Соль-Илецкого района, селе Буртя Акбулакского района. Духовные обязанности в них исполняли 15 неформальных религиозных лидеров. При этом члены 4 групп встречались только по большим церковным праздникам, а 6 других групп собирались на периодической основе³. Правда, всплеск религиозной активности в первые послевоенные десятилетия с середины 1960-х годов сменился падением. Под влиянием государственных репрессий часть групп распалась, как это было в Бугуруслане после высылки священника, а численность остальных неуклонно снижалась по мере старения и ухода из жизни последнего дореволюционного поколения, воспитанного в религиозных традициях. При средней продолжительности жизни в СССР для этого периода в 66 лет у мужчин и 74 года у женщин⁴ пик естественной смертности таких людей как раз пришёлся на 1960-е – 1970-е годы. К 1968 г. количество католических групп в Оренбуржье сократилось с 10 до 8, к 1970 г. – до 6, а к 1974 г. – до 5. За 10 лет число организованных верующих уменьшилось с 270 до 117 человек: к 1974 г. в Орске насчитывалось 40 католиков, Соль-Илецке – 25, сёлах Дружба – 37, Смирновка – 8 и посёлке Маячный – 7 верующих⁵. К 1980 г. на территории Оренбургской области сохранились всего 3 группы католиков общей численностью около 100 человек: в Орске, Соль-Илецке и с. Дружба Соль-Илецкого района⁶. В других населённых пунктах остались единицы верующих, не способных к образованию и поддержанию полноценной религиозной группы. Например, в с. Смирновка к 1982 г. проживали всего 2 старушки, исповедовавшие католицизм⁷.

В условиях отсутствия на территории Оренбургской области официальных структур Римско-католической церкви и рукоположенных священнослужителей при большей продолжительности

жизни у женщин именно они взяли на себя заботу о сохранении религиозной традиции через проведение минимально необходимых обрядов, что абсолютно не характерно для католического культа. Так, в 1960-е годы в селе Дружба Соль-Илецкого района отпеванием умерших руководила Елизавета Петровна Лейер (1906 года рождения), которая использовала печатный молитвенник 1800 г. издания и объёмистую тетрадь с молитвами и песнями. При этом малочисленные католики объединялись на праздничных и траурных церемониях со своими односельчанами из числа лютеран, не придавая значения на бытовом уровне межконфессиональным различиям перед угрозой секуляризации. Они даже стали хоронить покойных рядом, тогда как прежде с дореволюционного времени католическое и лютеранское кладбища в селе существовали отдельно. Старшим духовным лицом надо всеми католическими общинами Соль-Илецкого района считалась Екатерина Каспаровна Фольман, проживавшая на втором отделении колхоза «Маяк» Красномаякского сельсовета. Члены небольших религиозных групп в сельских населённых пунктах собирались на совместную молитву крайне редко, встречались по-родственному, по-соседски на Рождество и Пасху, при организации похорон и поминок. Местные органы не препятствовали таким посиделкам, считая их частной, семейной жизнью, данью национально-культурным традициям немецкого населения, а не чисто религиозной деятельностью. Поэтому Уполномоченный Совета по делам религий в Оренбургской области указывал, что в Соль-Илецком районе не ведётся работа по прекращению собраний верующих, а районная администрация вообще замалчивает их существование, утверждая, что на её территории нет никаких католиков⁸.

Еженедельные же богослужения проводились только в относительно крупных и хорошо организованных городских общинах. Так, в 1970-е годы католическая группа Орска численностью 40–50 человек регулярно собиралась на общественную молитву каждое воскресенье в частном доме по ул. Чехова. Её также возглавляла женщина – Регина Францевна Бланк (1910 года рождения). Несмотря на преклонный возраст, она проявляла неуёмную энергию, настойчивость и на приёмах в горисполкоме неоднократно добивалась разрешения на визит в Орск католического священника, но неизменно получала отказы под предлогом малочисленности местной общины⁹. Тем не менее, для обеспечения гласного контроля за деятельностью и на-

строениями верующих в 1982 г. власти пошли на государственную регистрацию католического объединения в г. Орске. Председательницей его исполнительного органа была избрана Лидия Михайловна Гаценбиллер (1925 года рождения), а руководила молитвой по-прежнему Регина Францевна Бланк¹⁰. На собраниях в арендованном доме верующие так же читали Библию, пели псалмы и духовные песни. Для нужд своей религиозной организации они пожертвовали 1297 руб. в 1985 г. и 1280 руб. в 1986 г.¹¹. Уполномоченный Совета по делам религий в Оренбургской области отмечал, что местные католики лояльны к советской власти, а Ватикан и Римско-католическая церковь не имеют на них влияния. По взаимному согласию уполномоченного с его коллегой в соседнем регионе Орск стал ежегодно посещать для совершения литургии и духовных треб репрессированный иеромонах-францисканец о. Одорик (в миру – Александр Степанович Бень) (09.03.1912, Долгомостиски, Украина – 01.06.1991, Пшемысль, Польша), который после освобождения из лагеря под Карагандой и отбытия последующей ссылки в Кокчетавской области с 1975 г. возглавлял официально зарегистрированную общину католиков в г. Кустанае. В 1986 г. он даже провёл в Орске первые 6 католических крещений¹². Однако несмотря на первоначальный организационный подъём, консолидацию и собирание верующих вокруг официально зарегистрированного молитвенного дома, численность местной общины, состоявшей исключительно из немков пенсионного возраста, сокращалась в силу естественной смертности: в 1982 г. – 53 человека, в 1984 г. – 58, в 1985 г. – 46, в 1986 г. – 30 и в 1989 г. – 39 прихожан¹³.

В другой городской общине, Соль-Илецка на протяжении многих лет католики собирались на общественную молитву по воскресеньям с 11.00 в доме Маргариты Иосифовны Дош на ул. Садовой, 58. Здесь же под её руководством проводились с соблюдением религиозных обычаев похороны, поминки, отмечались дни рождения, для чего имелась соответствующая богослужебная литература. В 1970-е – 1980-е годы местный молитвенный дом стал объединяющим духовным центром для верующих, рассеянных по сельским населённым пунктам Соль-Илецкого района. Сюда приезжали единоверцы из соседнего Казахстана и даже отдалённой Киргизии. В 1980 г. при посещении дома членами комиссии содействия соблюдению законодательства о религиозных культурах было установлено, что в молебне принимали участие католики из окрестных сёл Перовка и Мещеряковка. В результате

проверяющие вынесли М. И. Дош предупреждение о недопустимости проведения религиозных обрядов с нарушением советских законов¹⁴. Однако в этот период целью государственных органов было уже не полное пресечение религиозной деятельности немецкого населения, а перевод её в легальное русло за счёт ограниченной регистрации групп верующих. В 1984 г. районная комиссия сама предложила католикам Соль-Илецка подать заявление о взятии их на временный учёт, чтобы знать точное число верующих и контролировать их молитвенные собрания. Первоначально руководительница общины М. И. Дош отговаривалась тем, что у неё в доме часто гостит внучка с семьёй из Оренбурга, которую могут стеснить рейды проверяющих. Но власти всё-таки добились от общины подачи заявления в горисполком, который официально разрешил проводить богослужения в воскресные дни, что дало районной комиссии право ежемесячно посещать молитвенные собрания для проверок¹⁵. Тем не менее, и в Соль-Илецке получение легального статуса не способствовало росту религиозной группы католиков в условиях старения общины, отсутствия возможностей для миссионерской агитации и крещения новых членов. Напротив, её численность также постепенно сокращалась: с 25 человек в 1974 г. до 15 верующих в 1986 г.¹⁶.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. к коренному немецкому населению, исповедовавшему католицизм, в сёлах Соль-Илецкого района добавились их новые единоверцы в городах Бугуруслане, Орске и Соль-Илецке за счёт принудительного переселения в Оренбуржье лиц, мобилизованных в Трудовую армию. С отменой лагерного режима содержания трудармейцев и общей либерализацией конфессиональной политики Советского государства в послевоенный период верующие-католики стали объединяться в религиозные группы для проведения общественной молитвы. Однако всплеск их активности в первые послевоенные десятилетия с середины 1960-х годов сменился падением. Под влиянием репрессий со стороны атеистического государства часть групп распалась, а численность остальных неуклонно снижалась по мере старения и ухода из жизни последнего дореволюционного поколения, воспитанного в религиозных традициях. С изменением государственной политики по отношению к религиозным группам немецкого населения в 1982 г. была зарегистрирована католическая община Орска, а в 1984 г. поставлено на учёт объединение верующих в Соль-Илецке. Но придание им легального статуса не остановило

падение численности членов в условиях старения общин, отсутствия возможностей для миссионерской агитации и крещения новых членов вплоть до появления в 1993 г. на территории Оренбургской области постоянно действующих рукоположенных священнослужителей.

Примечания:

¹ Моргунов К. А. Трудовая мобилизация немецкого населения на Южном Урале в военные и послевоенные годы // Современное состояние межэтнических и этноконфессиональных отношений в регионах России: проблемы повышения толерантности населения: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2007. – С. 157–188.

² История прихода свв. Петра и Павла [Электронный ресурс]. URL: <http://bugucatolico.narod.ru/history.html> (дата обращения: 25.04.2013).

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 617. Оп. 1. Д. 400. Л. 17–18.

⁴ Урланис Б. Ц. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. – М.: Госстатиздат, 1963. – 136 с.; Он же. Берегите мужчин! // Литературная газета. – 1968. – 24 июля. – № 30.

⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 401. Л. 25; Д. 403. Л. 7; Д. 408. Л. 21–22.

⁶ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 415. Л. 12.

⁷ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 423. Л. 70.

⁸ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 402. Л. 15.

⁹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 368. Л. 30.

¹⁰ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 431. Л. 38 об. – 39.

¹¹ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 440. Л. 116.

¹² ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 432. Л. 6–7.

¹³ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 423. Л. 52; Д. 431. Л. 38 об. – 39; Д. 432. Л. 6–7; Д. 440. Л. 98; Д. 450. Л. 82.

¹⁴ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 368. Л. 11–12.

¹⁵ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 431. Л. 49.

¹⁶ ГАОО. Ф. 617. Оп. 1. Д. 440. Л. 135–136.

МИГРАЦИОННАЯ ПОДВИЖНОСТЬ НЕМЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ

Сложная социально-экономическая и политическая ситуации в России способствовали многочисленным миграциям, массовость которых, в определенные периоды развития нашей страны, поставила данную проблему одной из самых главных. Источниками для написания статьи послужили материалы переписей населения, данные из архива Оренбургской области и статистические данные.

Оренбургская область относится к Приволжскому Федеральному округу и Уральскому экономическому району. Территория области охватывает юго-восточную окраину Восточно-Европейской равнины, южную оконечность Урала и южное Зауралье. Современные очертания область получила только в декабре 1934 году. До этого времени Оренбуржье включало в себя часть современных территорий Казахстана, Татарстана, Башкортостана, Самарской и Челябинской областей. В настоящее время на западе Оренбургская область граничит с Самарской областью, на северо-западе – с Татарстаном, на севере – с Башкортостаном, на востоке и юге – с тремя областями Казахстана (Кустанайская, Актюбинская и Западно-Казахстанская).

Область с площадью 123 700 км разделена на 35 районов, имеет 12 городов и закрытое административное-территориальное образование поселок городского типа Комаровский. На территории области с населением 2113,3 тыс. человек проживает около 126 национальностей (по данным Совета по делам национальностей при Губернаторе Оренбургской области в 2010г.). При переписи населения в 1989 году указывалось около 80 разных национальностей.

История области непосредственным образом имеет отношение к миграционным процессам, происходившим на ее территории еще в начале XVIII века. Географическое расположение способствовало постоянным непрерывным миграционным потокам. Немцы появлялись на территории Оренбургской области с самого ее основания, это были государственные служащие, военные, ученые. В Оренбургскую область немцы начали переселяться в заметном количестве с конца XIX века и откуда они не депортировались советским режимом. Немцы Оренбуржья не представляют большого интереса для исследователей, в связи с их относительной малочисленностью (по сравнению с Повол-

жьем, Алтайским краем, Омской областью), отсутствием на территории области массовых репрессий и депортаций. Не смотря на это, немцы в истории Оренбуржья всегда играли не последнюю роль, и по сегодняшний день входят в десятку самых многочисленных этнических групп области. Не менее интересным представляется динамика переселения немцев конца XX – начала XXI вв., когда происходили изменения характера миграционных процессов.

Оренбургская область относится к тем немногим субъектам Российской Федерации, где был образован немецкий национальный район, который был ликвидирован и впоследствии не восстановился (1930-1938 гг.), что и явилось одной из немало важных причин массовых миграций в 90-х гг.

Динамику численности немцев Оренбуржья можно проследить по данным переписей населения, проводимых в СССР.

Таблица 1 – Динамика численности российских немцев на территории Оренбургской области

Год проведения переписи	Количество оренбургских немцев	Процент от общей численности населения области
1939 год	18 594	1,1%
1959 год	34 639	1,9%
1970 год	40 168	2,0%
1979 год	43 287	2,1%
1989 год	47 556	2,2%

В 40-е гг. динамика численности немецкого населения области резко возросла, так как сюда была направлена большая часть мобилизованных немцев в трудовые лагеря. Для периода 1950-1960-ее гг. характерен прирост немецкого населения на территории Оренбургской области. Это объясняется последствиями военного времени, когда лишённые права вернуться домой немцы-мужчины перевозили свои семьи в места своей работы. Лишь в декабре 1955 года вышел указ «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении». Это распоряжение существенно помогло восстановить родственные отношения, отыскать семьи близких и воссоединиться. Период восстановления в правах немецкого населения затянулся на десятилетия. Люди, попавшие во время Великой Отечественной войны в трудовые лагеря на территории Оренбургской области, окончательно обосновались, перевезли родствен-

ников, и, таким образом, не имели возможности переселиться в места прежнего проживания.

Постепенный рост численности немецкого населения наблюдается в период между 1970 и 1979 годами на 8,0% - с 40,1 тыс. до 43,3 тыс. Самоидентификация немцев по уровню владения родным языком выглядит следующим образом: в 1970 году в качестве родного языка немецкий называли 71,3% немцев, а в 1979 году уже 68,6%, при этом 90,9% немцев свободно владели русским языком.

Таблица 2 – Распределение численности и владения языком немцев Оренбургской области по переписям 1970 и 1979 гг.

Численность		1979 г. в % к 1970 г.	Общая численность немцев, считающих немецкий язык своим родным языком		Численность немцев, свободно владеющих русским языком
1970 год	1979 год		1970 год	1979 год	
40,1 тыс.	43,3 тыс.	108,0%	71,3%	68,8%	90,9%

Таблица 3 – Динамика численности городского и сельского немецкого населения Оренбургской области

		Городское население	Сельское население
Число лиц немецкой национальности	1979 год	16 615	26 672
	1989 год	17 838	29 718
	1989 год в % к 1979 году	107,4%	111,4%
В процентах к общему населению области	1979 год	0,6%	3,2%
	1989 год	1,3%	3,9%
Считают родным немецкий язык	1979 год	40,3%	86,3%
	1989 год	35,9%	83,8%
Свободно владеют русским языком	1979 год	98,2%	87,3%
	1989 год	98,2%	87,3%

Численность немецкого населения за 1970-1989 гг. возросла на 18,4%, что свидетельствует о небольшом количестве притока немецкого населения извне. По переписи 1989 года немецкое население области увеличилось до 47556 человек, что составило 2,2% от общей численности. В данный временной период большее число немцев проживало в мононациональных семьях – 64,7%. Немецкий язык в качестве родного считали 65,8% немцев области, из них 87,0% свободно владели русским языком. Русский язык в качестве родного указали 34,1%

немцев Оренбуржья. Население крупных городов области составило: Оренбург – 3848 немца (0,7% населения города), Орск – 7002 немца (2,6% населения города). Наибольшее количество немцев проживало в 1989 году в Переволоцком районе – 6381 человек, Александровском – 6080 человек, Красногвардейском – 7420 человек.

Таким образом, для 1940-1980-х гг. характерна пониженная миграционная подвижность немцев, существовал лишь тип внутренних (внутригосударственных) миграций, внешние миграции для данного периода не характерны. С 1989 года в истории немцев Оренбургской области начинается качественно новый тип миграции – межгосударственная.

С конца 80-х годов преобладает один из видов миграционных процессов - внешняя межгосударственная безвозвратная эмиграция, но необходимо заметить, что не исключается так же и существование второго вида – иммиграция немцев из бывших союзных республик. К концу 1980-х годов число эмигрантов было не велико:

1987 год – 808 человек,
1988 год – 879 человек,
1989 год – 4622 человека.

Проводившаяся в 1994 году выборочная микроперепись населения показывает активность миграционных процессов первых лет массовых выездов. За пять лет (1989-1994 гг.) процесс ассимиляции немецкого населения Оренбургской области резко усилился, доля немцев, считавших немецкий родным языком, снизилась с 65,8% до 56,6%. Нестабильная ситуация в стране, процессы ассимиляции, низкий уровень жизни в России, нежелание властей восстанавливать немецкий национальный район способствовали увеличению массовых стихийных выездов немцев. В 1993 года активистами немецкой общественной организации был подготовлен проект о восстановлении немецкого национального района на базе Акбулакского, Соль-Илецкого, Беляевского районов, где проживало более 50% немцев. Но по определенным причинам администрация отклонила подобный запрос. Начавшись в конце 1980-х гг. выезды российских немцев за пределы страны продолжались непрерывно вплоть до середины 1990-х гг., и лишь в 1996 году количество переселенцев снизилось почти вдвое. Динамика выездов в этот временной период такова:

1990 год – 7683 человека,
1991 год – 4549 человек,

1992 год – 5715 человек,
1993 год – 4721 человек,
1994 год – 4111 человек,
1995 год – 4152 человека,
1996 год – 2971 человек,
1997 год – 2026 человек,
1998 год – 2115 человек,
1999 год – 1879 человек.

Резкое снижение численности немцев на территории Оренбургской области стало серьезной проблемой. По данным статистики области за период с 1989 по 1996 год – время непрекращающейся эмиграции немцев - за пределы страны выехало 38524 переселенца немецкой национальности. Подобная ситуация существовала не только на территории Оренбургской области, но и практически во всех субъектах Российской Федерации. Например, из Омской области за этот же временной период 1989-1996 годы выехало 66152 этнических немца.

Подобная ситуация не могла не вызвать волнения в администрации области. И весной 1998 года было проведено заседание Совета по делам национальностей при главе администрации Оренбургской области, на котором были подробно рассмотрены перспективы дальнейшего развития немецкого этноса Оренбуржья. Были проанализированы результаты проводимого социологического опроса, которые показали, что более 75% немцев положительно смотрят на эмиграцию и готовы выехать за пределы страны. Необходимо заметить, что не только этнические немцы выезжали за пределы страны, члены их семей других национальностей попадали в эту эмиграционную волну.

Еще в середины 90-х гг. администрация области предпринимала ряд мер, направленных на урегулирование миграционных потоков российских немцев: повсеместно в области открывались немецкие центры и центры встреч, стали выходить немецкие газеты, открывались курсы немецкого языка, формировались самодеятельные коллективы, совместно с Германией осуществлялась помощь в предпринимательской деятельности. Но никакие меры администрации области не смогли предотвратить массовый выезд немцев с территории области. Во второй половине 1990-х годов Советом по делам национальностей Оренбургской области проводился массовый опрос немецкого населения в городах – Оренбурге, Орске, Новотроицке и в районах – Бугурусланском, Красногвардейском, Кувандыжском, Соль-Илецком, Ясненском. 67% всех опрошенных считают, что мер по решению на-

ациональных вопросов не принимаются, а 57% - не видят будущего для себя и своей семьи в России. Причины для выезда приводились респондентами следующие:

- 1) страх, неопределенность будущего;
- 2) улучшение материального положения;
- 3) желание, чтобы дети оставались немцами, жили в национальной немецкой среде;
- 4) потеря родного языка;
- 5) отсутствие условий свободного вероисповедания;
- 6) воссоединение с родственниками;
- 7) отсутствие автономии Российских немцев;
- 8) плохие жилищные условия.

Перепись населения 2002 года показала, что в Оренбургской области численность немецкого населения за 13 лет (с 1989 года) резко снизилось на 62% - до 18055 человек – это 0,8 % от общего числа жителей. Причем немцев в постсоветские годы из Оренбургской области выехало более 45 тыс. человек. Ныне проживающие в регионе немцы (18 тыс. человек) – это небольшая часть урожденных оренбургских немцев и иммигрантов из бывших союзных республик. Данные по переписи 2002 года явились неожиданными для лидеров общественных немецких организаций области. Предполагалось, что с учетом эмигрантов и иммигрантов преимущественно из Казахстана и Узбекистана, на территории области проживает примерно 7-10 тыс. немцев. Руководитель общественной организации немцев «Возрождение» Л.Л. Райзих связывает подобные данные с тем, что большое количество представителей других национальностей, имеющих в семье немцев, записались немцами. Это связано с желанием эмигрировать на постоянное место жительства в Германию.

Иммиграция из стран Центральной Азии (Казахстана, Узбекистана) представляется в 1990-х гг. следующих образцов: в 1993 году на территорию Оренбургской области прибило 895 граждан немецкого национальности, в 1994 – 925, в 1995 – 805, в 1996 – 639, в 1997 – 635, в 1998 – 646, в 1999 – 440, в 2000 – 352.

По данным переписи 2002 года Оренбургская область занимает первое место в Приволжском Федеральном округе по количеству приживаемых лиц немецкой национальности, обходя при этом Саратовскую область и Башкортостан; и шестое место по России (после Алтайского края, Омской, Новосибирской, Челябинской, Кемеровской областей).

Имеет место быть также внутренняя миграция в пределах области, характеризующаяся переездом из сельской местности в города Оренбуржья. Городское немецкое население с 1989 года возросло с 37,5% до 53,8%. За 13 лет, прошедшие с предыдущей переписи, изменилась и возрастная структура немецкого населения области: трудоспособное мужское население (от 16 до 60 лет) 28,4% и женское (от 16 до 55 лет) – 17,3%. Доля немцев старше трудоспособного возраста имела тенденцию к росту.

Данные переписи 2010 года говорят о продолжающемся снижении численности немецкого населения региона. За прошедшие 8 лет из области выехало 5890 лиц немецкой национальности. Таким образом, в 2010 году немцами считались 12165 человек (0,6% от общего числа жителей). Всероссийская перепись населения показала, что немцы Оренбургской области находятся по численности на 8 месте, после русских, татар, казахов, украинцев, башкир, мордвы, чувашей.

Таблица 4 – Численность немцев Оренбургской области

Количество немецкого населения	2002 год	18 055
	2010 год	12 165
	2010 год в % к 2002 году	67,4%
В % к указавшим свою национальную принадлежность	2002 год	0,83%
	2010 год	0,61%

Необходимо заметить, что по данным переписи 2010 года национальность «меннониты» не указал ни один житель Оренбургской области. Немецким языком владеет 25179 человек разных национальностей (1,27% жителей области), из них 135 владеют только одним немецким без знания русского языка. Численность городского и сельского немецкого населения Оренбуржья с учетом знания русского языка выглядит следующим образом:

Таблица 5 – Немецкого городского и сельского население по данным переписи 2010 года, с учетом владения русским языком

Городское и сельское население	Численность лиц немецкой национальности	12 165
	Из них владеют русским языком	12 136
	В % к численности соответствующей национальности	99,8%
Городское население	Численность лиц немецкой национальности	6 504
	Из них владеют русским языком	6 493
	В % к численности соответствующей национальности	99,8%

Сельское население	Численность лиц немецкой национальности	5 661
	Из них владеют русским языком	5 643
	В % к численности соответствующей национальности	99,7%

В целом, в настоящее время численность немецкого населения Оренбургской области вполне стабильно. Межгосударственные миграции не значительны. В 2010-х гг. невозможно установить точное количество эмигрантов, так как немецкую национальность указывают большое количество лиц, происходящих из смешанных семей, либо вообще не имеющих отношение к немецкому этносу, но желающих выехать в Германию на постоянное место жительства. Большая часть заключаемых браком многонациональные. По данным, приводимым В.В. Амелиным, 90% браков не являются мононациональными, и заключается между немцами и представителями таких национальностей: русские, татары, украинцы, белорусы, армяне и др.

По данным переписи на 2010 год Оренбургская область по-прежнему занимает первое место в Приволжском Федеральном округе по численности немецкого населения.

Литература

1. Амелин В.В. Этнокультурная мозаика Оренбуржья. Оренбург, 1999.
2. Амелин В.В., Виноградова Э.М. Оренбуржье в системе региональных интересов России. Москва, 1998.
3. Амелин В.В., Торукало В.П. Оренбуржье в этнополитическом измерении. Том 1. Москва, 1996.
4. Всероссийская перепись населения 2010 года в Оренбургской области. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области.
5. Газета «Оренбуржье» от 18.05.2012.
6. Дизендорф В. Историческая демография немецкого населения России и СССР (XVIII в. – начало XXI в.). Роттенбург, 2010.
7. Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. Москва, 1998.
8. На пути к переписи. Под ред. Тишкова В.А. Москва, 2003.

П.К. ЭССЕН – ОРЕНБУРГСКИЙ ВОЕННЫЙ ГУБЕРНАТОР И ВОЕННЫЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

С историей Оренбургского края связано немало имён крупных государственных и общественных деятелей России, военачальников, видных представителей науки и культуры. Это были представители разных национальностей, в том числе и немецкой. Каждый из них внёс свой посильный вклад в развитие нашего края, губернии, а затем области. В их число можно с полной уверенностью отнести и Петра Кирилловича Эссена, служившего в Оренбургском крае на посту военного губернатора в 1817–1830 годах.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива сохранились несколько служебных формуляров, заполненные самим П.К. Эссеном в разные годы. В них отражены основные этапы его жизненного пути, главные вехи военной и административной карьеры, полученные награды, имущественное положение и многое другое¹. Помимо этого личность и деятельность П.К. Эссена освещены в воспоминаниях его современников, ему посвящены несколько биографических очерков².

Согласно данным служебного формулярного списка, П.К. Эссен родился 11 августа 1772 года в Прибалтике, в Лифляндской губернии, в семье этнических немцев – местных обедневших дворян, родословная которых велась с XIII века. Его младший современник барон, а затем граф Модест Андреевич Корф, служивший в собственной канцелярии императора Николая I, в своих «Записках» подчёркивал, что Пётр Кириллович был «родом из бедной и незначашей лифляндской фамилии (совсем другой, нежели известная эстляндская фамилия Эссенов)...»³. По традициям того времени, укоренившимся в среде российских дворян, он в 5-летнем возрасте был заочно записан вахмистром в лейб-гвардии Кирасирский полк. Образование получил домашнее, довольно скудное, которое в служебном формуляре, составленном в 1816 году, было сформулировано им следующим образом: «По-русски и немецки писать и читать умеет, и часть арифметики знает»⁴. По этой причине он в дальнейшем активно занимался самообразованием, интересуясь, главным образом, военными науками.

Под родительским кровом П.К. Эссен находился до 1788 года, когда по собственному почину в 16-летнем возрасте явился в полк

для участия в русско-шведской войне. В 1790 году был переведён из Кирасирского полка подпрапорщиком в Гатчинский морской гренатерский батальон, где храбростью и распорядительностью обратил на себя внимание великого князя Павла Петровича (будущего императора Павла I). Неоднократно участвовал в морских сражениях против Швеции в акватории Балтийского моря («был в кампании на море») ⁵. 1 марта 1791 года получил в награду чин поручика. Знакомство с будущим императором и его сыновьями благотворно повлияло на его служебную карьеру, которую современники оценили как «изумительно быструю». В 1793 году П.К. Эссен был уже в чине капитана, в 1795 году – секунд-майор, в 1796 году – подполковник, а в декабре этого же года – полковник гвардейского Измайловского полка. В следующем году ему пожаловано за заслуги 200 душ крепостных крестьян в Нижегородской губернии. 14 февраля 1798 года он в 25-летнем возрасте был возведён императором Павлом I в чин генерал-майора и назначен шефом Выборгского мушкетерского полка. За отличное состояние и выучку полка П.К. Эссен был награждён орденом святой Анны 2-ой степени. Такое стремительное восхождение по служебной лестнице породило впоследствии массу слухов и анекдотов, один из которых воспроизведён в «Записках» генерал-майора И.В. Чернова:

«На место князя Волконского губернатором в Оренбург назначен был генерал-лейтенант, а потом вскоре произведенный в полные генералы, Петр Кириллович Эссен.

Карьера его, как генерала, составила случайно. Служил он в Гатчинском, т. е. лейб-гвардии Павловском полку, где все офицеры были лично известны Павлу I, который, полагаясь на их верность, неизменно быстро выдвигал их зачастую и оригинальным образом.

Встретив Эссена на дороге, идущим или едущим на Гатчину, государь посадил его на свою карету и, разговаривая с ним, за умные ответы пожаловал в чин капитана, а через час, когда высадил его из кареты, в полковники, а потом очень скоро в генерал-майоры» ⁶.

Ничего общего с реальной действительностью эта анекдотическая история не имеет. Очередные чины П.К. Эссен, ставший в русской армии того времени третьим по счёту генералом с этой фамилией (Эссен 3-й), получал за добросовестную службу, за упорство в овладении военными знаниями и, в особенности, тактикой ведения боя батальоном, полком, дивизией.

Участие П.К. Эссена в войнах России против Франции и Турции в конце XVIII – начале XIX века наглядно показало, что чин ге-

нерала в 25 лет он получил вполне обосновано. В 1799 году Выборгский мушкетерский полк под его командованием был в походе в Швейцарию в экспедиционном корпусе генерал-лейтенанта А.М. Римского-Корсакова и сражался с французами под Цюрихом, Дизенгофом и Шафгаузеном. Генерал-фельдмаршал А.В. Суворов, находившийся в это время в Италии с другим экспедиционным корпусом, сообщал 29 сентября 1799 года в Петербург императору Павлу I весьма лестный отзыв о действиях П.К. Эссена в сражении под Цюрихом:

«От генерал-лейтенанта Римского-Корсакова из Цюриха от сентября 1-го числа получил я рапорт, что 28-го августа в час пополудни неприятель атаковал перед Цюрихом четырьмя батальонами отряда генерал-лейтенанта князя Горчакова пост генерал-майора Эссена, где два батальона Эссена полку, две егерские роты полков Титова и Фока и один эскадрон драгунского Шепелева находились. Он хотел воспользоваться темнотою ночи, но генерал-майор Эссен, собрав тотчас свою передовую цепь, встретил его картечными выстрелами, после которых бросился он на левый фланг, где штыками мушкетёр и огнём егерей был отбит до его передовых постов ... Генерал-лейтенант князь Горчаков много похваляет генерал-майора Эссена в соблюдении совершенного порядка при сём нападении в большую темноту ночи и хорошее его распоряжение в сём первом в Швейцарии российских войск действии. Князь Италийский, граф Александр Суворов-Рымникский»⁷.

За отличия, проявленные в этом походе, П.К. Эссен получил 26 января 1800 года чин генерал-лейтенанта и был награждён орденом святой Анны 1-й степени. По возвращении в Россию он был назначен Выборгским военным губернатором и инспектором пехоты Финляндской инспекции. В 1802 году он стал шефом Шлиссельбургского мушкетерского полка⁸.

В 1806 году П.К. Эссену было поручено командование 8-й пехотной дивизией, с которой он участвовал в войне с французами в 1806–1807 годах. В сражении под Прейсиш-Эйлау 20 января 1807 года ему пришлось сдерживать сильнейшего неприятеля, старавшегося обойти правый фланг русских, а на следующий день, находясь в центре позиции русской армии, он с успехом отразил все натиски французов. Руководимая им 8-я дивизия захватила 8 орудий, 2 знамени и около 1000 пленных, за что П.К. Эссен был награждён императором Александром I орденом святого Георгия 3-й степени, а прусский король Фридрих Вильгельм III (союзник России) пожаловал ему орден Крас-

ного Орла 1-й степени. Затем он принимал участие еще в нескольких сражениях и везде проявлял себя храбрым и распорядительным военачальником. В конце военной компании, проигранной Россией и Пруссией, он был удостоен ордена святого Владимира 2-й степени за храбрость, проявленную в бою у села Ламитен⁹.

В 1808 году П.К. Эссен был направлен в Молдавскую армию и сражался с турками в 1809–1811 годах в должности начальника 27-й пехотной дивизии. За сражение под Журжей, где он искусно обошел левый фланг неприятеля, чем много способствовал его поражению, был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Затем, командуя осадным корпусом под Браиловым, он принудил гарнизон крепости сдаться без боя, за что получил 19 декабря 1809 года орден святого Александра Невского. Трофеями этой победы были 221 орудие, много бунчуков и знамен. Продолжая и дальше деятельно и умело воевать с турками, он своими обдумантыми и дельными распоряжениями в сражении под крепостью Руцук 11 июня 1811 года много содействовал разгрому турецких войск. По представлению генерала от инфантерии М.И. Кутузова, руководившего русскими войсками в этом сражении, он получил с алмазные знаки к ордену Александра Невского. По окончании войны ему был пожалован орден святого Владимира 1-й степени за успешную переправу войск через Дунай¹⁰.

Талантами умелого организатора и военачальника П.К. Эссен блеснул и в Отечественной войне 1812 года, и в заграничных походах русской армии в 1813–1814 годах. Накануне войны французские разведчики составили для Наполеона I характеристики 58 генералов и старших офицеров русской армии. Об Эссене ими было написано следующее: «Генерал Эссен-3. Пётр Кириллович, 38 лет, начальник 8-й пехотной дивизии, хороший генерал и очень храбрый под огнём; всегда употребляемый для действительной службы. Имеет достаток»¹¹.

Как только началась война 1812 года, П.К. Эссену с остававшейся под его начальством и сильно поредевшей 27-й пехотной дивизией было предписано спешить на север для подкрепления корпуса генерала Ф.В. Остен-Сакена. Во время этого марша утром 7 октября под местечком Устилуг он неожиданно столкнулся с двумя неприятельскими корпусами: австрийским – князя К.Ф. Шварценберга и французским – генерала Ж.Л. Ренье. Несмотря на многократное численное превосходство неприятеля, он со своим отрядом весь день атаковал его. Князь Шварценберг и генерал Ренье решили, что против них действует вся русская Западная армия. Между тем, дождавшись

ночи, русский отряд быстро, но незаметно оторвался от противника и успел соединиться с корпусом генерала Ф.В. Остен-Сакена. После этого П.К. Эссен участвовал в целом ряде сражений против французов: при Горностаевке, Волковыске, Рудне, при Красном Дворе, на реке Маховец и во многих других местах. Его подвиги не остались незамеченными, и он получил вторую золотую шпагу, осыпанную бриллиантами, с надписью «За храбрость»¹².

Дальнейшее его участие в боевых действиях на время было прервано. Император Александр I поручил ему в декабре 1812 года сформировать 48 резервных батальонов и 3 пехотных полка: Украинский, Выборгский и Мингрельский. Сформировать вышеуказанные части в условиях войны было нелегко, однако П.К. Эссен энергично принялся за дело и, проявив незаурядные организаторские способности, в 1813 году успешно выполнил поставленную задачу. В награду за эти труды ему было пожаловано 4000 руб. ассигнациями. По окончании формирования новых воинских частей он прибыл с пополнениями в Действующую армию, а затем был назначен командиром 4-й пехотной дивизии, направленной для осады Дрездена. В январе 1814 года он осадил крепость Мец, а после взятия её участвовал в сражении при Шато-Тьери и во взятии Парижа¹³.

Вернувшись в Россию, П.К. Эссен продолжал командовать 4-й пехотной дивизией до 1817 года. В конце 1816 года он обратился к Александру I с ходатайством об отставке, но вместо этого получил назначение на должность оренбургского военного губернатора, управляющего гражданской частью губернии, и одновременно командира Отдельного Оренбургского корпуса и начальника пограничного края. В эту должность П.К. Эссен вступил 15 марта 1817 года¹⁴. Перед ним открылось новое и совершенно неизвестное поле деятельности в отдалённой юго-восточной окраине империи.

Находясь в Оренбургском крае 13 лет, П.К. Эссен зарекомендовал себя как добросовестный военный и гражданский администратор, которому были присущи характерные для немцев пунктуальность, исполнительность и аккуратность. В то же время он скрупулезно вникал во все подробности многочисленных дел, несмотря на обширность подведомственных ему сфер военной, экономической, политической жизни края, дипломатических отношений с соседними народами и государствами.

Одним из первых распоряжений П.К. Эссена был приказ по Отдельному Оренбургскому корпусу от 26 марта 1817 года, которым

он запретил существовавший прежде свободный переход через границу, как военных, так и гражданских лиц, и предписал комендантам и начальникам пограничной стражи, чтобы впредь «никто с нашей стороны, ни под каким видом, за черту границы не смел сделать ни одного шага, кроме тех, коим представлены права сии, по положению законов, равно есть ли бы и случились какие происшествия, не преследовать киргизов в их границах ни одного шагу, не делать на кочёвки их нападения и не грабить имущества их под строгою ответственностью, воров же стараться ловить не в их пределах, а по поимке ссылатъ к суду пограничной комиссии, по чему с сего времени всех, переходящих за границу без его ведома, брать под стражу, не смотря ни на какое лицо и мне доносить»¹⁵.

С первых месяцев своего пребывания в должности военного губернатора он уделял постоянное внимание благоустройству Оренбурга и Уфы, улучшению быта народов, населявших Оренбургскую губернию. Не только губерния, но даже Оренбург в ту пору представлял печальное зрелище. Улицы не мощеные, всюду грязь, дома представляли собой самые жалкие лачуги. Торговля была в зачаточном состоянии, так как плачевное состояние и небезопасность дорог отнимали всякое желание у жителей предпринимать что-либо в этом направлении. П.К. Эссен, прежде всего, постарался познакомиться со всеми обитателями края и совершил объезд вверенной ему в управление территории. Видя, что одной из причин нежелания строить новые дома является военный постой, он отменил его и стал энергично бороться с другой серьезной причиной – недостатком строительного материала, изыскивая дешёвые способы доставки леса и выдавая денежные пособия на постройки.

В ноябре 1819 года в Уфе, являвшейся официальной резиденцией военного губернатора, по предписанию П.К. Эссена был учреждён Комитет «для раздачи всемилостивейше пожалованных в ссуду уфимским жителям денег сто тысяч рублей и такового же количества на планировку города». Комитет возглавил оренбургский гражданский губернатор Матвей Андреевич Наврозов. Летом 1820 года Комитет приступил к планировке города Уфы. Необходимо было нанять мастеровых для выполнения таких работ как постройка мостов, срытие по городу возвышенностей и планировку улиц, для чего было решено опубликовать объявления с приглашением всех желающих взять на себя подряд на эти работы. Планы и сметы по планировке города представлялись на рассмотрение военного губернатора, который и

направлял работу Комитета, вникая во все мелочи и подробности, чтобы «сохранить казённый интерес»¹⁶.

Второй заботой П.К. Эссена было улучшение быта коренных жителей губернии, главный контингент которых составляли башкиры и казахи. Видя, что положение первых вследствие быстрой распродажи земель за ничтожные цены становится все тяжелее и тяжелее, он запретил продажу этих земель, чем в значительной мере сохранил материальное благосостояние башкир. Казахам же он разрешил наниматься в работники у линейных казаков, причём с каждого контракта был установлен небольшой денежный сбор, который поступал на увеличение средств для открытия в будущем военного училища в губернии. П.К. Эссен строго преследовал покупку у казахов их малолетних детей и, чтобы уничтожить самый повод к этой продаже – нищету, всеми силами старался поднять их материальное благосостояние. Находя необходимым как-то регламентировать казачье землевладение, он отвёл для казаков Оренбургского войска, живших на пограничной линии, 15-верстную пропорцию земли, а для казаков, расселённых внутри губернии, приказал выделить по 30 десятин на душу. 1 января 1819 года П.К. Эссен был произведён в генералы от инфантерии, а в декабре того же года ему было пожаловано 10 000 десятин земли «за сбережение более 1 300 000 руб. от продовольствия войск» Отдельного Оренбургского корпуса, находившегося под его начальством¹⁷.

Следующим направлением деятельности военного губернатора были энергичные меры по развитию начального и среднего образования в крае. В 1819 году старанием П.К. Эссена были основаны школы для начального обучения казачьих детей при станицах 1, 2, 3, 4 и 5 кантонов и в Оренбургском казачьем полку. Затем он стал хлопотать об учреждении мужской гимназии в городе Уфе, которая была открыта в 1821 году. Усилиями П.К. Эссена в Оренбурге в 1824 году было учреждено военное училище, названное именем первого оренбургского губернатора И.И. Неплюева. Оно готовило военных и гражданских чиновников. Старания губернатора были замечены и отмечены Верховной властью: в 1824 году ему было объявлено монаршее благоволение, а в 1826 году пожалована ежегодная аренда в 3000 рублей серебром на 12 лет¹⁸.

Успешными были его начинания во внешнеполитических делах России с соседними государствами Средней Азии. В 1820 году, выполняя повеление Александра I, П.К. Эссен отправил в Бухарское

ханство дипломатическую миссию действительного статского советника Александра Негри, снабдив последнего подробной инструкцией и деньгами по выкупу русских пленников. Миссию сопровождал вооружённый конвой. В мае 1821 года миссия возвратилась в Оренбург, привезя с собой 19 освобождённых пленников и обязательство хана Бухары издать постановление о запрещении бухарцам покупать русских пленных¹⁹.

В сентябре 1824 года Оренбург и губернию посетил император Александр I. Воспользовавшись присутствием монарха, П.К. Эссен представил ему на утверждение проект «Устава об оренбургских киргизах», в основе которого была идея перехода от косвенного к прямому русскому управлению населением северо-западной части Казахстана. После утверждения этого проекта императором «Область оренбургских киргизов» была разделена на три части – Восточную, Среднюю и Западную. Каждую из них возглавлял султан-правитель. Султаны-правители стали чиновниками Оренбургской пограничной комиссии, в которую вошли председатель (он же хан), по 4 советника и заседателя из состоятельных казахов. По своим обязанностям комиссия выполняла функции губернского правления. При каждом султанине находился казачий отряд под командованием офицера. Ставки их располагались в казачьих станицах и пограничных укреплениях. Младший жуз был размежеван с учётом его этнической структуры и влияния султанов-правителей. Тем самым фактически была ликвидирована ханская власть. Вызванного в Оренбург последнего хана Шергазы (Сергазы) назначили первоприсутствующим (председателем) в Оренбургской пограничной комиссии с жалованием 150 рублей серебром в месяц²⁰. После проведения этой административной реформы в казахской степи П.К. Эссену 14 февраля 1828 года новым императором Николаем I было объявлено особенное Высочайшее благоволение²¹.

В следующем 1829 году в Оренбургском крае появилась холера. Однако благодаря энергичным действиям П.К. Эссена, эпидемия была быстро остановлена. В этом же году комиссия под руководством флигель-адъютанта Николая I полковника П.Н. Игнатьева (будущего санкт-петербургского генерал-губернатора) расследовала злоупотребления в губернии и подвергла сомнению его способность управлять обширным краем. Однако с выводами комиссии император не согласился. 5 февраля 1830 года П.К. Эссен был назначен петербургским военным генерал-губернатором, а в апреле того же года – членом Государственного совета. Прощаясь с населением губернии и вой-

сками, он в приказе по отдельному Оренбургскому корпусу по случаю отъезда от 1 марта 1830 года сообщал: «Оставляя Отдельный Оренбургский корпус, вменяю себе в приятнейшую обязанность свидетельствовать, что я с удовольствием находил в оном, во все 13-летнее командование мое здесь, непоколебимую преданность Высококомонаршему престолу, рвение к службе Его Императорского Величества и похвальное усердие в исполнении распоряжений начальства.

Войска регулярные и казацки: Оренбургское, Уральское, Ставропольское, Башкирское и Мещерякское! Примите от меня сию последнюю благодарность и явите новую беспримерную ревность в строгом прохождении служения, дабы и преемник мой почтил вас равномерной признательностью – моя же останется к вам навсегда»²².

Через год после назначения П.К. Эссена на должность петербургского генерал-губернатора в городе началась эпидемия холеры. Несмотря на установленные вокруг города карантинные заставы, спешно организованные холерные бараки и больницы, в день умирало до 600 человек. Толпы простого народа, убеждённые, что врачи «травят людей», перебили медиков Главной холерной больницы на Сенной площади. П.К. Эссен прибыл к месту событий, однако толпа, услышав его иностранный акцент, едва не растерзала генерал-губернатора. Положение спас прибывший на Сенную площадь Николай I. Крикнув «На колени!», император заставил бунтовщиков молить о прощении. Виновные были наказаны, а меры, которые предпринял возглавляемый П. К. Эссенем Главный холерный комитет, позволили ликвидировать эпидемию²³.

В период пребывания П.К. Эссена на посту генерал-губернатора в столице были построены или перестроены 15 мостов через Неву и её притоки, организована внутригородская почтовая связь (1830). В 1833 году по инициативе Петра Кирилловича было принято «Положение о размещении и устройстве частных заводов в Санкт-Петербурге». Чтобы не нарушать экологическую обстановку в городе промышленными отходами, заводы и фабрики разрешалось строить только в нижнем течении Невы и её притоков. В 1834 году состоялось освящение и открытие Александровской колонны на Дворцовой площади, ознаменовавшееся самым крупным за весь XIX век военным парадом (участвовало до 100 тысяч человек). К 1834 году завершилось строительство Александринского и Михайловского театров. На площади перед Казанским собором были воздвигнуты памятники М.И. Голенищеву-Кутузову и М.Б. Барклаю де Толли (1838). Основана

Пулковская обсерватория (1839). В 1833 году закончено строительство шоссейной дороги, связавшей столицу с Москвой. Еще через четыре года была открыта первая в России железная дорога Петербург – Царское Село. Стараниями П.К. Эссена в городе появились новые благотворительные учреждения: больница для чернорабочих, дом для призрения убогих, училище для малолетних детей неимущих мещан. За свои административные достижения Петр Кириллович был награжден титулом графа Российской империи (1833) и орденом св. Андрея Первозванного (1834). Он стал кавалером всех без исключения высших орденов империи²⁴.

Однако по мере того, как П.К. Эссен старел, в его окружении начали процветать коррупция и злоупотребления. Проверка, проведенная в подведомственных генерал-губернатору учреждениях, обнаружила массу различных нарушений. 2 декабря 1842 года Петр Кириллович был отставлен от должности. При личной встрече Николай I обратился к нему со следующими словами: «Я ничего не имею против тебя лично, но ты был ужасно окружён». П.К. Эссена оставили членом Государственного совета и сохранили пожизненный генерал-губернаторский оклад²⁵.

Скончался Петр Кириллович 23 сентября 1844 года в Петербурге и был погребён в имении своей жены в Орловской губернии. В некрологе, опубликованном в газете «Оренбургские губернские ведомости» в 1846 году, ему была дана следующая характеристика, во многом подтверждаемая документами: «Главным правилом управления Эссена было наблюдение, чтобы никто не выступал из круга действий, каждому предписанных, и постоянное улучшение всех частей, ему вверенных. Он входил в положение подчиненных, старался доставить бедности помощь, угнетённым и обиженным защиту, усердию поощрение, способностям ход, но не выставлял напоказ ни благотворений своих, ни пользы общественной, приносимой его заботливостью. Бережливый вообще, он был стражем всего казённого, отвращал все лишние расходы по городскому хозяйству, и здесь он являл даже скупость непреклонную»²⁶.

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Оп. 1. Д. 1069. Л. 104–109; Д. 1071. Л. 2–5; Д. 7062. Л. 300–305.
2. Корф, М.А. Записки. – М.: Захаров, 2003; «Записки» генерал-майора Ивана Васильевича Чернова / Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Вып. 18. – Оренбург, 1907. – С. 39–48; Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона

- Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. – Т. VII. – М.: студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. – С. 631–632; Русский биографический словарь. – Т.: Шапов–Юшневский. [Репринт. изд.]. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С. 294–297; Губернаторы Оренбургского края. Сост. В.Г. Семенов, В.П. Семенова. – Оренбург: Оренбургское кн. изд-во, 1999. – С. 178–188; Длуголенский, Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга: 1703–1917. – СПб., 2001. – С. 112–118;
3. Корф, М.А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – С. 199.
 4. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 300об.
 5. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1069. Л. 104–109; Д. 1071. Л. 2–5.
 6. «Записки» генерал-майора Ивана Васильевича Чернова. – С. 39–40.
 7. Цит по: Губернаторы Оренбургского края. – С. 179.
 8. «Военный сборник», 1872 г. – Т. 85, № 5. – С. 41–68; Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. VII. – М.: студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. – С. 631–632.
 9. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 302–305; Русский биографический словарь. – Т.: Шапов–Юшневский. – [Репринт. изд.]. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С. 294–297.
 10. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1069. Л. 106–109; «Военный сборник», 1872 г. – Т. 85, № 5. – С. 44–68.
 11. Цит по: Губернаторы Оренбургского края. – С. 178.
 12. «Оренбургские губернские ведомости». 1846 г., № 39. – С. 553–554; 1846 г., № 40. – С. 576–577; Русский биографический словарь. – Т.: Шапов–Юшневский. – [Репринт. изд.]. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С. 294–297.
 13. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 7062. Л. 304–305; «Военный сборник», 1872 г. – Т. 85, № 5. – С. 41–68.
 14. «Оренбургские губернские ведомости». 1846 г., № 40. – С. 576–577.
 15. Цит по: Губернаторы Оренбургского края. – С. 181.
 16. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-399. Оп. 1. Д. 1. Л. 11–47об.
 17. «Оренбургские губернские ведомости». 1846 г., № 40. – С. 577–578; Корф, М.А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – С. 200.
 18. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 1069. Л. 107–109; Поликарпов, А. Краткий исторический очерк семидесятилетия Уфимской мужской гимназии (1828–1903). – Уфа, 1904. – С. 6; Краткий очерк истории Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса. – Оренбург, 1913. – С. 4–7.
 19. Губернаторы Оренбургского края. – С. 183–184.
 20. Национальные окраины Российской империи: Становление и развитие системы управления. – М.: Славянский диалог, 1998. – С. 331–332, 327–328.
 21. Русский биографический словарь. – Т.: Шапов–Юшневский. – [Репринт. изд.]. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – С. 296–297.
 22. ЦГИА РБ. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 2396. Л. 580.
 23. Длуголенский, Я.Н. Военно-гражданская и полицейская власть Санкт-Петербурга: 1703–1917. – СПб., 2001. – С. 112–118.
 24. Там же.
 25. Корф, М.А. Записки. – М.: Захаров, 2003. – С. 202–205.
 26. Оренбургские губернские ведомости. 1846 г. № 40. – С. 580.

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ РИХАРДА ЗОРГЕ

Славное имя Рихарда Зорге знают во многих странах. Оно вызывает восхищение своим мужеством и героизмом.

Родился он на юге Кавказа. Первые слова, которые он научился говорить, были русскими. Немецкую речь он впервые услышал с 4 лет. Он был пятым ребенком в семье Зорге. Когда Рихарду исполнилось три года, семья переехала в Германию.

Его Родиной стал Советский Союз. Он известен не только в Китае, но и в Японии, многих других странах. Мужественный военный разведчик, не страшился угрозы смерти, добывая важнейшие сведения о времени нападения Германии на Советский Союз. Интерес к его личности возрастает с каждым десятилетием.

Он был пламенным интернационалистом, ненавидевшим фашизм. Без содрогания брал на себя самые трудные, самые сложные задачи. Свой долг перед Родиной Зорге выполнил до конца. По сути, среди Героев Советского Союза его имя навсегда горит яркой звездой.

Убежденный антифашист, он не дрогнул перед смертельной расправой.

Мать Рихарда всю жизнь считала, как и ее сын, Россию своей Родиной. По вечерам в их домике звучали обычные советские песни. Рихард Зорге, родившийся на юге Кавказа, считал себя русским до мозга костей. День ареста японской разведкой – (18 октября 1941 г.) не поколебал этого чувства, он не дрогнул перед ужасом смерти, поэтому он навсегда остался в памяти народов России и всего прогрессивного человечества. Ни пытки, ни голод, ни одиночка японской тюрьмы не сломили его мужества и стойкости возглавляемой им одиннадцать лет группы. Все входившие в нее были антифашистами, сторонниками мира во всем мире. И его отец, и братья были активными революционерами. Близкими друзьями их семьи были К. Маркс и Ф. Энгельс. Фридрих Зорге стал организатором американской секции I Интернационала, а потом избран секретарем Генерального Совета Интернационала. Социализм во многих странах уже пустил свои корни.

Рассказы братьев о революционных событиях в России надолго сохранились в памяти Рихарда. В разразившуюся Первую мировую он ушел добровольцем и навсегда возненавидел войну.

Знакомство с организацией «Спартак» определило дальнейшее формирование взглядов Рихарда Зорге. Прошло немного времени, и Рихард стал руководителем Кильской организации «Спартак». Восстание 3 ноября 1918 г. оказало на Зорге значительное влияние. В эти годы Рихард сближается с Тельманом. 15 октября 1919 года Рихард Зорге оформил свое вступление в Коммунистическую партию Германии.

В августе 1919 года Зорге окончил университет, а затем вскоре становится кандидатом государственно-правовых наук и социальных наук, позднее – преподавателем Высшей технической школы.

За редакционную работу Зорге был арестован и посажен в одну из Германских тюрем.

В марте 1925 г. Хамовнический райком РКП (б) принял Зорге в Коммунистическую партию Советского Союза. В Москве Рихард Зорге чувствовал себя в родной стихии.

Печатаются его статьи, посвященные Германскому фашизму – ефрейтору-австрийцу Шикльгрубергу (настоящая фамилия Гитлера) никому не был нужен до тех пор, пока не разразился катастрофический экономический кризис. Особую остроту он приобрел в Германии. Крупный капитал выдвинул тогда на политическую арену Гитлера, его сторонники широко использовали социальную демагогию и шовинистическую агитацию, вопили об ущемлении Версальским договором немцев.

Вести приходили чудовищные: поджог рейстага, (якобы коммунистами), в тюрьмы и концентрационные лагеря брошены 70 тысяч граждан, Гитлер наделен чрезвычайными полномочиями, все партии, кроме национал-социалистической (фашистской) запрещены. На приеме американских и английских журналистов, Гитлер заявил, что между коммунистами и Германией не может быть компромисса, что Германия будет занята поиском «жизненного пространства» на востоке Европы. Фашисты заявили, что уничтожат коммунистов. По заданию руководства разведки он направился первоначально в Китай, а затем в Японию.

Рихард привык наблюдать, он понял, что за ним идет слежка. Разведчик тут же, в гостинице «Макуро» определил, что в его вещах был обыск. Возникшее чувство опасности не оставляло его. К счастью, Рихарду Зорге пришла телеграмма прибыть ненадолго в Москву. Зорге явился к начальнику разведывательного управления комкору Урицкому, который подчеркнул, что главная задача – изучать

замысел фашисткой Германии в отношении СССР. Урицкий посоветовал Зорге вступить в нацистскую партию. Он рекомендовал Зорге все усилия сосредоточить на том, чтобы Япония не напала на СССР. И Рихард приложил все силы к тому, чтобы Япония по отношению к СССР заняла позицию нейтралитета. Связи Урицкого С.П. с Зорге вели свое начало с 1920 г. В Москве каждый день он встречался с Урицким. Последний добился выделения новой квартиры для жены Зорге – Екатерины.

16 августа 1935 г. Зорге покинул Москву. Путь его в Японию лежал через Германию. Здесь Рихарду, как журналисту удалось наладить связи с газетой, пользовавшейся мировой известностью «Франкфуртер Цайтунг». Это было крупной удачей. Газета пользовалась мировой известностью. Зорге стал ее корреспондентом. Это повысило его авторитет. Газету поддерживал финансами концерн «Фарбениндустри».

Прогуливаясь по улицам Берлина, Зорге не узнавал его. Город превратился в плац для солдатской муштры.

Зорге знал, что, несмотря на террор в Германии, продолжали действовать коммунистические организации и антифашистские группы.

Как раз в этот момент намечался перелет на первом «Юнкерсе» из Берлина в Токио. Зорге как известному журналисту предложили принять участие в первом перелете, Рихард вынужден был дать согласие. Токио встречало этот перелет, повысивший авторитет Зорге в журналистских кругах, цветами и музыкой.

Вскоре после перелета Зорге узнал о ведущихся переговорах между японскими правящими кругами и Риббентропом.

Связь с центром удалось установить через Макса Клаузена, в феврале 1936 года. Макс Клаузен – один из самых близких Рихарду радистов, в своей комнатухе для маскировки вывесил портрет Гитлера. Зорге каждый раз, входя, а комнатуху Маркса плевал в этот портрет.

Рихард был весьма образованным, энергичен, настоящий коммунист. Руководил он ненавязчиво. Убеждал руководящие круги Запада отказаться от финансирования японской военщины.

Зорге сумел дело поставить так, что считался лучшим корреспондентом Германии в Японии.

О заключении антикоминтерновского пакта, благодаря Зорге, соответствующие органы советской власти узнали намного раньше, чем узнал весь мир. Благодаря Зорге удалось выяснить, что Япония не хочет пускать Германию в Китай, она сама стремится туда.

Группе Зорге ясно: Япония на всех порах готовится к войне с Китаем.

Узнав, что Япония не будет вести войну против Советского Союза, будет придерживаться нейтралитета, Рихард на мотоцикле помчался к Макс, чтобы передать эту вест в центр нашей разведки. Он мчался с такой скоростью, что перелетев через машину, разбил о камень нижнюю челюсть, пробил череп, временно потерял сознание. Но, придя в сознание, прошептал «в больницу святого Луки» (где работал знакомый врач). Прейдя в сознание, попросил встречи с Максом, чтобы передать ему документы, которые «жгли» его карманы.

Зорге узнал, что на императорской конференции большинство приняло решение не воевать с СССР, воздержаться от нападения на Советский Союз. Императорская Конференция проходила в обстановке сугубой секретности.

Однако один из ближайших соратников Зорге, Одзак, сумел узнать, что принято решение об отсрочке нападения на СССР. Зорге телеграфировал «В Японской армии помнят о Халхин-Голе». Япония предпочитает воздерживаться от нападения на СССР, что давало возможность снять около 40 хорошо вооруженных дивизий с Дальнего Востока и перебросить их под Москву, где решалась судьба СССР.

После длительного сидения в тюрьмах и других издевательств, Зорге и Одзак были казнены, другие участники группы Зорге были приговорены к длительному тюремному заключению.

Великий подвиг Зорге и Одзак не будет забыт в веках.

Охват Н.А. (Оренбург)

СУДЬБА МОЕЙ СЕМЬИ В СУДЬБЕ МОЕЙ СТРАНЫ. ИСТОРИЯ НЕМЦЕВ ОРЕНБУРЖЬЯ

Чтобы сохранить историческую память и национальные семейные традиции, необходимо изучать историю семьи. Знания истории своей семьи - это еще и знания истории своей страны. Ведь, взглянув на исторические события, происходившие в стране через призму каждой отдельно взятой семьи, позволяет сделать эти события зримее, понятнее и ближе.

Вопрос советских немцев в годы Великой Отечественной войны сегодня я считаю актуальным. В дни, когда историю нашей страны пытаются «перекроить», уменьшить роль Советского Союза в победе над фашизмом, когда в странах Прибалтики тех, кто воевал на стороне нацистов, приравнивают к ветеранам войны [1], почему не сказать о тех, кто действительно помог этой победе своим самоотверженным трудом. Русским немцам пришлось претерпеть много лишений, страдать наравне с людьми других национальностей: голодать, терять родных и близких. Но еще на их долю выпали и сугубо свои невзгоды: в период войны они оказались чужими среди своих. Им пришлось принять во многом на себя всю накопившуюся народную ненависть к фашистским агрессорам, когда слова «немец» и «фашист» стали синонимами.

Как известно, немцы в России появились в связи с широким развитием торговли в конце XII века. Уже при Петре I, откликнувшись на его призыв, в Российскую империю переехали десятки военных, ученых, учителей, художников, архитекторов [3].

Но по-настоящему массовое переселение немцев в Российскую империю началось лишь в шестидесятые годы XVIII века с манифеста Екатерины II. Привлечение в Россию иностранных колонистов она связывала, прежде всего, с развитием земледелия в степных окраинах империи [3].

В Оренбургском крае немцы появились с момента основания нашей губернии примерно в 1777 году. А пик эмиграции пришелся на окончание 19 века. Приезжали католики, лютеране и меннониты. Селились обособленно друг от друга и от представителей других религий, стараясь сохранить самобытную культуру [2].

Именно в 90-е годы XIX столетия мой прапрадед Густав Аманн вместе со своей матерью Аманн Анной-Марией, братьями и сестрами переехали в Оренбургскую губернию. Здесь он женился на Анастасии

Тухшерер. Вместе они воспитали семерых детей, среди которых моя прабабушка Анастасия.

С началом Первой мировой войны на российских немцев впервые посыпались обвинения в измене и шпионаже. Царские власти, а потом и Временное правительство, стали разрабатывать планы высылки немецкого населения в Сибирь и другие отдаленные районы страны.

Хотя сами немцы, в трудные для России военные времена, добровольно поставляли для армии огромное количество продуктов, одежды, организовали сбор пожертвований, а Германию рассматривали как врага, напавшего на их родину Россию.

И только победа Октябрьской революции сняла вопрос о принудительном расселении немцев.

Большевики провозгласили право наций на самоопределение и создали «Трудовую коммуну немцев Поволжья». Таким образом, немцы были признаны гражданами Советской России. Они честно трудились и выполняли свои гражданские обязанности.

В начале тридцатых годов огромный ущерб немецким селам нанесло раскулачивание, повлекшее за собой разорение хозяйств, высылку, а иногда и физическое уничтожение колонистов.

Не обошла стороной эта беда и мою семью. К тому времени (приблизительно в 1928 году) моя прабабушка Аманн Анастасия Густавовна вышла замуж за Кун Антона Христиановича. Молодая семья жила вместе с родителями. Жили небогато, но так как трудились не покладая рук и все без исключения, то имели небольшое хозяйство. Поэтому были признаны кулаками. Мой прапрадед, Кун Христиан Каземирович, был арестован и вскоре расстрелян. А мой прадед Антон Христианович вместе с семьей был выслан в Казахстан с полной конфискацией всего имущества. Место, куда они прибыли, была голая степь. Чтобы как то жить, люди рыли землянки. Здесь были не только немцы, но и русские, украинцы. Это поселение прозвали в народе Кулацкое. Жизнь была очень тяжелая – люди умирали от голода и холода. Сил не было даже хоронить мертвых, их стаскивали в одну большую яму. Чтобы спастись от голода, моя прабабушка с маленькими детьми просила милостыню.

И только позже людям разрешили перебраться в Воротовку Буртинского сельского совета Оренбургской области.

Но особенный размах репрессии приобрели в 1936-1939 годах, когда многие немцы были обвинены в шпионаже в пользу Германии, арестованы, сосланы или расстреляны.

В годы сталинских репрессий граждане немецкой национальности оказались под особым контролем органов НКВД. Эта подозрительность укрепилась после прихода к власти Гитлера в Германии.

Война, развязанная фашисткой Германией, ввергла немцев в новую бездну бедствий и страданий. К началу войны в действующей армии находилось около 100 000 российских немцев, из них 1 500 офицеров. Многие из них пали в первые месяцы войны при исполнении долга. Имеется множество свидетельств о героизме советских немцев на полях сражений Великой Отечественной войны. Но спустя два месяца появился указ: воевать эти люди не должны. Немцы ставшие россиянами не в одном поколении, стали считаться неблагонадежными. И опять обвинения в шпионаже, диверсиях, сотрудничестве с иностранными разведками. Немцев захлестнула волна гонений и репрессий.

Из опасения, что советские немцы могут стать «пятой колонной Германии» Указом от 28 августа 1941 года была ликвидирована немецкая республика, все немцы депортированы.

10 января 1942 года грянула новая беда: все немцы-мужчины призывного возраста от 17 до 50 лет должны были быть мобилизованы в рабочие колонны на все время войны и направлены на объекты НКВД.

Трудармейцы работали в шахтах, на строительстве железных дорог, заводов, на лесозаготовках. Словом, выполняли самую тяжелую физическую работу без участия техники. Содержали их в лагерях за колючей проволокой, часто вместе с заключенными. На работу водили под конвоем. Рабочий день длился бесконечно долго. Тяжелый физический труд сочетался с плохим питанием.

Мой прадед Кун Антон Христианович не стал исключением. 2 апреля 1942 года он был мобилизован в трудовую армию и доставлен в первый лагерь для немцев — Волжлаг, в 5-ое отделение.

Мой прадед очень мало рассказывал о трудармии. Семье известно только то, что Волжлаг был во многом похож на концентрационный лагерь — те же бараки, вышки с круглосуточной охраной, конвоиры и колючая проволока вокруг. Трудармейцы строили железную дорогу Ульяновск-Свияжск. Работали только вручную, без помощи техники или лошадей. Кормили людей редко и очень плохо. Истощение наступало быстро. Обморожение было обычным делом, ведь ни одежды, ни обуви не хватало. От мороза кожа трескалась, раны гноились, не заживали. Медицинской помощи не было вообще. Поэтому утром просыпались не все. Этому способствовало и ужасное состояние барачков: холод, сырость, вшивость и большая скученность людей.

Людам даже негде было высушить одежду и обогреться. Отходить от дороги было нельзя – конвоиры стреляли без предупреждения. Гибели трудармейцы сотнями...

С марта 1943 мой прадед был переведен в трудовой армии Широкостроя НКВД. А 1.09.1946 года был отправлен на стройку № 882 в Днепродзержинск.

Официально трудармия была расформирована в 1947 году. И только в 1948 году моему прадеду, как и другим выжившим трудармейцам, выдали временный паспорт, позволили выехать к семье.

Страдания советских немцев на этом не закончились. С ноября 1948 г. и до 1955 года практически все немцы, включая новорожденных среди них и моя бабушка - Пфейфер (Кун) Эмма Антоновна находились на спецпоселении под надзором комендатуры. А это значит у них не было паспортов, возможности свободно передвигаться и обустроить свою жизнь. Они были вынуждены отмечаться ежемесячно в комендатуре, которая контролировала буквально каждый их шаг.

Отношение к немцам начало меняться уже после смерти Сталина. Однако указ об отмене комендатуры не влек за собой возвращения конфискованного имущества, не давал немцам права возвращаться на места, откуда они были выселены. Обвинения не были сняты с них и наказания тоже.

С 1952 года мой прадед со своей семьей переехали жить в село Днепровка (сейчас это Беляевский район Оренбургской области). Работал конюхом, жил честно и тихо. Он был человеком спокойным, аккуратным и немногословным. О своей тяжелой доле никогда никому не жаловался, но стал еще более замкнутым. И только работа с лошадьми приносила ему удовольствие. Умер он 13 декабря 1982 года.

В ноябре 1972 года были сняты ограничения на места проживания немцев. Таким образом, потребовалось 30 лет для того, чтобы действия правительства были признаны ошибочными. А республика на Волге так и не была восстановлена.

С начала 80-х годов быстро вошли в правило фестивали немецкой культуры. Началась активная борьба за восстановление немецкой автономии в Поволжье. Писались письма в правительство, направлялись делегации в Москву. Власти обещали восстановить немецкую автономию. Но все это осталось на словах.

Может быть, если бы была немецкая автономия, не было бы столь большой эмиграции. Этому способствовала и экономическая и политическая нестабильности в стране после распада СССР.

Таким образом, в судьбе моей семьи как в капле, отражается судьба всего народа в целом. Трагедия этого честного, трудолюбивого и мужественного народа - часть трагедии России.

Немцы и своей численностью, и конкретным вкладом в народное хозяйство, науку и культуру играли весьма заметную роль в российском государстве, были вполне законопослушными и добропорядочными гражданами.

Среди немецкого населения имели место те же процессы, что и по всей стране на различных этапах ее существования. Вместе с другими народами России и Советского Союза немцы пережили военный коммунизм, продразверстку и голод, коллективизацию и раскулачивание, колхозно-крепостническую систему 1930-х гг. и порожденный ею голод.

Сталинский режим лишил немецкий этнос, проживающий в России, своей территории, изгнав миллионы людей из их домов, разрушив его экономическую жизнь, попытался разрушить и духовную культуру немцев, запретив для них родной язык, религию, нравы, обычаи и традиции. И все это происходило как в концентрационных лагерях: в неволе, в невозможных жизненных условиях, под прицелом автоматов, в униженном различными подозрениями состоянии, с чувством вины, что ты немец. Но это вовсе не значит, что фашист. Ведь фашизм по своей сути «многонационален».

А русские немцы со своим знаменитым трудолюбием, прославленной аккуратностью и умением образцово вести хозяйство, доказали свое упорное стремление к бесконфликтной жизни среди других национальностей.

Не смотря на все тяготы жизни, они не сломались, смогли отстоять своё право на жизнь, сохранить свою культуру и самобытность. Трудовой подвиг русских немцев может служить примером для человека любой национальности.

Литература

1. Костенко О. «Хайль Украина» / Газета «Аргументы и факты» – №19 – (1436) 7-13 мая 2008г. С.9.
2. Материалы I учредительной конференции областной организации ВОСН «Возрождение». – Оренбург – 1989- С.1
3. Пантелин Д.Ю., Габдулгафарова И.М. Российские немцы: К истории вопроса / Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Тез. докл. Материалы международной научно-практической конференции 2000г. – Оренбург. – 2000. – С.155.

ПИСЬМО В ПРОШЛОЕ

Здравствуйте, Григорий Валерианович!

Можно, я буду называть Вас дедушкой Гришей, ведь Вы почти наш родственник.

Вы могли бы быть моим прадедушкой, если бы вернулись с войны живым. Ведь тогда бы Вы обязательно женились на моей прабабушке, и моя бабушка Аня была бы Вашей дочкой. А я бы по праву любимой правнучки перечитывала Ваши письма к моей прабабушке Елене, сохранившей их, как святую реликвию.

Бабушка Лена хранила их всю жизнь и часто перечитывала. Перечитывала все 218 листочков, испещрённых чернилами военной цензуры, написанных на протоколах из амбарных книг каких-то неведомых колхозов, и даже на обёрточной бумаге. Но разве это главное? Главное то, что Вы любили так чисто и светло, так возвышенно и трогательно, как теперь уже, наверное, не умеет любить никто. Вы с бабушкой Леной были одноклассниками, 1924 года рождения. И вам в сорок первом было по семнадцать лет. К несчастью, она была немкой, из тех крымских немцев, которые жили в России ещё со времён Петра. И война зачеркнула не только вашу едва распустившуюся любовь, но и саму надежду на то, что она когда-нибудь будет иметь продолжение.

Всех немцев выслали в Казахстан. А Вам, наверное, даже говорить кому-то о том, что Вы любите немку было небезопасно. Но Вы ничего не испугались. Вы писали моей бабушке такие письма, что военная цензура, читавшая их, не вычёркивала ни одного слова поддержки, утешения, надежды, любви. А сколько стихов фронтовых поэтов в ваших письмах к любимой!

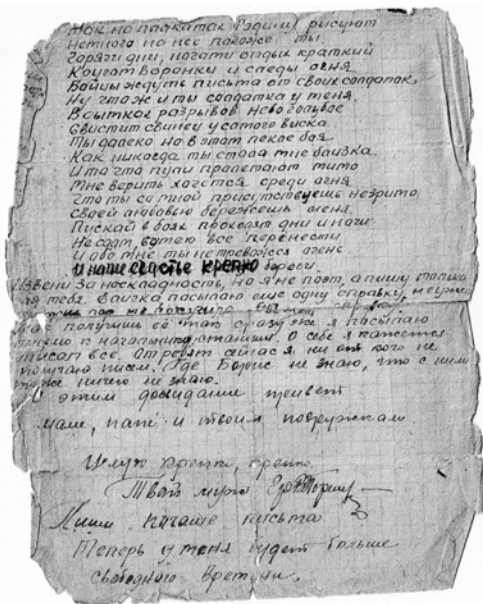
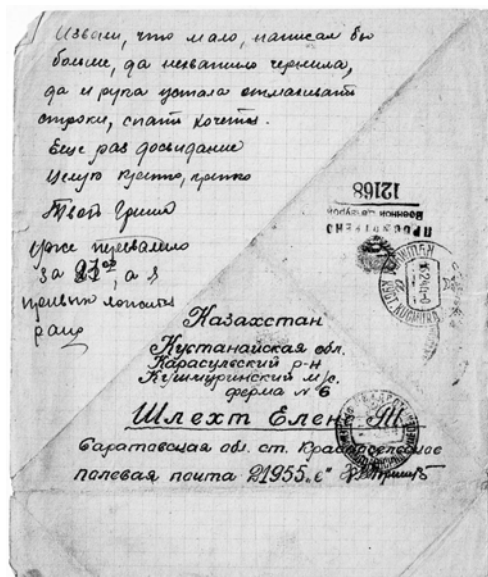
Именно из ваших писем я впервые узнала о стихах Константина Симонова, о сонетах Шекспира, стихах Дмитрия Кедрина. Вы называли бабушку Лену Елькой, Ёлочкой, Алёнушкой, как

никто не называл её ни до, ни после вас. В Ваших письмах столько любви, восхищения, юношеской чистоты и веры, что без слёз их читать невозможно. Вот я и плачу над Вашими письмами, когда в очередной раз достаю их из бабушкиной шкатулки, где хранятся все святыни нашего дома: письма с фронта, Ваши фотографии и нарисованный портрет бабушки Лены, который Вы сделали по памяти в 1942 году, потому что настоящей фотографии любимой у вас не было. Я выкладываю Ваши письма стопочками, так, как они скреплены любящей рукой женщины, к которой обращены. Некоторые я знаю почти наизусть. Я перечитываю стихи, которых нет в наших учебниках, и разговариваю с вами.

Вот письмо от 20 марта 1942 года. «Мы всё ближе и ближе подходим к нашим старым границам. Вот уже освобождён наш родной городок. Скоро ты снова вернёшься домой, в любимый дом, зелёный сад. Я много думаю о тебе, о нашем будущем. Я обязательно вернусь и найду тебя. Твой Гриша».

А вот в письме из 1942 года куплеты гневной песенки, наверное, из фронтовой многотиражки:

«Молодая девушка с немцами милуется,
 Красками покрасилась, вертится юлой.
 Но не нужны соколам краски твои, локоны,
 И пройдет с презрением парень молодой.

Да. Вернутся соколы, смелые, отважные.
Как тогда ты выйдешь молодца встречать?
Ведь торговлю ласками и торговлю чувствами
Невозможно, девушка, будет оправдать».

В этом письме есть ещё строки, которые особенно трогают душу: «Еличка, как хорошо, что ты не видишь всего этого ужаса, который я увидел в освобождённом от фашистов городе. Судьба спасла тебя, пусть даже такой ценой, от того страшного, что и представить нормальному человеку невозможно. В нищете, с потрескавшимися от мороза и работы руками, ты тем не менее осталась чистой, родная моя, любимая

моя!». А вот сердите письмо, в котором Вы, как заправский политрук части, объясняете «несознательному элементу», что фашисты и немцы - это не одно и то же. И не надо принимать на себя вину за зверей, которые тоже называются немцами.

«Помни, что любой немец, который, как ты, работает день и ночь для нашей победы, в тысячу, в миллион раз лучше русского полицая или фашистского прихвостня и предателя. И сегодня это понимают все». Дедушка Гриша, Вы всегда находили такие слова, которые не только утешали любимую в её смятении, отчаянии, но и согревали сердце, давали надежду, укрепляли веру, хотя Вам самим, наверное, было, ох как непросто. В одном из писем Вы признались, что командование не одобряет Вашей переписки и что некоторое время писем может не быть. «Но только ты не тревожься, не плачь и жди. Я тебя никогда не забуду». Последнее письмо от Вас пришло весной 1944 года, из Восточной Пруссии. В 1946 году ваша сестра Аня нашла бабушку Лену и написала ей о полученной похоронке.

Бабушка Лена ни за кого замуж не вышла. В сорок седьмом году она родила дочку и назвала её Аней, а отчество дала ей Ваше - Григорьевна. Бабушка Лена умерла совсем молодой, оставив маленькую дочку своим родителям. Ваши письма хранят в нашей семье уже более шестидесяти пяти лет. Когда Аня была студенткой, она написа-

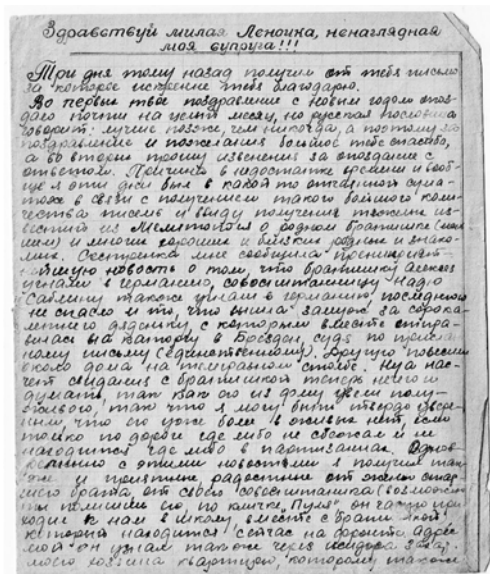
ла стихи, посвящённые Вам и своей маме, потому что именно Вас всю свою жизнь считала своим настоящим отцом. Вот этот отрывок из стихотворения:

Помню эти выцветшие строчки писем, перетянутых жгутом,
Слёзы и настойчивое: «Дочка, прочитаешь, милая, потом.»
А сегодня снова вечер тает, тень рябины на моём окне...
Я пойму. Я всё пойму, родная, о твоих друзьях и о войне.

Сорок первый год. Размытый листик. В нём смятение, и ад, и Смерть.
«А вчера погиб Олежка Мыцык, с аэродрома не успев взлететь.»
Вот четыре обожжённых листика - горькие далёкие гонцы.
В них о том, что Чёрного Бориса нет. И Славка отдаёт концы.

Вот кусочек шёлка и неровно: «Ленка-Ленка! Я тебя люблю!
Мы сейчас с Андрюхой рыжим в Ровно, отдыхаем, ночью был в бою.»
Карандашный след в бумаге грубой, почерневшей будто бы в огне:
«Я вернусь! Ты о плохом не думай. Милая, тоскую о тебе...»

Разбираю выцветшие строки. Мама, я не плачу, слышишь, нет.-
Я иду пылающими тропами, где друзей твоих остался след.

Бабушка Аня хранила Ваши письма и передала их своей дочери-моей маме. Теперь домашним архивом заведу я. Стихи бабушки Ани близки мне настолько, что мне кажется, что их написала я сама.

Деда Гриша! Я знаю, что на моё письмо не будет ответа. Но всё же, всё же, как писала бабушка Аня: «Ты откликнись из дальней дали, хвостатой кометой мелькни, чтобы звёзды, сторая, падали к сердцу Земли. Чтобы грустным холодным вечером из мрака вновь мне улыбалась вечная твоя Любовь...» Спасибо Вам, деда Гриша, за всё: за Победу, без которой бы ничего не было, и меня тоже! За Ваше мужество жить так, как Вы считали правильным и достойным. За Любовь, которую так щедро дарили любимой женщине. Этой любви хватило на всех - на целых четыре поколения нашей семьи. Спасибо Вам за то, что у меня есть право на память о близком человеке, Ветеране Великой Отечественной войны, о человеке, ставшем для меня легендой, примером для подражания, мерой добра, справедливости и Высокой Любви.

Я люблю Вас, деда Гриша! Люблю так же светло и чисто, как Вы любили мою прабабушку Лену.

С Праздником ПОБЕДЫ! И пусть на нашей Земле живут Любовь и Память о Вас, солдатах Великой Победы.

С огромным уважением и любовью к Вам, Ваша правнучка Анастасия.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелин Веналий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Бахарева Ольга Яковлевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета (г.Оренбург)

Блинова Ольга Эриховна – председатель Бугурусланской городской культурно-просветительской общественной организации российских немцев «Возрождение» (г.Бугуруслан)

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (г.Москва)

Денисов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Емельянова Валентина Валерьевна – старший научный сотрудник ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г.Оренбург)

Злобин Юрий Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Люкшина Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, начальник отдела использования и публикации документов ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г.Оренбург)

Моргунов Константин Алексеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИИ истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Охват Никита Александрович – студент отделения бухгалтерского учета и аудита экономического факультета Оренбургского государственного аграрного университета (г.Оренбург)

Панина Татьяна Сергеевна – директор ГУ «Центр документации новейшей истории Оренбургской области» (г.Оренбург)

Потапова Алена Николаевна – к.и.н., доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г.Оренбург)

Сизикова Валентина Эдуардовна – директор Подольского историко-краеведческого народного музея, руководитель Центра немецкой культуры с.Подольск (Оренбургская область, Красногвардейский район)

Тирбах Инесса Рудольфовна – пастор Евангелическо-лютеранской церкви (г.Оренбург)

Толмачева Анастасия Юрьевна – аспирант института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (г.Москва)

Федорова Алла Владимировна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета (г.Оренбург)

Футорянский Леонид Иосифович – доктор исторических наук, профессор, академик АВИН, Заслуженный деятель науки РФ, научный консультант Научно-исследовательского института истории и этнографии Южного Урала Оренбургского государственного университета (г.Оренбург)

Шмидт Леон Романович – председатель Орской городской культурно-просветительской общественной организации российских немцев «Возрождение» (г.Орск)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В.В. Амелин</i> Немцы Оренбуржья: история и современность	3
<i>Н.Ф. Бугай</i> Принудительные спецпереселения этнических общностей в СССР: деспотизм власти или государственная необходимость	6
<i>Т.С. Панина</i> Архивные документы ГБУ «ЦДНИОО» о немецком населении Оренбургской области в предвоенные годы	29
<i>И.В. Люкшина</i> Немецкие колхозы Оренбургской области в конце 1930-х гг. (по документам ГБУ «ЦДНИОО»)	35
<i>В.В. Емельянова</i> Реакция немецкого населения Оренбургского района на процессы коллективизации	43
<i>К.А. Моргунов</i> Трудовая мобилизация немецкого населения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны	48
<i>А.В. Федорова</i> Немецкие переселенцы	80
<i>О.Я. Бахарева</i> Их второй родиной стало Оренбуржье (к 70-летию депортации российских немцев)	89
<i>И.Р. Тирбах</i> Из истории немецкой семьи	102
<i>В.Э. Сизикова</i> Мобилизация немцев-меннонитов Красногвардейского района в трудовую армию (воспоминания)	107

<i>О.Э. Блинова</i> Трудармейцы Бугуруслана	114
<i>Л.Р. Шмидт</i> Трудармейцы г. Орска	132
<i>Д.Н. Денисов</i> Организация религиозной жизни немцев лютеран Оренбуржья в послевоенный период	145
<i>А.Н. Потапова</i> Религиозные общины немцев на Южном Урале	151
<i>К.А. Моргунов</i> Немецкое население Южного Урала в послевоенные десятилетия	161
<i>Д. Н. Денисов</i> Католические группы немецкого населения в послевоенном Оренбуржье (1945–1991 гг.)	187
<i>А.Ю. Толмачева</i> Миграционная подвижность немецкого населения Оренбургской области	193
<i>Ю.П. Злобин</i> П.К. Эссен - оренбургский военный губернатор и военный генерал-губернатор Санкт-Петербурга	201
<i>Л.И. Футорянский</i> Великий подвиг Рихарда Зорге	212
<i>Н.А. Охват</i> Судьба моей семьи в судьбе моей страны. История немцев Оренбуржья	216
<i>А.Ю. Стебнева</i> Письмо в прошлое	221
Сведения об авторах	226

Немецкое население на Южном Урале в военные и послевоенные годы

(к 70-летию депортации немецкого населения СССР)

Материалы межрегиональной научно-практической
конференции

ISBN 978-5-4417-0247-8

Формат 100x70¹/₁₆. Бумага писчая.

Усл. печ. листов 14,375. Тираж 200. Заказ 186.

Подписано в печать 09.10.2013 г.

ООО ИПК «Университет»
460007, г. Оренбург, ул. М. Джалиля, 6.
E-mail: ipk_universitet@mail.ru
Тел./факс: (3532) 90-00-26